

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Уральский государственный университет
им. А. М. Горького
Институт русского языка РАН
Уральское лингвистическое общество
Проблемная группа «Русский глагол»

Актуальные проблемы русистики

Тезисы докладов и сообщений международной научной
конференции, посвященной 70-летию
профессора Э. В. Кузнецовой

7—9 февраля 1997 г.
Екатеринбург, Россия

Издательство Уральского университета
Екатеринбург
1997

ББК Ш1
А43

Ответственные за выпуск
проф. Л.Г.Бабенко,
доц. Ю.В.Казарин

Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. и сообщ. Между-
А43 нар. науч. конф., посвященной 70-летию проф. Э. В. Кузнецовой.
7—9 февр. 1997, Екатеринбург, Россия. — Екатеринбург: Изд-во
Урал. ун-та, 1997. — xxx с.

ISBN 5—7525—0560—7

В докладах и сообщениях участников конференции обсуждается комплекс актуальных проблем русистики, в частности, язык как объект исследования в свете структурно-функциональной парадигмы, язык в человеке и человек в языке, границы языка и границы культуры и др.

Конференция, посвященная видному ученому лингвисту, профессору Уральского университета Э.В.Кузнецовой, проводится при участии Института русского языка РАН, Уральского лингвистического общества и Проблемной группы «Русский глагол» кафедры современного русского языка филологического факультета УрГУ.

4602000000
182(02)—97

ББК Ш1 А43

ISBN 5—7525—0560—7

© Уральский государственный
университет, 1997

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. Г. Бабенко

Уральский государственный университет

ПРОБЛЕМНАЯ ГРУППА «РУССКИЙ ГЛАГОЛ»: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

Проблемная группа «Русский глагол» была организована в начале семидесятых годов по инициативе Эры Васильевны Кузнецовой и включала в свой состав преподавателей, аспирантов и студентов кафедры современного русского языка УрГУ. Именно в эти годы группа начала активное комплексное изучение системной организации глагольной лексики и ее лексикографическое описание. Э. В. Кузнецова разработала методику идентификации словарных значений, позволившую авторскому коллективу под ее руководством осуществить семантическую классификацию русской глагольной лексики, оформленную в виде учебного словаря-справочника «Лексико-семантические группы глаголов» (Свердловск, 1988), который пользуется признанием филологов и имеет большую теоретическую и практическую ценность. По глагольной проблематике также была опубликована коллективная монография, вышло несколько межвузовских сборников.

После кончины Э. В. Кузнецовой часть участников проблемной группы «Русский глагол» решила принципиально изменить направление своих научных изысканий, часть участников отошла от коллективной научной работы в рамках проблемной группы, а остальные решили продолжать разработку теоретических вопросов, связанных с семантикой и синтаксисом русского глагола.

В настоящее время межвузовская проблемная группа «Русский глагол» состоит из лингвистов — преподавателей различных учебных заведений Екатеринбурга, выпускников Уральского гос. университета, учеников Э. В. Кузнецовой. Ядро проблемной группы составляют преподаватели, докторанты, аспиранты и студенты кафедры современного русского языка Уральского гос. университета.

В последнее десятилетие (с 1988 г. и по настоящее время) основное внимание коллектива обращено к разработке двух научных проектов: «Русская глагольная лексика в свете концепции языковой

картины мира» и «Новые типы словарей и их роль в сохранении языка и национальной культуры».

В рамках этих научных проектов подготовлены сборник статей «Глагол и имя: теория и практика лексикографии», монография «Лексико-семантическое пространство русского глагола: пересекаемость парадигм», Толково-идеографический словарь русских глаголов (с указанием английских эквивалентов), работает теоретический семинар, проведено несколько конференций различного ранга.

Разработка указанных ключевых проблем планируется и дальше. Основное внимание предполагается уделять выявлению и описанию базовых концептов процессуально-событийного мира и набору основных семантических комплексов глагольной лексики, а результаты исследования представить в виде монографии. Еще один проект — «Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений» — напрямую связан с развитием концепции Э. В. Кузнецовой, в которой много внимания уделено рассмотрению соотносительности семантики глагольных классов слов и семантической структуры глагольных предложений. Предполагается лексикографическая интерпретация результатов теоретических изысканий в виде синтаксического словаря.

В рамках лексикографического проекта на кафедре современного русского языка УрГУ будет продолжена работа по созданию серии толково-идеографических словарей: Словаря русской эмотивной лексики (коллектив авторов, под общ. ред. Л. Г. Бабенко); Словаря глагольных антонимов (сост. М. Л. Кусова); Деривационно-гнездового словаря современных неологизмов (сост. Т. В. Попова); Словаря «Концепт «небытие, отсутствие» (сост. М. Л. Кусова и др.).

Таким образом, в центре внимания участников межвузовской проблемной группы по-прежнему будут вопросы, связанные с изучением семантики и синтаксиса русского глагола, а также лексикографическая интерпретация результатов исследования в виде словарей разного типа.

Л. М. Васильев

Башкирский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОГО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ

Еще В. Гумбольдт и А. А. Потенбя пытались осмыслить язык как внешнюю и внутреннюю его форму. Ф. де Соссюр и вслед за ним Л. Ельмслев пришли к выводу; что язык — это, прежде всего, форма или даже «чистая форма» фонетической и семантической субстанции. Этот тезис в том или ином виде был принят всеми на-

правлениями структурализма и многими другими лингвистическими течениями нашего столетия. К концу XX века он трансформировался в вопрос о «формах», способах представления в языке как знаковой системе и в речевой деятельности (коммуникации) человеческих знаний, умений, опыта. Этот главный вопрос современной теоретической лингвистики полезно осмыслить в четырех аспектах: а) в аспекте внешней формы языка; б) в аспекте его внутренней (структурной) формы; в) в аспекте его внутреннего содержания; г) в аспекте его внешнего содержания.

Под *внешней формой* языка традиционно понимались формальные, «грамматические» его средства: флексии, суффиксы, инфиксы, постфиксы, чередования (внутренняя флексия), ударение, интонация, служебные слова и т. п. Иногда (например, в трудах А. И. Смирницкого) как внешняя форма слова (как грамматическая его оформленность) трактовалась и его сочетаемость с другими словами. Понятие значимости, введенное Соссюром, связывалось и с формальным, и с содержательным аспектами языка. Такое понимание внешней языковой формы не утратило научного значения и в наше время, ибо во всех языках мира (и это весьма существенный факт) главной субстанциональной опорой речевых единиц, их внешними «оформителями» являются звуки и их различные свойства.

Под *внутренней формой* языка (в системе заданных терминов) следует понимать внутреннюю структуру плана выражения, т. е. только структуру фонетической и лексико-грамматической системы языка (в их отвлечении от содержания, от семантики). Внутренняя форма фонетической системы является, по А. Мартине, результатом первого членения звуковой субстанции, а внутренняя форма лексико-грамматической системы — результатом второго ее членения. Принципы структуризации этих систем сходны (изоморфны): и фонетическим, и лексико-грамматическим единицам присущи парадигматические, синтагматические и иерархические (деривационные) значимости, в которых отражаются наши знания об их месте в тех или иных парадигмах и синтагмах, а также в иерархии этих парадигм и синтагм. Но много в них и специфического: в типах парадигм, в их внутреннем устройстве, в их функциях и т. д., причем в каждом языке есть и своя специфика.

Под *внутренним содержанием* языка целесообразнее всего понимать «внутреннюю форму» его плана содержания, т. е. то, что Потебня считал «внутренней формой» языка в целом, относя к ней, как известно, «ближайшие (языковые) значения и противопоставляя их «дальнейшим» (неязыковым) значениям. Внутреннее содержание языка весьма своеобразно, ибо оно имеет семиотический ста-

тус: языковые значения как носители определенного содержания являются, что справедливо утверждал еще Ч. С. Пирс, знаковыми единицами, способными указывать на какое-то иное так или иначе связанное с ним содержание, т. е. на какое-то иное знание, чем знание значения. В статусе знаковых единиц языка значения указывают лишь на общие классы реалий (предметов, явлений, событий, признаков), очерчивая, благодаря содержащимся в них компонентам (категориям мысли), лишь самые общие их контуры (ср. образ-схемные и базовые концепты в когнитивной теории Джона Лакоффа).

В процессе же речевой деятельности они актуализируются, т. е. становятся представителями и неязыкового знания говорящих об обозначаемых ими реалиях (предметах мысли); иными словами, языковые значения превращаются в речевые смыслы. Именно речевые смыслы являются главной сферой взаимодействия языкового и неязыкового содержания. Все языковые значения внутренне структурированы, причем структурные компоненты значения являются не просто его субстанциональной базой, но и его значимостями, указывающими на место каждого значения в системе языка. А поскольку семантические значимости представляют собой важнейшие категории мысли (понятийные категории), они и оформляют изнутри все языковое содержание, т. е. образуют внутреннюю его форму.

Наконец, *внешнее содержание* языка представляет собой наши знания о мире, все ментальные и чувственные знания говорящих, которые, с одной стороны, всегда субъективны, а с другой — имеют социально-культурную и историческую обусловленность. Это содержание тоже внутренне структурировано (ср. понятийные поля Й. Трира, О. Есперсена и И. И. Мещанинова, ментальные пространства Ж. Фоконье, фреймы Ч. Филлмора и т. П.), но отнюдь не по законам языка или, по крайней мере, не только по законам и правилам языка. Структура внешнего содержания языка обуславливается прежде всего отношениями между реалиями в самой действительности и тем, как они представлены в нашем мышлении, в нашей когнитивной картине мира. Форма (способ) организации неязыкового (внешнеязыкового) и форма (способ) организации языкового содержания активно взаимодействуют, но никогда полностью не совпадают. И хотя стремление к их тождеству, т. е. к полному выражению в структурах языка структур мысли, является главной движущей силой языковой эволюции, язык тем не менее остается только лишь сложной функционально значимой системой целого ряда формальных знаковых систем.

**ОТРАЖЕНИЕ В АРГОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ РЕЛИГИОЗНЫХ
И МИСТИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ**

В арго сохранились мистические отголоски поклонения огню, воде, свету, тьме.

Большинство слов, связанных с понятиями *свет*, *огонь* (*жар*), *вода* (*влага*), обозначают «опасность», «предательство» (например, *жара*, *мокро* — «опасность», *вода* — «сигнал опасности», *пожар* — «беда», *засветить* — «выдать, дать показания», *светофор* — «осведомитель»). Это противоречит верованиям русского народа, считавшего огонь и воду, скорее всего, добром, чем злом, свет же всегда был символом добра.

У деклассированных элементов понятие *огонь* (*свет*) — нечто враждебное, «адский огонь», который может осветить противоправную деятельность, уничтожить их.

Арготизмы XIX — начала XX вв., имеющие корень *темн*, связаны с понятием «преступление», напр.: *темный* — «краденый», *темнить* — «бить по темени», *темные очки* — «поддельный паспорт».

В арго отсутствует понятие «Бог», как нет в нем и понятия его антипода — «сатаны». Однако в криминогенной лексике используется большое количество обозначения нечистой силы. Наиболее распространенными среди них являются лексемы с корнем «черт»: *черт* — «следователь; начальник уголовного розыска; честный человек», *чертоваться* — «делать облаву на преступников», *рота чертова* — «уголовный розыск». Не случайно *черту* — «следователю» и *продают душу* — «становятся осведомителем правоохранительных органов». В арго имеются и другие лексемы, номинально связанные с понятием «нечистая сила», например: *антихрист* — «помощник пристава», *бес* — «осужденный, добросовестно работающий в ИТУ», *дьявол*, *демон* — «человек, не связанный с уголовным элементом, но выдающий себя за профессионального преступника; дурак». Преступник верит в темную силу, которую, по его мнению, олицетворяют представители правоохранительных органов, уголовники-самозванцы и предатели.

В арго имеется около трех десятков слов, генетически связанных с лексемой *левый*, например: *левый* — «краденый», *левак* — «лошадь (предмет кражи)», *левушница* — «магазинная воровка». В верованиях древних людей левая сторона — атрибут нечистой силы. Почти все арготизмы данной группы имелись в дореволюционном арго. Возможно, что издревле преступники считали свою деятельность незаконной с точки зрения общечеловеческой морали.

В языке преступного мира встречаются лексемы, отражающие веру уголовника в колдовскую силу амулетов (оберегов), напр.: *арка, аркан, аркадий* — «столб с перекладиной, мимо которого не ходят преступники (чтобы не быть распятыми — пойманными правоохранительными органами)»; *архил, архилин* — «амулет, приносящий удачу при совершении воровства».

В арго деклассированных элементов отражается больше языческих верований, чем монотеистических, причем имеются отголоски доантропоморфической религии. Доказательством этого являются многочисленные зооморфизмы, обозначающие «враждебную стихию» (например, *легавый, борзой* — «представитель правоохранительных органов», *гусыня* — «женщина-надзиратель в ИТУ»). Зооморфизмы в религии предшествуют антропоморфизму.

Конкретность и материальность арго, малочисленность абстрактных существительных, упрощенное объяснение враждебных сил, стремление свести сложные явления к более простым считается одним из пережитков язычества.

Некоторые образы древних верований повлияли на появление ряда слов в арго, ср.: диалектное *мара* — «привидение; ведьма» и арготич. *мара* — «женщина, проститутка», общенар. *двоедушник* — «мифическое существо с двумя душами: звериной и человеческой» и арготич. *двурушник* — «нищий протягивающий две руки за поданием».

В. В. Дубичинский

*Харьковский государственный
политехнический университет*

СОЗДАНИЕ БАЗОВОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА

Опыт работы с иностранными студентами подтверждает насущную необходимость создания единого лексического минимума по русскому языку для иностранцев. Базовый лексический минимум представляет собой лексикографическое произведение, включающее лексический запас, который позволит иностранным учащимся в общих чертах понимать тексты учебного характера и послужит базой для формирования более полного словарного запаса при дальнейшем изучении русского языка.

Критериями включения лексики в базовой лексической минимум считаются частотность употребления данной лексической единицы и ценность ее в определенной лексико-семантической и понятийной области. Базовый лексический минимум в определенном смысле задает не только языковой материал обучения, но и содержание обучения с точки зрения набора языковых средств, необхо-

димых для формирования потенциального словаря иностранного учащегося.

Круг проблем, которые стоят перед лексикографами при создании базового лексического минимума, представляется следующим.

1. Отбор лексики в зависимости от этапа обучения и контингента учащихся, с учетом ее нормативности, строгой синхронности, ориентации на индивидуальный словарный запас, на определенный круг тем (минимизация лексики) с учетом целенаправленности.

2. Степень учета семантических отношений лексем словника.

3. Словообразовательные, этимологические справки, описание мотивированности лексем.

4. Сочетаемость характеристика заголовочных единиц.

5. Грамматическая и акцентологическая характеристика заголовочных единиц, «грамматика» базового лексического минимума.

6. Производность лексем в словаре.

7. Расположение значений многозначного слова (порядок передачи главных, второстепенных, переносных значений).

8. «Тезаурусность» базового лексического минимума.

9. Стилистическая дифференциация слов и значений.

10. Проблема омонимии и полисемии.

11. Место специальной, устаревшей, иноязычной, диалектной, ономастической лексики.

12. Иллюстративные словосочетания, (не)фразеологичность словосочетаний, «синтаксис» базового лексического минимума.

13. Степень присутствия экстралингвистической информации в словаре, «лингвострановедение» базового лексического минимума.

14. Эквивалентность переводных соответствий в дву- или многоязычном лексическом минимуме.

15. Система условных обозначений и помет.

16. Компьютеризация как методология и методика создания базового лексического минимума по русскому языку.

В настоящее время Харьковским лексикографическим обществом создается базовый русско-английский лексический минимум студента-иностранца, включающий около 5000 лексических единиц, отобранных в соответствии с методическими принципами дозировки лексики в учебном процессе.

В данный базовый лексический минимум включены существительные (с указанием на тип склонения и учетом всех трудностей в парадигме падежных изменений), прилагательные, глаголы (с указанием группы спряжения, типа ударения и вопросов управления), нерегулярно образующиеся наречия и союзы. Минимум строится на основе алфавитно-идеографического принципа.

Компьютерное обеспечение лексикографического процесса создания лексического минимума позволяет оперативно подключать переводные эквиваленты на разных языках. Переводоведческие проблемы решаются с позиций контрастивной ценности слова и учебно-методической целесообразности.

Концептуально базовый лексический минимум — методически обоснованное лексикографическое произведение, представляющее учащемуся комплексное лингвистическое знание о лексике изучаемого языка.

Т. И. Ерофеева, Ф. Л. Скитова
Пермский государственный университет

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Одним из достижений современной лингвистики в области методологии является прием сплошной выборки речевых или языковых факторов из привлекаемых источников, который широко использовался в трудах Э.В. Кузнецовой, ее коллег и учеников при изучении русского глагола. В ряде случаев, как показывает практика, материал, собранный по этому принципу, обладает значительно большей научной информативностью, чем данные, полученные другими приемами. Особую ценность приобретает принцип сплошной выборки при использовании лексикографических источников. Диалектологи Пермского государственного университета имели возможность убедиться в этом в процессе многолетней работы по изучению просторечия как подсистемы русского национального языка и просторечной лексики в частности. В предлагаемом докладе представлены результаты сопоставительного анализа просторечной лексики, показанной двумя изданиями «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (1964, и 1984) и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1995); анализа, способствующего раскрытию статуса просторечия на уровне современной теоретической лингвистики.

В количественном соотношении просторечной лексики и фразеологии, показанной тремя изданиями Словаря, отчетливо проявляется воздействие языковой политики на лексикографическую практику и решение теоретической проблемы о языковой норме (см. таблицу).

Данные изданий 1964 и 1995 гг. весьма близки друг к другу. Между тем цифровые показатели издания 1984 г. заметно «выбиваются». Это издание наиболее пуристское, отражающее тенденции своего времени — стремление к внедрению усиленной кодифика-

ции, которая во многом опиралась на экстралингвистическое определение просторечия как социально неодобренного способа выражения в художественной речи.

В просторечной лексике и фразеологии, содержащихся в трех изданиях Словаря, выявляется общий пласт, включающий 666 лексических единиц и 37 фразеологизмов. Показательно, что ведущее место среди лексических единиц принадлежит глаголу (311), заметно меньше существительных (229), прилагательных (61), наречий (50). Обращает на себя внимание определенное сходство по соотношению частей речи в лексической системе диалектного языка. В определенной мере это соотношение свидетельствует о динамическом характере просторечия и объясняет частое привлечение просторечных единиц в живой литературной речи и в определенной мере — в письменной.

Таблица 1

Просторечная лексика в разных изданиях словаря С. И. Ожегова

Год издания	Кол-во слов	Кол-во просторечных единиц		
		всего	лексических	фразеологич
1964	53000	1385 (3,3%)	1644 (3,1%)	441 (0,2%)
1984	57000	1447 (2,5%)	1335 (2,3%)	112 (0,2%)
1995	80000	2474 (3,09%)	2135 (2,7%)	339 (0,39%)

От издания к изданию Словаря наблюдается последовательный рост числа показываемых в них просторечных имен существительных. Издание 1964 г. содержит 443 единицы (27%), 1984 г. — 458 единиц (34.3%), издание 1995 г. — 742 единицы (34.7%). Среди появившихся в Словаре существительных очерчивается круг бранных слов, включая грубые бранные и в прошлом относившиеся к нецензурной лексике (*стервоза, потаскуха, шлюха* и т.п.). В семантико-тематическом аспекте выделяются группы существительных, связанных с обозначением родственных и социальных отношений человека (*предки — родители, сродственник, перестарок*);

обозначением человека по его деятельности, роду занятий, “статусу”, внутренним качествам (*гаишник, пэтушник, фирмач, доставала, алкаш, зверюга*); с наименованием предметов быта, одежды, пищи (*бебехи* — «всякие домашние вещи», *загашник, закусь*). В определенной мере рост показываемых Словарем просторечных существительных связан с демократизацией литературного языка. Сказывается и возрастающая роль существительных в передаче экспрессивного компонента речи.

Процент просторечных глаголов в Словаре уменьшился с 56 (издание 1964 г.) до 50,6% (издание 1995 г.). Среди появившихся глаголов значительна группа, характеризующая отрицательные поступки человека (*балдеть, сачковать*). Просторечные глаголы семантически ограничены, в большинстве своем выражают конкретные бытовые понятия.

В целом просторечные единицы, появившиеся в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в значительной мере связаны с такими источниками, как профессиональная, жаргонная и арготическая лексика. Соотношение «каркасов» просторечной лексики, показанной разными изданиями Словаря, поддерживает теоретические положения Л.П. Крысина о функционировании просторечия как подсистемы в двух разновидностях: просторечии-1 и просторечии-2.

Сопоставительный анализ просторечной лексики из разных изданий Словаря фиксирует увеличение числа слов, сопровождающихся стилистическими пометами. В издании 1964 г. их было 65, в издании 1984 — 83, в издании 1995 г. — 161. Постоянной консонантой выступает определенным образом лишь разряд единиц с пометой «неодобрительное»: во всех изданиях эта группа занимает первое место сравнительно со всеми другими разрядами (без учета слов с пометой «устаревшее»). В издании 1995 г. заметно увеличилось число слов с отрицательной коннотацией, включая неодобрительные, бранные, презрительные. Это подтверждает правомерность положений, изложенных выше.

Ю. Н. Караулов

ОБ АКТИВНОМ ХАРАКТЕРЕ АССОЦИАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

В качестве модельного коррелята общетеоретического понятия языковой способности на материале русского языка предлагается рассматривать новый лингвистический объект — ассоциативный тезаурус, воплощающий ассоциативно-вербальную сеть (АВС) русского языка. АВС содержит активный словарь и ассоциативную грамматику, которая существует в сети в виде диссипативных (неявных и распределенных по лексике) структур. Ассоциативная грам-

матика в отличие от грамматик иных типов — дескриптивной, генеративной, функциональной и др. — изначально обладает активным характером. «Активность» при этом понимается в самом широком плане, который вбирает в себя такие ее трактовки, как а) «направленность» от смысла к выражению (Brunot, Щерба) или от функции к средствам ее реализации (Бондарко); б) «полнота» и «системность», т. е. возможность продуцировать или понять (распредметить) на ее основе любое высказывание, отвечающее определенному коммуникативному намерению (Апресян); в) стимулирующий потенциал, как бы «приглашающий» пользователя продолжить преддистрикование, развертывая высказывание на синтагматической оси (Леонтьев). Активность ассоциативной грамматики обеспечивается, с одной стороны, реализацией в парах **S-R** (стимул-реакция) всех функций высказывания — номинации, предикации, локации и оценки, а с другой стороны, специфическими методами ассоциативной грамматики, в числе которых путешествие по ассоциативно-вербальной сети, трансформация деграмматикализованных пар S-R в синтаксемы, реконструкция словоизменительных парадигм и словообразовательных гнезд в ассоциативных статьях, аппликация номинативных, предикативных и локативных синтаксем и их превращение в целостные высказывания, распрепредмечивание когнитивных структур (фреймов, фразеологических единиц, прецедентных текстов) и др.

М. М. Копыленко

Казахский государственный университет мировых языков

РУССКИЙ ПЕРЕВОДНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Задачи этнолингвистического изучения переводного текста состоят в определении степени и особенностей: 1) сохранности в нем идиоэтнической природы языка оригинала (Y_1); 2) присутствия идиоэтнической струи языка перевода (Y_2).

Первая из этих задач неоднократно ставилась и более или менее успешно решалась в плане характеристики «качества перевода» отчасти в капитальных трудах по переводоведению (Л. С. Бархударов, С. Влахов и С. Флорин, В. Н. Комиссаров, П. И. Копанев, И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, А. В. Федоров, К. Чуковский, А. Д. Швейцер и др.), произведениям переводной художественной литературы (В. С. Виноградов, Н. Галь, В. Н. Крупнов, Т. А. Лавыш, М. М. Морозов, К. Назаров, В. О. Россельс, Ю. А. Сорокин, А. А. Стриженко, С. Суксов и мн. др.). Многочисленные наблюдения и выводы в этой сфере отнюдь не составляют еще теории отражения в Y_2 идиоэтнической природы Y_1 , но при надлежащей ориентации могут лечь в основу этнопереводоведения как раздела этнолингвис-

тики. Сохранность в $Я_2$ идиоэтнических особенностей $Я_1$ зависит, естественно, от типа перевода. И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг различают переводы интерлинейный, буквальный, упрощающий, точный, адекватный, вольный и их разновидности. Из этих типов переводов к художественным текстам (в основном о них может, видимо, идти речь, когда мы судим о сохранности $Я_1$ в $Я_2$) имеют отношение только четыре: буквальный, упрощающий, адекватный и вольный.

Буквальный перевод — это, надо полагать, хороший подстрочник, дающий представление о смысловых и национально-стилистических особенностях оригинала. Но он не сохраняет существеннейшего компонента художественного перевода — эстетической информации, не имеет, как правило, читателя и играет лишь вспомогательную, подсобную роль при других видах перевода. Вольные переводы сохраняют обычно содержание и стилистические признаки оригиналов, но сплошь и рядом вносят дополнительные, отсутствующие в оригинале детали или, наоборот, устраняют характерные черты оригиналов. Такие переводы явно непригодны для этнолингвистического анализа. Упрощающий перевод — это адаптация, имеющая в лучшем случае лишь дидактическое значение (которое, впрочем, легко опровергнуть). Адекватный перевод полностью соблюдает идейно-художественную суть оригинала, находит эквивалентные языковые средства для сохранения смысловой основы и эстетической ценности текста на $Я_1$, включая в это понятие идиоэтнический образный строй, паремии, реалии материальной и духовной культуры этноса, ритмомелодику, аллитерации и другие компоненты симметричной структуры произведения (см. О. Б. Маркова). Данный тип перевода в той мере, в какой это допускают нормы и узус $Я_2$, передает национальный колорит оригинального текста. Возможны, разумеется, различные степени приближения к оригиналу. Во многих из упомянутых выше трудов отмечается, в какой мере в произведении, написанном на $Я_2$, отражены отмеченные нами компоненты национального колорита произведения, написанного на $Я_1$.

Наибольшее внимание при этом (и вполне оправданно) уделяется передаче реалий. Переводчик, достигший определенного мастерства в воспроизведении реалий материальной и духовной культуры носителей языка оригинала в языке перевода, может с полным правом утверждать, что он создал адекватную версию первичного текста даже в том случае, когда перевод осуществляется не прямо с $Я_1$ на $Я_2$, а с языка-посредника. Как в трудах, посвященных переводам непосредственно с $Я_1$ на $Я_2$, так и в исследованиях, посвященных переводам типа $Я_1=Я_3=Я_2$ (А. Е. Ермагамбетова, А. Л. Жовтис, Б. И. Репин, Ю. А. Сушков и др.), подвергаются анализу различные

виды интерпретации наименований реалий в переводе: транслитерация, толкование в тексте, подстрочное примечание в тексте и т.п. Отметим, что в упомянутых трудах роль транслитерации (которую мы считаем важнейшим средством приобщения носителей Я₂ к культуре носителей Я₁) нередко недооценивается. Транслитерации неправомерно квалифицируются как излишние экзотизмы, им предпочитаются не вполне эквивалентные исконные слова и давние заимствования. Неуместно сравнение текста, в котором часто встречаются транслитерации, с макароническими стихами: *И промыслила билет для меня э пур Анет Э пур Харитон ле медник Сюр ле пироскаф «Наследник»* (Ю. С. Сушков). Подобные стихи никогда не пишутся всерьез, а транслитерации — действенный способ внедрения наименований реалий в язык, который ранее с подобными наименованиями не встречался.

Гораздо меньше сделано для выполнения второй задачи, этнолингвистического изучения переводных текстов, которая состоит в том, чтобы выяснить, в какой мере в переводном тексте может проявляться идиоэтническая струя Я₂. Уровень исследования здесь не возвышается над эпизодическими наблюдениями и предписаниями (Т. Р. Левицкая и А. М. Фитерман, А. В. Окладникова, А. В. Федоров и др.)

М. А. Кронгауз

Российский государственный гуманитарный университет

ОТ МОРФЕМЫ К ТЕКСТУ: ПРИСТАВОЧНЫЙ СЦЕНАРИЙ

В докладе обсуждается роль словообразовательных механизмов в процессе понимания и порождения речи. Словообразование рассматривается вслед за Е. А. Земской, как актуальная способность носители языка, реализуемая им в его речевой деятельности. В центре предлагаемого исследования находится семантическое отношение между двумя языковыми единицами: морфемой и текстом. Речь идет о роли и функции морфем в создании семантики текста. В качестве основного объекта исследования рассматриваются глагольные приставки.

Формулируются четыре направления семантических исследований в области приставочного словообразования в русском языке, соответствующие четырем типам взаимодействия значений: в рамках одной приставки, в рамках всего приставочного словообразования, а также семантическое взаимодействие приставки с глагольной основой и с более широким контекстом. Первые два типа относятся к парадигматическому взаимодействию, а вторые — к синтагматическому. Хотя существует очевидная иерархия этих задач, наибо-

лее плодотворным следует считать параллельную разработку всех четырех направлений.

Исследование синтагматических отношений приставки требует нового подхода к описанию ее семантики. В отличие от традиционных описаний, представляющих набор несвязных между собой значений, выдвигается принцип системности семантики приставки. Но при этом речь идет не об инварианте, как у А. В. Исаченко, М. Флайера и др., и даже не о прототипическом значении, как у Л. Янды, поскольку выдвижение одной абстрактной идеи в качестве общего или главного значения приставки часто приводит (как показала практика) к произвольной интерпретации разнообразных конкретных идей, выражаемых данной приставкой, и пренебрежению языковыми данными. Чтобы попытаться избежать такой подгонки языкового материала под теоретические абстракции, корректнее говорить о связанной семантической системе, состоящей из отдельных конкретных значений, семантических операций (правил перехода от одного значения к другому), правил реализаций значений в тексте (распределение по семантико-прагматическим типам глагольных основ и контекстов) и значений более высоких уровней («локальные» инварианты).

Для описания конкретных значений приставки вводится понятие «сценария» (ср. использование этого термина у М. Минского, А. Вежбицкой и др.). т. е. набора ситуаций (фреймов) и способов перехода от одной ситуации к другой. Стандартный приставочный сценарий включает две ситуации: начальную и конечную. В качестве способа перехода, как правило (хотя и необязательно), выступает действие, обозначенное мотивирующим глаголом. При описании ситуаций в качестве метаязыка используется естественный язык и переменные.

Сценарий, будучи динамической конструкцией, позволяет интерпретировать и явление перфективации, сопровождающее префиксацию, и существующую для приставки возможность непосредственно конституировать текст. В соответствии с значениями разных уровней различаются и уровни сценариев.

«Многоярусное» описание приставки позволяет, в частности, объяснить и возникновение новых глаголов в рамках одного конкретного сценария (*слямзить* и *стибритъ*, как *своровать*) и более далекие аналогии (например, *растаможить*, для которого трудно подобрать непосредственную словообразовательную модель). Оно показывает диффузность контекстных значений приставки, преобразование близких идей в различных семантико-прагматических условиях, механизм образования новых словообразовательных моделей, т. е. функционирование всей системы.

Более подробно рассматриваются случаи, когда именно приставка оказывается семантическим центром фразы или целого текста. Причиной этого может быть взаимодействие приставки с глагольной основой или же взаимодействие с другими элементами текста и речевой ситуации. В первом случае речь может идти о «пустых» корнях (типа *выпендриваться*) или нестандартной сочетаемости (типа *зафутболишь*, *растаможить* и т.д.). Подобные случаи нестандартной членимости рассматриваются в работах Е. А. Земской, Л. А. Капанадзе и Е. В. Красильниковой, М. В. Китайгородской и др. Во втором случае речь идет о различных текстовых способах актуализации словообразовательной структуры: повтор приставок или, наоборот, повтор глагольной основы и противопоставление приставок, а иногда и полностью автономное употребление приставки (например, в цитируемом Е.А. Земской и Л. Яндой стихотворении В. Ходасевича: *Перешагни, перескочи, перелети, пере-что хочешь...*).

С теоретической точки зрения, можно сказать, что во всех подобных случаях семантика текста формируется на основе приставочного сценария путем его конкретизации, и прежде всего заполнения переменных.

Э. А. Лазарева

Уральский государственный университет

ЭКСПРЕССИВНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГАЗЕТНОЙ ФОРМЫ

Известное общетеоретическое положение о единстве, взаимодействии, взаимообусловленности формы и содержания («форма содержательна, а содержание оформлено») получает свою интерпретацию применительно к тексту газеты.

До сих пор вопросами газетной формы занимались теоретики и практики газетного дизайна, а стилистика почти не занималась этими проблемами. Одним из первых ученых-лингвистов, показавшим стилистическую функцию элементов оформления газеты, был А. А. Реформатский. Сейчас, когда лингвистика текста достигла значительных результатов и большое распространение получили междисциплинарные исследования, появились возможности стилистически проанализировать выразительный потенциал газетной формы.

Газетное издание имеет текстовую природу. Это составной текст текстов, объединяющий в себе множество произведений разных жанров, неодинакового содержания и стилистического оформления. Сочетаемость текстов в составе газетного целого поддается разным закономерностям. С одной стороны, это сочетание текстов, сходных в том или ином отношении (содержательном, структурном,

жанровом, экспрессивном). С другой стороны, это соположение разнородных текстов, не проявляющих сходства. Большую роль в построении газетного номера играет чередование стандартных и экспрессивных текстов. Экспрессивно-содержательный потенциал формы текста газеты как целого строится на его сущностных характеристиках. Остановимся на некоторых проявлениях этого явления.

1. В составном тексте газеты сочетаются тексты, сходные в каком-либо отношении. Отсюда следует возможность и необходимость создания объединений внутри номера и в разных выпусках одного издания: подборки, существующие в многочисленных вариантах; тексты или сочетания текстов, снабженные постоянными рубриками (наличие сходного общего заглавия может обыгрываться); объединение текстов, составляющих газетную полемику в одном или нескольких номерах (сходство или противоположность мнений может подчеркиваться однотипными заглавиями) и т. д. Структурное и стилистическое объединение таких сочетаний газетных произведений включает в себе большие смысловые и выразительные возможности.

2. Внутри газеты находятся произведения, занимающие то или иное пространство (напечатаны на том или ином месте, имеющие тот или иной объем) Этот признак также может обыгрываться и даже вербально выражаться: вспомним постоянную рубрику «Комсомольской правды» «Каждый день на этом месте», объединяющую выступления, напечатанные в правом верхнем углу первой полосы, одинакового объема, принадлежащие ярким, интересным авторам и отражающие острые актуальные проблемы.

Пространственный фактор получает свое экспрессивно-смысловое наполнение при создании усложненного газетного выпуска (ежедневника, издание типа «Коммерсантъ-Daily», «газета в газете»). Здесь используются специальные средства (вводки, текстовые включения, выразительные средства лексики и синтаксиса), придающие газете целостность, увлекающие читателя и облегчающие восприятие им составного текста.

3. Тексты в составе газеты снабжены заголовками. Этот элемент произведения может быть выразителен не только в речевом плане, вспомним, например, постоянное заголовочное оформление ключевой публикации в «Известиях» (место передовой статьи — верхний левый угол первой полосы): одинаковый шрифт, одинаковый размер заголовков разных номеров, узнаваемые читателем и настраивающие его на восприятие этого актуального материала. Оформление такого заглавия вносит смысловой элемент «Это важно, это интересно, это актуально», «это отклик на главное событие послед-

него времени», который обогащает читательское восприятие публикации.

И. Б. Левонтина

Институт русского языка РАН,

А. Д. Шмелев

Московский гос. педагогический университет

«МЕЛКИЕ СЛОВА» КАК КЛЮЧ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ХАРАКТЕРУ

Ни в чем так наглядно не проявляются особенности «русской души», как в «мелких словах» (Л. В. Щерба), которыми русские пересыпают свою речь. Многие из них выражают оттенки смысла, в которых как в капле воды отразились представления о жизни, характерные именно для русских.

Специфика русского мироощущения сконцентрирована в знаменитом русском *авось*. Высказывания с этим словом выражают надежду на благоприятный исход дела, однако их семантика не исчерпывается расчетом на везение или удачу. Действуя на авось, человек, вопреки разуму, надеется, что не случится ничего плохого — что *обойдется* или *пронесет*.

Иную идею выражают единицы *а вдруг, на всякий случай* и т.п., которые, впрочем, объединяет с *авось* иррациональная убежденность в том, что случиться может все что угодно, а будущее неконтролируемо и непредсказуемо.

Один из главных выразителей того, что с большой долей условности можно назвать русским национальным характером, — это слово *заодно*; ср. *Ты все равно встаешь, зажги заодно свет* или *Вот ходил за продуктами, заодно и водки купил*. В таких высказываниях имеется в виду, что некоторый результат является желательным, но не настолько, чтобы оправдать усилия, направленные исключительно на его достижение. Однако поскольку человек все равно решает некоторую смежную задачу, он может достичь желаемого результата, почти не потратив дополнительных усилий.

Жизненная позиция, выражаемая словом *заодно*, хорошо согласуется с той особенностью русской ментальности, которая отражается в глаголе *собираться*, отличающемся от близких по смыслу слов *намереваться*, *намерен* и т.д. В значении *собираться* есть элемент процессности, благодаря чему этот глагол может употребляться в контекстах типа *сиджу и собираюсь ей позвонить*. В большинстве случаев имеется в виду некоторый совершенно метафизический процесс, не имеющий осязаемых проявлений. Итогом его, собственно, и является совершение действия. Одна из самых характерных фраз русского языка — фраза *Собираюсь, да все никак не*

соберусь. Таким образом, «собрание» рассматривается как наиболее важный этап действия, который может представлять действие в целом. Это согласуется с расхожим представлением о русском национальном характере, состоящем в том, что русские «долго запрягают».

Но поскольку самое трудное в действии — это *собраться*, то коль скоро человек *собрался*, то уже можно считать, что дело сделано, и человеку, в сущности уже почти все равно, сколько дел делать, все они будут делаться *заодно*. Это согласуется с другим расхожим представлением — о крайностях русской души: все или ничего.

Целый ряд мелких слов связан с межличностными отношениями, свойственными русским (ср. *-ка, да, ну, видно, же*).

Чрезвычайно характерна для русского языка установка, выражаемая словом *небось*. В этом слове отражен весь диапазон перехода от теплой задушевности к агрессивному стремлению *залезть в душу*. Ср. *Пойди полежи, устал, небось* или *Небось рад, что у меня ничего не вышло*.

Для слова *видно* характерен другой переход: от философского примирения с действительностью, не оправдавшей надежд говорящего, к завистливому недоброжелательству по адресу более удачливых собратьев (ср. *Видно, придется расстаться* или *Видно, у него губа не дура*).

Именно связь с «национальным характером» и специфическими для носителей русского языка жизненными установками делает мелкие слова наиболее трудно переводимыми на иностранные языки.

С. П. Лопушанская

Волгоградский государственный университет

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Контрастивный (сопоставительный) метод изучения прежде всего родственных языков успешно разрабатывается в русистике. В центре внимания исследователей чаще всего находится грамматика сравниваемых языков, выявление грамматических различий на фоне существенно важных сходств.

В предлагаемом докладе сопоставлению подвергаются семантические сходства и различия в русском и других славянских, а также индоевропейских языках. Рассматриваются изменения семантической структуры русского глагола и аналогичные процессы в болгарском и французском языках.

Комплексный анализ взаимодействия разноуровневых явлений проиллюстрирован на парных бесприставочных глаголах движения

и их производных. Неоднозначность проявления динамики различных компонентов семантической структуры, их сложная перегруппировка, актуализация одних и нейтрализация других в зависимости от реализации системных и асистемных особенностей функционирующей глагольной словоформы в высказывании (тексте) — все это требует новых подходов к описанию языкового материала, обуславливает необходимость как решения частных задач, так и теоретического обобщения исследуемой проблемы.

В качестве конкретного вопроса, не имеющего однозначного освещения в контрастивной лингвистике, в докладе предложено сопоставительное рассмотрение такого лексико-грамматического явления, как определенность::неопределенность (О::НО) глаголов движения в названных выше языках.

Изменения семантической структуры глаголов движения в русском языке осложнены сохранением древней оппозиции О::НО. Это обусловлено тем, что функционирующая словоформа реализуется одновременно во многих системных отношениях, от согласованности либо несогласованности которых зависит последовательность выражения смысловой структуры слова. В процессе взаимодействия разноуровневых явлений коррелятивные связи между семантическими признаками, характерными для каждого языкового уровня, могут оказаться несоотносительными, вследствие чего в семантической структуре глагола происходит перегруппировка, отражающая различные, даже противоположные тенденции.

В современном русском языке можно выделить 28 бесприставочных глаголов несовершенного вида, объединенных категориальной семьей «перемещение субъекта в пространстве». На лексическом уровне эту сему реализуют такие дифференциальные признаки, как «средства, среда, характер, интенсивность перемещения», которые в определенном наборе обеспечивают отличие одной лексемы от другой вне зависимости от того, какое количество слов (одно, как болг. *летя*, или два, как рус. *лететь* и *летать*) позволяет различать в языке передвижение по воздуху, а не по твердой поверхности; с помощью крыльев, а не ног; и т.д.

На грамматическом уровне по характеру субъектно-объектных отношений можно выделить глаголы, обозначающие перемещение субъекта, и глаголы совместного перемещения субъекта и объекта.

Отличие рассматриваемой группы глаголов движения от остальной глагольной лексики в русском языке, как известно, заключается в оппозитивной представленности 14 пар однокоренных образований (кроме пары *идти::ходить*) по признаку определенность::неопределенность движения. Можно утверждать, что противопоставление глагольных образований внутри каждой пары по лексико-

грамматическим признакам «конкретность или обобщенность движения, направленность или ненаправленность его, кратность или некратность», которые реализуют категорию определенности: неопределенности, вступает в противоречие с дифференциальными признаками лексического уровня. Именно этим можно объяснить противоборство двух тенденций: к структурно-семантической дифференциации двух словесных единиц с общим лексическим значением и к их нейтрализации. Поскольку в докладе речь идет о глаголах движения, то во французском и в болгарском языках доминирующая тенденция к нейтрализации различий внутри парных образований укрепила структурообразующую функцию лексической категориальной семы перемещения, представленной в глагольной словоформе определенным набором дифференциальных признаков. В русском языке, напротив, сильная тенденция к формальной и семантической дифференциации внутри парных образований привела к тому, что их оппозитивная противопоставленность по О::НО стала структурообразующей. Сохранение древней противопоставленности (лексико-грамматической) сохранило и удвоение системы дифференциальных признаков на лексическом уровне. Избыточность этого явления преодолевалась в процессе функционирования в каждом названном языке по-разному. В зависимости от контекстуальных условий взаимодействие разноуровневых ДП может расширяться, их переосмысление становится не только речевым, но и системным фактом, в связи с чем возникает вопрос о границах слова, о полисемии и омонимии, о частичном и полном переносе значения и т.п.

Л. Н. Мурзин

Пермский государственный университет

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ?

1. В основе научных исследований любых областей действительности лежат кардинальные идеи, определяющие в данную эпоху ведущие подходы к изучению разнородных явлений (ср. идею историзма в XIX в., идею системы в XX в.). При своем возникновении такие идеи нередко воспринимаются как парадоксальные, тем более что их создатели им часто придают парадоксальную форму. Такова идея Ф. де Соссюра, представленная в известном афоризме: «В языке нет ничего, кроме различий». Этот афоризм стал ведущим постулатом всей структурной лингвистики XX века. В значительной степени он сохраняет свои позиции и в современной лингвистике.

2. Сразу же после публикации книги Ф. де Соссюра постулат структурализма о существенном различии в языке вызвал резкую

критику. Но эта критика носила логико-философский характер и исходила из того, что всякое различие между объектами предполагает их тождество и всякое тождество реальных (не математических) объектов — их различие. Но, будучи логически справедливой, она была мимо цели и никак не сказывалась в практике исследований, ибо в постулате о различиях лингвисты увидели исторический принцип принцип анализа языка. Последний помог сделать целый ряд открытий и разработать такие основополагающие для структурной лингвистики понятия, как фонема, дифференциальный признак, семантический компонент (сема), оппозиция и многие другие.

3. Соссюровский постулат о различиях играл выдающуюся роль до тех пор, пока в орбиту лингвистических исследований входили относительно простые единицы (фонемы, морфемы, слова) и не вовлекались производные, достаточно сложные (предложения, высказывания, тексты). Лингвистов перестали удовлетворять рабочие инструменты, отточенные на оселке различий, как только они стали признавать динамическую природу языка, современная лингвистика приходит к осознанию значения иного методического принципа — принципа тождества, или интеграции, в исследовании языка.

4. В отличие от простейших единиц типа фонем, сложные производные единицы, обладающие неопределенно большим числом признаков, не поддаются текстологическим процедурам, если они предварительно не подвергнуты некоторой редукции. Не случайно в классической структурной лингвистике производные слова «подравнивались» к непроемным, из отрезка текста, называемого высказыванием, извлекалась синтаксическая схема, которая объявлялась предложением — единицей языка, и т.п. Так называемый эмический уровень анализа в целом — уровень языковых единиц — был, собственно говоря, редукцией непосредственно наблюдаемого речевого уровня. При всем значении обобщений, которые делались при этом, нельзя познать сущность языка, если ограничиться редукцией фактов.

5. Процесс производства любой единицы языка осуществляется на основе определенного отождествления с деривационно предшествующей единицей. Так, очевидно, что производное слово «вбирает в себя» соответствующее производящее, сложное предложение развертывает простое и т.д. Сущность деривации единиц языка сводится к их интеграции.

6. Принцип интеграции требует такой же детальной проработки, какой в свое время было в применении к языку подвергнуто понятие дифференциации, и методологического обоснования, которое следует искать в математической теории множеств, теории наложения образов и т.п.

7. Из того, что язык коммуникативная система, вытекает необходимость применять оба указанных принципа, ибо, дифференцируя единицы, говорящие обеспечивают их адекватный выбор, а интегрируя, они обеспечивают их порождение и построение текста. Противоречивейшее явление, язык не может быть познан иначе, как с помощью разнообразных и противоположных по направлению методов: интеграция дополняет дифференциацию, дифференциация — интеграцию.

[Тезисы были написаны Леонидом Николаевичем за четыре часа до смерти].

Н. Е. Сулименко

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена*

О КONTИНУАЛЬНОСТИ СЛОВА

Принцип интегральности описания слова предполагает внимание не только к внутренним связям его элементов, но и к аналогичного вида внешним связям. Внутренние ассоциативные связи слова в языке, социально адаптированные, преобладая над внешними связями слова и среды, не исключают, а предполагают «обмен» между словом как системой элементов и средой его бытования (включая психологическую среду). Дискретность лексического значения связана с переводом слабовероятностных ассоциативных признаков в ранг сем (ибо иные признаки уже представлены на уровне слова в словаре); континуальность лексического значения — в его взаимодействии со средой, проявляемом в семном речевом варьировании, в расчленении значения, не дошедшем до понятийного уровня. Можно выделить некоторые стадии становления словозначения: семное варьирование в тексте — семное варьирование в словаре — расчленение значения — его полное становление. В смысловой структуре слова в процессах переноса наименования по типовым моделям постоянно происходит смена кода — вербального и визуального, чувственного. Это отражает вхождение среды в систему, необходимость выводного знания с опорой на психологические ассоциации, знания о мире, опыт уже в процессах лексико-семантического варьирования. Его основа — в творческих волевых усилиях говорящего по реализации интенций, по соединению слов, требующих соотнесения языковых знаний и знаний о мире, созданию возможных миров, и это взаимодействие слова как системы и среды его бытования, приводящее к появлению нетривиальных смыслов, осуществляется уже в рамках двусловного словосочетания. Понимание слова в рамках фрагмента высказывания требует его соотнесения с другим

словом как первичной средой по аналогии с пониманием текста, требующим его соотнесения с другими текстами. Эта аналогия тем более уместна, если, вслед за Ю. Н. Карауловым, признать, что лингвистическая информация хранится в памяти преимущественно в виде текстов — реальных, потенциальных или прецедентных. О вхождении среды в систему свидетельствуют данные ассоциативного эксперимента — прямые оценки факта, фона, стоящего за словом и фиксированного РАС: «Дети — это прекрасно, приятные эмоции. Ребенок — угол».

Средой для слова выступает и весь арсенал культурных знаний, и вещный, предметный, мир. Эти отношения во всей глубине рассматривались русскими философами и лингвистами начала века, энерго-ономатическая модель А. Ф. Лосева в концепции цельного значения описана в книге «Язык и наука конца XX века». Указанная проблематика исследуется в связи с изучением мифопоэтической картины мира (В. Н. Топоров и др.). Имя, слово в этих концепциях предстает в силу вычленения им предметов, явлений универсума как известный аванс бесконечности передаваемых им смыслов, касающихся не только реально известных, но и возможных миров, «виртуальной реальности».

Бесконечность форм проявления вещи, ее изменчивость, как и бесконечность человеческих потребностей, «в лучах» которых живет вещь, предполагают множественность ее интерпретации — результатов действия смысловой, «умной» (по А. Ф. Лосеву) энергии.

Энергичная основа слова, представление о языке как доме бытия духа, осмысление его в образах пространства, сближающих научные искания начала и конца XX века, привлекают внимание лексикологов, теоретиков и практиков художественного творчества, этнолингвистов, переводчиков (в частности, в связи с проблемами устранения лакун — когнитивных, культурологических, референтных, языковых). Континуальность слова учитывается в современной лексикографии (ср. работы, посвященные проблемам создания Нового академического словаря русского языка).

М. Ю. Федосюк

Московский государственный педагогический университет

РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ТИП ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЛИ ТИП ТЕКСТА?

Одной из важных задач, стоящих перед современной русистикой, является изучение полного состава и основных свойств всех существующих жанров русской речи. Обращаясь к решению этой проблемы, исследователи, как правило, основываются прежде всего на известной концепции М. М. Бахтина, который определял ре-

чевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний». При этом далеко не всегда бывает замечено, что «высказывание» у М. М. Бахтина определяется как основная единица общения, обладающая смысловой завершенностью и отграниченная от других таких же единиц *сменой субъектов речи*. Представляется, что признак «смена субъектов речи», входящий в бахтинское определение высказывания, а следовательно, и речевого жанра, существенным образом ограничивает возможную сферу применения чрезвычайно полезного понятия «речевой жанр».

С одной стороны, понимание речевого жанра как типа речевого произведения, границами которого непременно является смена субъектов речи, не дает возможности квалифицировать как жанры такие, например, разновидности текстов, как беседа, дискуссия, спор или ссора. Каждая из перечисленных разновидностей, без сомнения, обладает своими специфическими чертами, однако представляет собой не «высказывание» в бахтинском понимании этого термина, а совокупность «высказываний», принадлежащих разным говорящим.

С другой стороны, определение жанра как типа «высказывания» лишает нас возможности именовать жанрами и такие разновидности текстов, как, например, предисловия, посвящения или эпилоги, поскольку границами этих текстов не является смена субъектов речи. Между тем каждый из названных типов текстов обладает своими тематическими, композиционными и стилистическими особенностями, во многом аналогичными особенностям тех разновидностей текстов, которые традиционно принято именовать жанрами.

К сказанному необходимо добавить, что и в разговорной речи нередки такие реплики диалогов (или, по М. М. Бахтину, «высказывания»), компоненты которых удобно было бы считать произведениями разных речевых жанров. Так, можно утверждать, что реплика в примере (1) сочетает в своем составе рассказ и вопрос, а реплика в примере (2) — осуждение и предостережение (примеры почерпнуты из сборника «Живая речь уральского города. Тексты» (Екатеринбург. 1995): границы между упомянутыми компонентами обозначены знаком #:

(1) А. — <...> Во-от / а еще мы вечером любили в бадминтон играть // ага <...> я ей в руки стараюсь / а она то вправо то влево пуляет. Я и бегаю туда-сюда за этим / как его / за ракеткой маленькой / волан // # а ты играла когда-нибудь в бадминтон? (с. 17)

(2) А. — Ну лезет / вот / мне под руку / и лезет // # не ставь мне под нос кастрюлю / а то я / тебе / потом / ее (НРЗБ) (с. 19).

Учитывая сказанное, представляется целесообразным определять речевые жанры как относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не «высказываний», а *текстов*. Поскольку основными свойствами текста являются связность и цельность, а цельность представляет собой понятие относительное, подобный подход позволит считать речевыми жанрами и такие типы текстов, как, с одной стороны, беседа или дискуссия, а с другой — посвящение или эпилог.

Предложенный подход влечет за собой необходимость последовательного разграничения *элементарных* и *комплексных* речевых жанров. При этом *элементарными* речевыми жанрами следует понимать такие тематические, композиционные и стилистические типы текстов, в составе которых отсутствуют компоненты, которые, в свою очередь, могут быть квалифицированы как тексты определенных жанров. К числу элементарных речевых жанров способны относиться, например, сообщение, похвала, приветствие или приказ. Что же касается *комплексных* речевых жанров, то это типы текстов, состоящие из компонентов, которые, в свою очередь, представляют собой тексты определенных жанров. Комплексные речевые жанры могут быть *монологическими*, т.е. включающими в себя компоненты, которые принадлежат одному говорящему или пишущему (например, утешение, убеждение или уговоры), и *диалогическими*, т.е. состоящими из реплик разных коммуникантов (например, беседа, дискуссия, спор или ссора).

В.Д.Черняк

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена*

«ЗОНЫ РИСКА» В ЛЕКСИКОНЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Осмысление сложных процессов, характеризующих современное языковое состояние, поиски причин разнообразных коммуникативных неудач, наблюдаемых при порождении и восприятии речевых произведений в устной и письменной форме, выдвигают на первый план проблемы лексической семантики в их культурноречевом преломлении. Современные исследования речевой способности, ассоциативно-вербального уровня языковой личности в сочетании с лексикосистемными исследованиями дают основания для лексикам семантической интерпретации весьма пестрого «отрицательного» материала. Анализ многочисленных лексических ошибок, выявление случаев неудачно осуществленного лексического выбора позволяют предположить, что в лексиконе человека имеются «зоны» свободного выбора и своего рода «зоны» риска. Если, оперируя лекси-

ческими средствами зон свободного выбора, говорящий может выразить свои речевые предпочтения, воплотить в речи параметры своей личности (возраст, пол, профессия, социальный статус, уровень образования и т.п.), то использование лексических средств «зоны риска» предполагает достаточную языковую и общекультурную компетентность говорящего, его умение в нужный момент включать механизмы речевого контроля. В зародыше потенциальные лексические ошибки представлены уже в ассоциативных полях «Русского ассоциативного словаря» (М., 1994). Так, те участки лексикона, где представлены паронимы и паронимазы, являющиеся зоной особого риска для говорящего и пишущего, требуют особого контроля, который нередко наблюдается в спонтанной речи в виде самокоррекции. Отсутствие контроля и недостаточная языковая компетентность вызывают многочисленные ошибки. Неправильный выбор из ряда паронимов может явиться причиной коммуникативных сбоев, обычно преодолеваемых в условиях диалогического общения. Неудачный выбор слова в письменном тексте создает коммуникативные помехи, требующие дополнительных усилий адресата при восприятии.

Коммуникативные неудачи нередко возникают как нежелательный результат словообразовательных усилий автора. Отсутствие необходимого контроля в процессе словообразования и недостаточная языковая компетентность могут привести к возникновению окказиональной омонимии и связанным с ней коммуникативным помехам.

Сходные по семантике лексические единицы, относящиеся к одной лексической парадигме, формируют зоны выбора. В то же время поиск адекватного замыслу лексического средства в узком круге сходных по значению лексем чреват неточностями, сбоями, связанными с переносом лексической единицы в чужеродную функциональную сферу, а также характерной для современной речи избыточностью, претенциозным акцентированием квазиразличий у очень близких по значению слов. Выбор из более широких парадигм, с одной стороны, дает большую свободу, а с другой — может сопровождаться разнообразными коммуникативными сбоями. Особенно часто коммуникативные неудачи связаны с незнанием или приблизительным знанием лексического значения слова. Если ядерная часть словарного состава находится в оперативной памяти большинства носителей языка, то значительная часть периферийной лексики или вообще «не присваивается», или, находясь в хранилищах долговременной памяти, мало и с трудом эксплуатируется. Занимаемые ею области ассоциативно-вербальной сети, безусловно, являются зоной особого риска для говорящего. Потенциальные лексические

ошибки и неточности, связанные с оперированием единицами, предполагающимися в зонах риска, обнаруживаются обычно в нарушениях норм лексической сочетаемости.

Современные психолингвистические исследования показали, что операции по выбору наименования связаны с особенностями речемыслительных механизмов левого и правого полушарий головного мозга. Если для правого полушария характерны операции с элементами ядра ассоциативного поля на основе грубых дифференциальных признаков, то тонкие механизмы левого полушария связаны с выбором точных наименований.

А. П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет

РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ИДИОСТИЛЕ И. В. СТАЛИНА

Язык тоталитарного общества в последние годы все чаще привлекает внимание языковедов (А. Вержбицка, Ж. Желев, А. Н. Баранов, Н. А. Купина, Г. Г. Почепцов и др.), однако язык И. В. Сталина уже давно не был предметом специального лингвистического рассмотрения. Между тем И. В. Сталин, несомненно, был мастером слова: иначе он бы попросту не смог стать одним из лидеров революционного движения в России, не смог бы одержать победы в острой фракционной борьбе двадцатых годов (позднее риторическое мастерство ему было менее необходимо).

Публичные выступления И. В. Сталина чаще всего построены по всем правилам ораторского искусства: хорошо подобранный материал, выверенная композиция речи, ясность и точность языка, оправданное использование фигур и тропов. Одна из самых любимых риторических фигур Сталина — антитеза, многие выступления большевистского лидера целиком построены на развернутом противопоставлении, причем оратор прекрасно умеет уходить от деталей (особенно от невыгодных для него), затеняющих основную мысль, мир в его речах предстает подчеркнуто полярным. Примером такого построения может служить речь на заседании Бакинского совета, посвященная трехлетию Октябрьской революции: выступление целиком построено на развертывании трех антитез: первая из них — это противопоставление *«тогда»*, в 1917 году, когда в руках «маленькой», «еще не сколоченной» партии был «только Петроградский совет», «только маленькая гвардия петроградских рабочих», и *«сейчас»*, в 1920 году, когда «сколоченная из стали партия в 700 тысяч членов» управляет «шестой частью суши», руководит «многомиллионной Красной Армией». Вторая антитеза, на которой строится выступление — это *«как у нас»* (власть трудящихся, дружба

между народами, единство) и «как у них» (власть капиталистов, вражда между народами и государствами). Наконец, в заключительной части речи удачно используется третья антитеза, которая сопоставляет «настоящий момент» и «светлое будущее», которое ждет весь мир под руководством большевиков. Не менее удачно используется антитеза и во многих других выступлениях.

Видимо, одно из самых слабых мест сталинской риторики — метафора. Большевистский лидер слишком злоупотребляет развернутыми образами в духе «кавказских тостов». Ср.: *Ленин... не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе* («О Ленине»); *Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо* («По поводу смерти Ленина»).

Еще один источник метафор-штампов — разговорная речь и просторечие, большевистский жаргон, особенно часто встречающиеся в речи будущего вождя в десятых-двадцатых годах. Ср.: *Корниловский выкидыш, предпарламент, призванный прикрыть своей болтовней мобилизующуюся контрреволюцию* («Штрейкбрехеры революции»); *Денижки Керенского, перепуганные неврастеники из «Новой жизни» разразились воззванием...* («Троцкизм или ленинизм»).

Типичная черта сталинского идиостиля — грубость, площадная брань в адрес политических противников, причем самые грубые оскорбления чаще всего используются И. В. Сталиным не по отношению к «помещикам и капиталистам», а при характеристике своих бывших союзников по революционной борьбе (меньшевиков, эсеров) и особенно при характеристике оппозиционеров внутри партии (троцкистов, бухаринцев и т.п.). Создается впечатление, что это сознательное разжигание ненависти применяется именно при отсутствии серьезных аргументов: враждебность «классовых врагов» как бы подразумевалась «сама собой», предполагалось, что массы уже достаточно натравлены на «эксплуататоров» и нет смысла усиливать их ярость, тогда как враждебность народу традиционных социалистических партий и даже членов большевистской партии доказать было значительно труднее.

А. Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Роль языковых классификаций в настоящее время оценивается неоднозначно, в частности как промежуточный, а не конечный ре-

зультат работы лингвиста. Тем не менее именно языковая классификация является необходимой основой для объяснения языковых фактов, методом познания, позволяющим представить в той или иной системе эмпирический материал, выявить его существенные свойства и тем самым закономерности функционирования.

ЛГР как результат лексико-грамматической классификации и ЛСГ как результат лексико-семантической классификации самым непосредственным образом связаны с семантикой языковых знаков (слов), но пути ее исследования и описания различны. Поэтому закономерен вопрос о соотношении классификаций и их элементов между собой и по отношению к понятию «часть речи». Последнее, как известно, нашло отражение в лингвистической литературе, в частности в работах А. В. Бондарко и Э. В. Кузнецовой.

В докладе на глагольном материале обосновываются следующие выводы.

1. Вывод исследователей об «одноприродности» и «однотипности» глагола как части речи, его ЛГР и ЛСГ закономерен, поскольку мы имеем дело с отношениями, отражающими принцип «множество — подмножества». Различия между ними заключаются в том, что ЛГР и ЛСГ выделяются на разных уровнях членения глагольной лексики, т.е. лежат в разных плоскостях, что обуславливает их особенности в семантическом и грамматическом отношении, но при этом наблюдается общая закономерность — конкретизация категориального значения глагольного класса и более дифференцированное отношение в компонентах морфологической структуры слова и синтаксической структуры предложения.

2. Сопоставление ЛГР и ЛСГ по основным параметрам позволило отметить принципиальное сходство между ними. Различия же обусловлены статусом в системе части речи, тем местом, которое они занимают в иерархической системе части речи. Но при этом следует отметить, что ЛГР и ЛСГ представляют собой дальнейшее членение глагола как части речи. Поэтому важно и необходимо определить статус, содержание и границы глагольного класса и его конкретного представителя — глагольной лексемы, поскольку это дает возможность исключить формы глагола из собственно лексической классификации в качестве самостоятельных знаков.

3. Следующий уровень членения связан с существованием двух основных типов внутриглагольной классификации — лексико-грамматического и лексико-семантического. Возникает вопрос об их иерархии, так как его решение определяет дальнейший путь классификации глагольной лексики.

Сторонниками лексико-грамматического подхода по существу признается большой объем понятия ЛГР по сравнению с ЛСГ и

подчиненность семантических признаков ЛСГ грамматическим признакам (см.: Кузнецова Э. В. Части речи и лексико-семантические группы слов).

Вывод о первичности лексико-грамматического подхода, на наш взгляд, в большей степени отвечает логике противопоставления части речи и его подклассов, ибо часть речи и ЛГР ближе друг другу, чем часть речи и ЛСГ: часть речи и ЛГР — это лексико-грамматические объединения. В этом плане лексико-грамматическая характеристика ЛГР выступает в качестве ближайшего конкретизатора глагола как части речи. Причем конкретизация осуществляется как в семантическом, так и в грамматическом аспектах.

4. Противопоставление лексико-грамматической и лексико-семантической классификаций русского глагола как взаимоисключающих друг друга неправомерно. Лексико-грамматическая классификация — это в своей сущности лексико-семантическая классификация, только в качестве семантического идентификатора выступает грамматическое значение тех или иных глагольных категорий, т.е. в отличие от идентификатора лексико-семантической классификации, который лексикализован, идентификатор лексико-грамматической классификации грамматикализован.

5. Лексико-семантическая классификация является продолжением лексико-грамматической классификации на том этапе, когда различительные возможности грамматики по отношению к лексике оказываются исчерпанными. Это и отражает иерархия классов слов, которая исключает выделение ЛСГ в качестве первичных элементов внутрислоговой классификации.

6. Рассмотрение лексико-семантической классификации как некоего развития, продолжения лексико-грамматической классификации позволяет включить грамматический материал в словарные дефиниции на тех же правах, на каких включается собственно лексический материал, только с учетом того, что грамматические характеристики начинают толкование слов, а лексические характеристики завершают его. Однако те и другие являются необходимыми компонентами в структуре слова, что соответствует постулату о слове как единстве лексического и грамматического значений, постулату о взаимосвязи грамматики и лексической семантики.

Секция 1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ И ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Т. П. Алексеенко

Уральский государственный университет

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЗРИТЕЛЬНОГО И СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Объект анализа в данном исследовании — деривационные гнезда глаголов *видеть*, *зреть*, *слышать* и *чувать*. Изучаемые глаголы являются центральными элементами семантических полей зрения и слуха (или были таковыми в истории языка): это позволяет предположить, что их семантическая история отражает основные закономерности смысловой эволюции лексики, связанной со зрительной и слуховой модальностью. В данной работе осуществляется идеографический анализ дериватов данных глаголов. Материал для исследования извлечен из словарей современного русского литературного языка, а также исторических и диалектных словарей.

На основании проведенного исследования выделяются следующие особенности семантической эволюции глаголов зрительного и слухового восприятия.

Субъектом восприятия является человек, поэтому основная масса дериватов глаголов восприятия характеризует человека, пополняя сферу ментальности и сферу социальных отношений, а также сферы жизненного опыта, синкретичной или смежной перцепции и качественной характеристики человека. Гораздо меньшее количество семантических дериватов попадает в сферы природы, быта, культуры и общих свойств тел и веществ.

В ходе эволюции семантики глаголов восприятия наибольшую склонность к динамике обнаруживают значения сектора поля «процесс восприятия», которые служат базой для развития дериватов, характеризующих человека.

Можно выявить определенные различия в развитии семантики дериватов глаголов зрительного и слухового восприятия.

Во-первых, дериваты глаголов зрительного восприятия в большинстве случаев попадают в сферу ментальности, а дериваты глаголов слухового восприятия — в сферу социальных отношений, что объясняется первичной семантикой этих глаголов.

Во-вторых, дериваты глаголов *видеть* и *зреть* могут развивать негативную семантику (ср.: *обидеть* — «причинять боль, наносить

телесные повреждения», *обизорить* — «навести порчу дурным глазом»), а дериваты глагола *слышать* — позитивную (ср.: *заслушаться* — «согласиться», *слухманный* — «послушный»).

В-третьих, дериваты глаголов зрения могут приобретать синкретичное значение перцепции вообще, тогда как для глаголов слуха характерен сдвиг значения в области обонятельной, осязательной и слуховой модальности.

Это связано с тем, что глаголы слухового восприятия причисляются в русском языке к сфере «чувствования» (ср.: *чуткий* — «быстро и легко воспринимающий что-либо органами чувств»), а потому могут свободно функционировать в ее пределах, приобретать значение смежной перцепции или значения всей сферы в целом. В то же время глаголы зрения, не входящие в эту сферу, в результате семантической деривации могут приобретать только синкретичное значение «чувствования вообще».

Следует также отметить, что увиденное воочию, своими глазами, осознается как нечто истинное (ср.: *видка* — «правда»), а услышанное — как нечто не совсем достоверное (*слухи* — «известия о ком-, чем-л., обычно ничем не подтвержденные»).

Можно выстроить цепочки развития значения глаголов восприятия, демонстрирующие динамику процесса семантической деривации. Наиболее стандартной моделью для глаголов зрения является модель метафорического переноса «видеть что-л. конкретное, чувственно воспринимаемое» → «осознавать, что-л. абстрактное, чувственно не воспринимаемое» (ср.: *видеть* — «понимать, осознавать; убедиться в чем-л.», *зоркий* «проницательный», *взорный* «догадливый»). Интересна модель, связанная с древними мифологическими представлениями о сглазе — порче, наведенной дурным глазом: навести порчу дурным глазом → порча → беда, учение, поношение → отрицательная характеристика человека (ср.: *обизорить* — «сглазить», *призор* — «порча», *позоренье* — «мученье, беда», *обизорник* — «бесстыдник, срамник»). Эта модель была очень активна, но изжила себя вследствие ослабления влияния мифологии.

Наиболее стандартными моделями развития значения для глаголов слухового восприятия являются две модели, «уводящие» дериваты в сферу социальных отношений:

1) *слушать* → принимать во внимание чьи-л. слова, просьбы, советы → подчиняться чьим-л. распоряжениям → характеристика человека с точки зрения подчинения/неподчинения;

2) *слышать* → обращать внимание на разговоры, молву → услышать, узнать из рассказов → вести, известия; слухи, толки.

**ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ И ИХ РОЛЬ
В ОФОРМЛЕНИИ АКТАННЫХ ПОЗИЦИЙ ПРИ ГЛАГОЛЕ**

Одной из задач современной лингвистической теории следует считать создание единой терминологии, когда, говоря словами М. В. Панова, термины, возникшие на одном ярусе языка, были бы «задействованы и конструктивны на других ярусах». Так, например, в рамках Московской фонологической школы эффективным и плодотворным оказалось использование термина дифференциальный признак (ДП), применение которого в других областях, таких, как семантика, принесло ощутимые результаты. В частности, при решении задачи синтеза формы актантов на основе знания глагольной семантики важным является выделение в значении глагола дифференциальных семантических признаков, которые могли бы указывать на количество и качество актантных позиций при глаголе, способы их формального выражения и характер возможного лексического наполнения.

Та часть в значении слова, которая определяет синтагматику, чаще всего обозначается как «селективный» компонент. Вычлениению селективного компонента в значении глагола способствуют «оппозитивный» метод и метод компонентного анализа лексики. Значение слова может представлять собой комбинацию из ДП, по разному воздействующих на его синтагматические свойства. Так, например, селективный компонент глагола *наградить* (солдата орденом) содержит ДП «положительной оценки», влияющий на формальное выражение позиции адресата с помощью N_4 , и ДП «передачи», предопределяющий наличие трех актантных позиций при глаголе: награждающего (агенса), адресата и объекта передачи.

Рассмотрев глаголы, обозначающие ситуацию «каузации обладания» (в широком смысле), можно заметить, что прагматический потенциал слова играет существенную роль в формальном выражении актантных позиций при глаголе.

Репрезентация ситуации каузации обладания языковыми средствами предполагает, как известно, наличие трех актантных позиций при глаголе, которые стандартно выражаются с помощью N_1 (субъект), N_4 (объект) и N_3 (адресат).

Специальный анализ показал, что отклонения от стандартного представления ситуации обусловлены особой силой селективного компонента соответствующего глагола. Так, например, выделение ДП «передача нужной адресату информации, нужных предметов в нужном количестве» позволяет определить условия употребления

N₄ в оформлении актантной позиции адресата при глаголах передачи (имеется в виду речевой и неречевой характер передачи).

В селективном компоненте значения таких глаголов, как *известить*, *уведомить*, *оповестить*, *информировать*, *предупредить*, *ознакомить* содержится скрытый прагматический потенциал — ДП «заинтересованность адресата в получении информации», иными словами, в обозначенной этими глаголами ситуации передача информации осуществляется «в интересах адресата», что и вызвало, на наш взгляд, как бы повышение адресата в ранге и обозначение его с помощью N₄. Сравнение данных глаголов с глаголами типа *рассказать*, *сообщить*, *доложить* дает возможность обнаружить своего рода привативную оппозицию, поскольку значение глаголов типа *рассказать* не охарактеризовано по признаку «заинтересованность/незаинтересованность адресата в передаче информации».

ДП «передача необходимых адресату объектов в нужном количестве», содержащийся в значении глаголов типа *снабдить*, *обеспечить*, *вооружить*, *обогатить*, *экипировать* также влияет на оформление позиции адресата с помощью N₄ (ср. *дать*, *предоставить*, *вручить кому-н. что-н.*, где указанный признак не выражен).

Идеографический подход к изучению проблемы глагольной валентности позволил выделить в значении глаголов прагматически обусловленные дифференциальные семантические признаки и на их основе сформулировать некоторые правила зависимости синтагматических свойств глагола в заполнении актантных позиций от семантики глагольного слова, что доказывает правомерность и результативность приложения теоретических достижений Московской фонологической школы к проблеме создания «активной грамматики» русского языка. В этом плане эффективным является также использование понятия нейтрализация, что может стать предметом специального рассмотрения.

Н. А. Боровикова

Уральский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТОВ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ С СЕМАНТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ В ФОРМЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА БЕЗ ПРЕДЛОГА

Рассмотрим особенности предикатов, употребляющихся в предложениях с семантическим субъектом в форме род. п. без предлога, не совпадающей с формой грамматического подлежащего. Цель такого рассмотрения — выявление и описание всех типов предикатов, формирующих вместе с субъектным актантом в указанной форме определенные семантические структуры предложений.

Семантический субъект в форме род. п. без предлога наблюдается в тех случаях, когда описывается либо ситуация отрицания существования, бытия, наличия названного субъекта, либо ситуация количественной характеристики субъекта.

Предложения, передающие ситуацию отрицания существования, бытия, наличия названного субъекта типа *Ветра нет; Сына дома не было* в настоящее время достаточно описаны. Они включают в свой состав беспредложный род. п. с субъектным значением и отрицательное слово *нет* (в наст. вр.) или отрицательную частицу *не* с глаголом *быть* (в прошл. и буд. вр.), а также с другими предикатами бытия, существования, наличия: *бывать, существовать, иметься, произойти, найтись, остаться, состояться, появиться, возникнуть, сохраниться, встречаться* и др., напр.: *Чудес на свете не бывает; Сил не осталось; Идеальных людей не существует*. Этот тип предложений коррелирует с утвердительными предложениями, обозначающими бытие, существование, наличие какого-либо субъекта, выраженного формой 1-го л. п.: *На улице ветер; Сын дома; Чудеса на свете бывают; Силы остались; Идеальные люди существуют*. Важно подчеркнуть, что возможна такая модификация этого типа, как безглагольные предложения с союзом *ни...ни* или с отрицательными местоимениями: *Вокруг ни друзей, ни знакомых; Никаких новостей; Ничего страшного*.

Второй тип предложений, структурным компонентом которых являются родительный беспредложный падеж с субъектным значением, имеет общее количественное значение. По своей структуре и лексическому наполнению этот тип предложений разнообразен. Сюда относятся как безглагольные, так и глагольные конструкции. Среди безглагольных выделяются генитивные: *Книг-то!*, в которых семантический субъект и предикативный признак выражены нерасчлененно.

Однако безглагольные конструкции с предикативным значением количества могут быть в русском языке и расчлененные, когда предикат количества выражен разными способами:

1) числительными: *сыновей у него трое; Театров — несколько; Девочек в группе две*. Следует обратить внимание на возможное употребление формы мн. ч. существительного в род. п. с числительным *один*: *Театров — один*;

2) существительными с основным значением количества или емкости: *множество, уйма, горсть, куча, группа, ящик, банка, бутылка, мешок, бочка* и под., часто в сочетании с прилагательными *целый, полный, большой, маленький* и т. п., напр.: *Новых слов — уйма; Молока — бутылка; Яблок — полный ящик; Посетителей — целая группа*;

3) существительными в переносном значении «большое количество»: *тьма, куча, гора, бездна, море, океан, пропасть* и др.: *Народу — тьма; Зрителей — куча; Машин на улице море;*

4) наречиями с количественным значением: *мало, много, немало, немного, сколько, нисколько, достаточно, довольно, вдоволь, вдосталь, невпроворот* и т. п.: *Правды — нисколько; Дел невпроворот;*

5) фразеологизированными словоформами: *без счета, по горло; в обрез; через край; за глаза* и др.: *Денег — без счета; Работы — по горло; Проблем — за глаза;*

6) собственно фразеологизмами: *капля в море, с гулькин нос, кот наплакал, шаром покати, непочатый край, больше чем надо, хоть отбавляй, хоть пруд пруди, как нерезанных собак, по пальцам можно пересчитать, раз-два и обчелся, сколько душе угодно, напр.: Работы непочатый край; Масла с гулькин нос; Умных людей раз-два и обчелся.*

Родительный беспредложный падеж с субъектным значением употребляется и в глагольных предложениях, называющих ситуацию количественной характеристики субъекта. При этом в качестве предикатов выступают глаголы бытия как с количественными словами (1), так и без них (2): 1) *Спичек осталось только три; Тараканов развелось тьма; Времени дано в обрез;* 2) *Воды убавилось; Людей прибавляется; Доброты не хватает.*

Таким образом, анализ материала показывает, что родительный беспредложный падеж с субъектным значением употребляется только в предложениях, обозначающих два вида ситуаций: либо ситуацию отрицания существования, наличия субъекта, либо ситуацию количественной характеристики названного субъекта. При этом наблюдается большое разнообразие средств выражения предикативного признака «количественная характеристика субъекта».

С. Н. Гафарова

Иркутский государственный университет

**К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НЕСОВПАДЕНИЯ
СМЫСЛОВОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ ДИАЛЕКТА)**

1. При ономаσιологической интерпретации фактов словообразовательной системы обнаруживается, что мотивирующее имя вносит в глагол свой комплекс семантических признаков, небезразличной для формирования не только лексических, но и лексико-грамматических значений, в частности признака переходности — непереходности глаголов.

2. Целесообразно разграничивать переходность семантическую, «переходный смысл» глагола (наличие семантики направленного действия на объект) и переходность синтаксическую (наличие при глаголе «индикатора» переходности — винительного падежа имени объекта).

3. Объектной семантикой обладают (в силу природы называемых ими реалий) имена профессиональных лиц (типа *кузнец, доярка, штукатур*), имена артефактов (типа *борона, лопата, стекло*) и частично биофактов (типа *белка, ягода, воск, известь*). Указанные имена, выступая как мотивирующие, формируют семантически переходные глаголы (типа *кузнечить, доярничать, лопатить, белковать, ягодничать, вожить*).

Не обладают семантикой объекта названия лиц по чертам характера, натуры (типа *чудак, егоза, лентяй*), биофактов (явлений природы типа *вьюга, метель, морок*), отвлеченных понятий (типа *недуг, тоска, горе*), признаков (типа *скользкий, горький, жадный*). Глаголы, мотивированные данными единицами, как правило, являются семантически непереходными, что, естественно, сопровождается и формальной непереходностью (напр.: *лентяйничать, метельить, недуговать, горчишь* и др.).

4. Наличие объектной семантики не всегда сопровождается наличием при глаголе винительного падежа имени объекта. Фактором, «провоцирующим» несовпадение семантической и формальной переходности, является наличие так называемого включенного объекта, как скрытого (например, у имен профессиональных лиц, так и выраженного в формальной структуре мотивированного глагола (например *белковать, блиновать, соболевать, утятничать* и т.п.).

Н. А. Гоголина

Уральский государственный университет

НОМИНАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Выбор языковых единиц для номинации того или иного события зависит от ряда условий (ситуация, контекст, коммуникативные намерения говорящего и пр.).

Объектом нашего рассмотрения стали фразы, содержащие информацию о межличностных отношениях, в которых отмечается номинализация глагольных предикатов соответствующей семантики. Под номинализацией понимает обозначение процесса не глаголом, а именем существительным, прилагательным, наречием.

В качестве первичных предикатов в высказываниях исследуемой семантики выступают глаголы ЛСГ межличностных отношений.

Глаголы данного класса слов весьма абстрактны по своей семантике, так как характеризуют обобщенно-социальные действия. Семантика сочетается с семантикой чувств, поведения, речи и пр., указывающими на формы обнаружения, проявления отношения. Данные глаголы практически все имеют производные существительные: *любить* — *любовь*, *порицать* — *порицание*, *хвалить* — *похвала* и пр., что объясняется абстрактностью, несубстанциональностью обозначаемого.

Если сравнивать разные ЛСГ глаголов, то можно отметить, что способность образовывать отглагольное существительное у них неодинакова. Различия наблюдаются как в количественном, так и в семантическом и функционально-стилистическом плане, ср. глаголы групп конкретных физических действий и глаголы обобщенно-социальных действий: *резать* — *резание*, *резка*, *пилить* — *пиление*, *пилка* и *осуждать* — *осуждение*, *мыслить* — *мышление*. Базовые глаголы групп обычно имеют соотносительное имя существительное — глаголы поведения речи, разделения, исчезновения, покрытия и т. д.

При номинализации глагольных предикатов во фразах, содержащих информацию о межличностных отношениях могут использоваться отглагольные имена существительные типа *презрение*, *симпатия*, существительные, отражающие связь действия с актантом: *льстить* — «быть льстецом», «тот, кого любят» — *любимый(ая)*; иногда (правда редко) это может быть иная лексема: *сердиться* — «быть в раздражении».

При прямой явной номинализации глагол непосредственно заменяется именем, образованным от данного глагола: *восхищаться* — *восхищение*. Особую группу в этом случае представляют различные типы развернутых структур, так называемые аналитические словосочетания типа *проявлять расположение*, *оказывать уважение*.

Модель «глагол + отглагольное существительное» — более гибкое и тонкое средство создания наименования. Номинация процесса распадается на два элемента, один из которых (глагол) выражает предикативные значения и может уточнять характеристики действия (модальность, вид, залог и пр.). Это помогает найти нужную грамматическую форму для более точного и полного решения коммуникативного задания — выразить отношения между людьми. В этих конструкциях употребляются глаголы определенной семантики, что зачастую зависит от обозначаемого типа отношения, ср.: *впасть с немилостью*, *нанести обиду*, *оказывать уважение*. Благодаря таким словосочетаниям появляется возможность выражать оттенки значений с более тонкими нюансами, а иногда и со значитель-

ными расхождениями в семантике, напр.: *Он оказывал ему всякого рода снисхождения.*

При косвенной скрытой номинализации процесса, напр.: *Из-за твоей сестры он совсем потерял голову* (из-за любви к сестре). Иногда эти слова являются лишь побочными сигналами, указывающими на наличие ситуации межличностных отношений: *уважительно говорить* (говорить с уважением, говорить и уважать), *ласковый взгляд* (взгляд, выражающий ласку, внимание, нежность).

В докладе предполагается более подробно остановиться на всех основных типах номинализации глагольных предикатов названной семантики.

И. В. Каменская

Волгоградский государственный педагогический университет

ГЛАГОЛЫ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ «РАЗМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Полевая модель системы языка имеет различные интерпретации и применения. С точки зрения полевого подхода рассматриваются различные объединения языковых единиц. С применением соответствующих методик строятся функционально-семантические, грамматико-лексические, семантические, лексико-семантические и т. д. поля.

Объектом нашего исследования являются семантико-синтаксические поля как структуры, с помощью которых возможно идеографическое описание языка на лексико-синтаксической основе.

При семантико-синтаксическом описании лексики минимальной единицей является дистрибутивно-семантический класс, а максимальной — объединение дистрибутивно-семантических классов, которые мы именуем семантико-синтаксическим полем (далее — ССП).

ССП с дескриптором «размещение в пространстве» до сих пор не было объектом серьезного исследовательского внимания отечественных лингвистов. Отдельные микрополя, входящие в данную систему средств, описывались в специальных (в том числе квалификационных работах), посвященных анализу глаголов движения.

Цель настоящей работы доказать реальность существования поля «размещение», отграничив его от поля «движение», показать, какие дистрибутивно-семантические классы глаголов формируют это поле и какими микро полями и структурно-семантическими типами предложений оно представлено.

Посредством сплошного обследования толковых словарей русского языка нами был выявлен список дистрибутивно-семантических классов глаголов, входящих в ССП «размещение». Суперор-

динатой соответствующей родо-видовой иерархии является глагол *поместить*, передающий значение «разместить» наиболее обобщенно.

Проведенное нами исследование приводит к выводу о том, что ССП «размещение» представлено микрополями со следующими дескрипторами: «размещение внутри», «размещение на поверхности объекта», «размещение относительно поверхности опоры», «размещение под объектом», «размещение посредством подвешивания».

Дальнейшее рассмотрение микрополей выявляет представленность в них определенных лексических типов предложений.

В качестве примера рассмотрим микрополе «размещение внутри».

Как видно из таблицы, демонстрирующей иерархию соответствующих дескрипторов, данное поле представлено тремя лексическими макросистемами:

Размещение внутри: Ввод

ТЗ: «ввод чего-л. остроконечного внутрь объекта одним резким движением» (1)

ТЗ: «ввод предмета посредством вбивания» (2)

ТЗ: «ввод предмета посредством вкручивания» (3)

Помещение

ТЗ: «помещение куда-л. жидкости, сыпучего вещества» (1)

ТЗ: «вмещение куда-л. предмета» (2)

Вкрепление

ТЗ: «вкрепление чего-л. внутрь объекта» (1)

Из приведенной схемы следует, что макросистема «Ввод» представлена тремя лексическими макросистемами:

1) дистрибутивно-семантический класс глаголов с типовым значением «ввод чего-л. остроконечного внутрь одним резким движением», представленный лексемами *вколоть*, *вонзить*, *воткнуть*, *всадить*, *вклинить*;

2) дистрибутивно-семантический класс глаголов с типовым значением «ввод предмета посредством вбивания», который формируется лексемами *вковать*, *вколотить*, *вбить*, *вдолбить*;

3) дистрибутивно-семантический класс глаголов с типовым значением «ввод предмета» посредством вкручивания, формируемый лексемами *завертнуть*, *завинтить*, *закрутить*, *завертеть*.

Модель управления, реализуемая во всех трех случаях, имеет вид *что чем во что*.

Специфика подкласса (1) заключается в том, что в роли объекта в типовой ситуации, описываемой предложениями, в основе которых лежит данный класс глаголов, могут выступать остроконечные предметы: *кинжал, нож, игла, скоба, рогатина, лом, шпага, топор* и т. д. Например: *вонзить топор в бревно*.

Специфика типовой ситуации, описываемой предложениями, в основе которых лежат глаголы подкласса (2), заключается в обязательном наличии инструмента. Инструменты могут быть узуальные (*молоток, молоток, кувалда*) и незуальные (*камень, кирпич, доска*). Например, *забивать гвоздь молотком* (ср. *кирпичом*).

При глаголах подкласса (3) позиция прямого объекта открыта для предметов, имеющих винтовую резьбу: *винт, шуруп, лампочка* и т. д. Часто наличие резьбы обязательно и для референтов существительных, для которых открыта позиция *во что*, например: *вкрутить лампочку в патрон*.

Все единицы рассмотренных макросистем имеют общую модель синтаксической сочетаемости: $N_1 + V_f + N_4 + \text{в} N_4 + N_5$.

М. Л. Кусова

Уральский государственный университет

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ ЛСГ РУССКИХ ГЛАГЛОВ

Парадигматический аспект характеристики глагольной лексики можно логично дополнить описанием связи ЛСГ и отрицательной глагольной лексики, поскольку негация — важный фактор, проникающий во все уровни языковой структуры (Кржижкова, 1969). Обращаясь в анализу глаголов, содержащих в качестве ядра словарного определения *не* или его эквиваленты, видим, что имплицитно отрицательные глаголы присутствуют во всех суперпарадигмах, представляя 28% от общего числа глаголов «действие и деятельность», 60% — «бытие, состояние, качество», 57% — «отношение».

При этом суперпарадигмы различаются не только качеством и долей отрицательных единиц, но и функцией отрицания в суперпарадигме. У глаголов со значением «действие и деятельность» отрицание связано с отсутствием. Это отсутствие действия вследствие его прекращения: *стоять* — 13. «не двигаться», *стать*¹ — 4. «прекратить движение»; отрицательного воздействия на объект: *умертвить* — 1. «лишить жизни»; утраты: *растеряться* — 2. «утратить способность соображать». Отрицательные единицы присутствуют прежде всего в вариантных парадигмах, связанных с деятельностью человека как социального и социализированного существа,

и практически не представлены в глаголах «движение», «помещение», «перемещение». Поэтому закономерно, что отрицательный глагол «молчать» претендует на роль базового в каждой из групп глаголов «речевая деятельность». В классифицирующей парадигме «речевая деятельность» все вариантные включают отрицание, которое указывает не только на отсутствие речевого действия: *умолчать* — «не сказать о ком-, чем-л.; *онеметь* — «утратить способность речи»; но и на отрицательно определяемые признаки: *отрицать* — «не соглашаться»; *притаить* — «не высказать, не раскрыть другим». Глаголы «говорения» как подтверждающие социальную сущность человека настолько значимы для носителей языка, что всякие ненормативные явления в связи с говорением воспринимаются как отрицательные.

В отличие от парадигмы «речевая деятельность» в парадигме «созидательная деятельность» отсутствует противопоставление позитивного и негативного, имплицитно отрицательные единицы могут указывать на позитивно воспринимаемое действие: *поддержать* — 1. «не дать упасть», 2. «не дать погибнуть», 5. «не дать прекратиться, утратиться» — что позволяет согласиться с высказыванием А. В. Бондарко о наличии у утверждения/отрицания модальных актуализированных функций, выражающих отношение говорящего к высказыванию (Бондарко, 1976).

В суперпарадигме «бытие, состояние, качество» отрицательные глаголы широко представлены в вариантной парадигме «прекращение бытия» (117 глаголов из 194 отрицательных единиц парадигмы): *меркнуть* — 1. «перестать светить»; *откипеть* — «перестать кипеть»; в парадигме «проявление признака». где отрицание связано с утратой качества, причем утрачиваемое значимо для человека в первую очередь: *ожесточиться* — «потерять душевную мягкость»; *одеревенеть* — 2. перен. «утратить способность к проявлению чувств»; в парадигме «эмоциональное состояние», в рамках которой отрицательные единицы называют состояния, полярные по отношению к условной градационной оси: *отгоревать* — «перестать горевать»; *развинтиться* — 2. перен. «потерять душевное равновесие». Но в составе парадигм, связанных с обозначением динамики существования, нет отрицательных единиц, так как становление не предполагает отсутствие.

В суперпарадигме «отношение» более половины вариантных парадигм (что не наблюдалось раньше) включает отрицательные единицы. Отрицание соотносится с отсутствием у глаголов значений «утрата объекта», «обладание», «лишение»: *беречь* — 2. «не давать расходоваться напрасно, осторожно тратить»; *ослабить* — 1. «лишить прежней силы». Утраты, лишения могут быть связаны

как с материальными, так и с духовными ценностями, с физически, духовно и социально значимым.

При обозначении социальных отношений отрицательные единицы могут указывать не только на отсутствие контакта, подчинения, но, что более интересно, на их наличие: *расстаться* — 1. «прекратить дружеские отношения»; *сблизиться* — 3. «утратить резкие расхождения».

Следовательно, описание представленности глагольной лексики со скрытым отрицанием в глагольных парадигмах показало широкую представленность отрицательных единиц, что можно объяснить особенностями человеческого сознания, связью отрицания и нормы. При этом не случайно наиболее разнообразны отрицательные глаголы в суперпарадигме «отношение», обозначающие значимые для человека сферы деятельности.

И. П. Матханова

Новосибирский государственный педагогический университет

**СЕМАНТИКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ
И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕДИКАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ СТАТАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ)**

1. Исследование конкретных высказываний различных семантических типов позволило ставить вопрос не только о номинации, относящейся к глобальному обозначению целой ситуации, но и о способах ее манифестации в предложении, о возможности совмещения в нем различных смыслов, их иерархии. В соответствии с этим выделяются доминирующие, фоновые, сопряженные категориальные ситуации (А. В. Бондарко).

2. В зависимости от особенностей семантической структуры предиката, его положения по отношению к ядру соответствующего функционально-семантического поля, этот ведущий компонент высказывания может играть различную роль в организации смысла: предопределять доминирование какой-либо семантической категории, представлять ее в сопряжении с другой, оставлять возможность семантическому элементу служить лишь фоном для основного содержания. Существуют определенные закономерности употребления различных функционально-семантических типов предикатов в статальных высказываниях.

3. В высказываниях с доминированием семантики состояния может выступать предикат, в состав которого включаются два компонента, один из которых является идентификатором (Э. В. Кузнецова) данного «положения дел». К ним можно отнести слова *испытывать*, *чувствовать*, *состояние* и др. Другие компоненты пре-

диката уточняют, конкретизируют обобщенное значение идентификатора: *Ордынцов чувствовал такую усталость, такое изнеможение* во всех членах, что едва волочил ноги (Ф. Достоевский). Говорящий обычно использует предикаты с идентификаторами для однозначной квалификации доминирующей ситуации.

Другой тип предиката, характерный для подобных высказываний, — так называемый «изосемический предикат» (Г. А. Золотова, Л. Г. Бабенко). Лексические и грамматические характеристики этого предиката в наибольшей степени специализированы на передаче семантики состояния, предикат содержит в себе комплекс ДСП данного «положения дел», относится к ядру одноименного ФСП (или примыкает к нему), напр.: *Тошно мне. Тяжело на сердце* (Н. Гоголь). Основные и факультативные семантические признаки состояния выражены в таком предикате недискретно в отличие от предыдущего типа.

Доминирование определенной семантики возможно и при наличии предиката, не являющегося изосемическим по своим лексическим или грамматическим характеристикам. В таком случае он содержит лишь некоторые необходимые, но недостаточные ДСП из общего комплекса, напр.: *Сквозь подошву чувствуется, каким горячим стал гравий* (В. Панова); *Лег князь в чистую постель... и так хорошо ему стало, что он сразу задремал* (Н. Лесков). Недостающие в предикате семантические признаки восполняются их окружающего контекста, который играет более существенную роль в организации высказывания.

4. В высказываниях, реализующих сопряженные категориальные ситуации (КС), в качестве предикатов наиболее часто встречаются так называемые «синкреты» (В. П. Конецкая), которые совмещают в своем значении семы, характерные для разных «положений дел», например состояния покоя и положения в пространстве, типа *стоять, сидеть, лежать*. Ср.: *Студент стоял неподвижно... не отрывая глаз от огня* (А. Чехов); *Она не садилась, а стояла сбоку... сложив руки на груди* (Ф. Достоевский). Другие семантические элементы высказывания могут актуализировать одну из КС, более важную для говорящего, и тогда другая становится сопутствующей. В некоторых случаях в высказывании могут быть актуализированы обе КС.

Как и в предыдущем типе высказываний (с доминированием состояния), здесь могут употребляться предикаты, не обладающие полной лексической или грамматической изосемичностью. Их особенностью является наличие в высказывании актуализаторов обоих КС: *Мне очень странно, моя милая, что ты осмеливаешься возражать мне* (А. Островский).

Ядерные (изосемические) предикаты состояния также могут встречаться в высказываниях, содержащих сопряженные КС, если в них есть показатели обычности, типичности такого состояния. В этом случае помимо статальной семантики в высказывании реализуется и качественная, ср.: *Самое интересное в нем: человеку скучно в воскресенье* (В. Моисеев).

Определенные закономерности можно установить и между типом предиката и реализацией в высказывании фоновой семантики состояния.

Разные предикаты при выражении доминирующей, сопряженной или фоновой семантики состояния предполагают свою специфику взаимодействия с семантическими элементами предиката предопределяют способы реализации в высказывании того или иного смысла. В свою очередь функционально-семантический тип предиката обусловлен взаимодействием лексических и грамматических характеристик слова, и исследование этого взаимодействия является одним из путей развития лексикализованной грамматики.

С. Р. Омельченко

Волгоградский государственный университет

О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ КОНТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Одна из проблем антропологической лингвистики связана с исследованием «зашифрованных», часто не осознаваемых прагматических характеристик языка и его носителя (Ю. В. Караулов). Известно, что слова в речи соединяются не только с языковым контекстом, представленным непосредственно окружающими словами, но и с широким контекстом, выступающим в виде языковой обстановки (в которой происходит речевой акт) и в форме ее описания. Для выяснения специфики словесных значений, обусловленной влиянием контекстных партнеров и смысла предложения в целом, может служить контекстологический анализ, разработанный Э. В. Кузнецовой.

В результате исследования текстов драматических произведений А. П. Чехова нами было выявлено, что этот «максимально конкретный, речевой уровень семантического анализа слов» (Э. В. Кузнецова) позволяет «расшифровать» часто скрытое взаимодействие прагматически маркированных лексико-грамматических явлений не только в условиях минимального контекста, но и в рамках целостного текста.

Так, контекстологический анализ глаголов модальной семантики, входящих в зону прагматического аспекта языка, подтверждает ориентированность таких глаголов как на действие, с которым со-

пряжен модальный признак, так и сферу субъекта. Семантическим основанием данных позиций является лексико-грамматическая сема «модальное отношение субъекта к действию», которая у модальных глаголов (*хотеть, мочь, суметь, намереваться* и т. п.) выступает на уровне основного значения, а у функционально-модальных (*думать, мечтать, обещать, взяться* и т. п.) выявляется на уровне вторичных значений, контекстуально обусловленных.

Лексическая семантика предопределяет характер функционирования модальных и функционально-модальных глаголов в типизированном словосочетании, т. е. в словосочетании с субъектным инфинитивом. В предложении глаголы модальной семантики выступают в качестве вспомогательного компонента составного глагольного сказуемого, которому на семантическом уровне соответствует предикативный признак. Согласно нашему анализу, общее значение предикативного признака предстает как состояние, сопряженное с модальным отношением субъекта к действию, и конкретизируется в различных частных значениях, соответствующих семантике типизированного словосочетания («возможность/невозможность осуществления субъектом действия», «умение/неумение субъекта совершать действие», «желание субъекта что-л. делать», «намерение субъекта что-л. делать» и т. д.).

В результате контекстологического анализа также было установлено, что контаминация модального и предикативного признаков задает, в свою очередь, координату речевого употребления глаголов модальной семантики в более широких текстах, смысловая доминанта которых указывает на степень активности субъекта по отношению к действию. С точки зрения семантического уровня субъект трактуется нами как производитель действия или носитель состояния и соотносится на коммуникативном уровне с индивидом, представленным через посредство своего речевого воплощения. При этом степень активности субъекта по отношению к действию рассматривается в качестве текстообразующей функции.

Исследованный материал показал, что степень активности субъекта может варьироваться в зависимости от степени проявления модального признака. На это указывают, прежде всего, лексическое значение и грамматические формы глаголов модальной семантики, а также лексическое значение глаголов в форме инфинитива и различных контекстуальных уточнителей. Такому варьированию присущ квантитативный показатель: возрастание — убывание признака. В целом набор данных текстообразующих средств, выражая субъектно-модальные отношения, помогает установить в рамках текста различные ситуации, связанные с мировоззренческо-прагматическими интенциями языковой личности.

СЕМАНТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «ГЛАГОЛ — АКТАНТЫ»

Исследование семантико-синтаксических связей между признаковыми и предметными словами — глаголами и именами — идет двумя путями, не исключаящими, а дополняющими друг друга:

1) изучается взаимодействие глагола и имени в структуре высказывания, в синтагматических отношениях;

2) изучается взаимодействие глагола и имени в глубинной структуре глагола-предиката.

В результате взаимодействие глаголов и актантов характеризуется в научной литературе как с точки зрения семантики, так и с позиций синтаксиса. При этом подчеркивается, что и межсловные, и внутрисловные синтагматические отношения глагола и имени зависят от семантики соответствующих слов. Следовательно, взаимодействие, дистрибуцию глаголов и актантов можно представить, используя понятие семантико-синтагматического комплекса.

Как любой комплекс, предполагающий сочетание свойств, качеств, в семантико-синтагматическом комплексе «глагол — актанты» соединяются разноуровневые компоненты, организованные иерархически (это КЛС и ДС). КЛС глагола обозначает действие, свойство, признак, качество, отношение, распространяемые на ДС актантов — участников действия, а ДС актантов конкретизируют действие, обозначенное глаголами, относительно ограниченного ряда лиц, предметов, например, *чеканить* (монеты), *верещать* (о насекомых), *дуть* (о ветре).

В приведенных примерах глаголов с включенными актантами субъектные или объектные семы конкретизируют значение глаголов, создавая специализированность глагольных значений. Универсальность субъектных и объектных актантов в глагольных значениях позволяет называть их архисемами глагола, интегральными компонентами глагольных значений.

Таким образом, семантико-синтагматический комплекс «глагол — актанты» включает в себя набор внутрисловных семантических компонентов разного статуса (КЛС и ДС: глагол — включающий знак, актант — включенный).

Изучение семантико-синтагматического комплекса «глагол — актанты» и его организации требует различать составляющие этого комплекса: 1) глагол — субъект; 2) глагол — объект.

Предметом анализа в данном докладе являются глаголы с включенным субъектом и глаголы с включенным объектом, которые составляют центр семантико-синтагматического комплекса, поскольку

ку содержат такое сопряжение глагольных и именных компонентов в структуре глагольного значения, при котором семантика глагола определяет выбор актанта, а семантика актанта «отражает» внутрисловные синтагматические свойства глагола.

С. В. Плотникова

Уральский государственный педагогический университет

УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ в ЛСГ глаголов СУБЪЕКТНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Регулярная многозначность относится к числу таких лингвистических понятий, которые по самому своему определению связаны с мерой, хотя общепризнанного количественного выражения она пока не получила. Опыт применения статистики к изучению регулярной многозначности ограничивается немногими работами (Н. И. Бахмутовой, Н. А. Боровиковой, А. П. Чудинова), которые используют различные статистические оценки степени регулярности разных моделей глагольной многозначности.

Другим аспектом изучения регулярной многозначности, предполагающим измерение, является анализ употребительности различных моделей в речи. Учет употребительности той или иной модели многозначности является дополнением характеристики ее регулярности и позволяет уточнить оценку степени ее регулярности по материалам словарей. Сопоставление данных об употребительности разных моделей поможет выявить наиболее коммуникативно значимые из них.

С точки зрения употребительности в речи нами рассматриваются модели регулярной многозначности в группе глаголов субъектного перемещения, основанные на нейтрализации основных дифференциальных признаков, способ и среда перемещения. Для оценки употребительности модели многозначности мы используем долю (%) словоупотреблений глаголов в данном типовом вторичном значении в общей массе словоупотреблений глаголов группы. Для вычисления показателя употребительности анализировались данные сплошной выборки глаголов субъективного перемещения длиной 5 тысяч словоупотреблений.

Употребительность глаголов в типовых вторичных значениях, не выходящих за рамки ЛСГ «перемещение», незначительна, составляет всего 6,4 % от всех словоупотреблений рассматриваемых глаголов, однако в некоторых семантических подгруппах глаголов, а именно глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху, она значительно выше — более 35 % от всех словоупотреблений глаголов соответствующих подгрупп.

Самой высокой употребительностью (2,8 %) по сравнению с другими моделями характеризуется модель многозначности, основанная на нейтрализации семы «среда перемещения», в соответствии с которой глаголы обозначают самостоятельное перемещение людей, других живых существ или предметов безотносительно к какой-либо среде (*дети влетели в комнату, тучи ползут, корабль идет*). Все варианты данной модели опираются на актуализацию ассоциативного в основном значении глаголов признака «скорость движениями» и на переход его в разряд дифференциальных. Закономерно, что употребительность модели выше в тех подгруппах, глаголы которых имели наиболее яркие ассоциативные признаки. В подгруппах глаголов перемещения в жидкой среде и по воздуху употребительность составляет более 11% от всех словоупотребительностей соответствующих глаголов.

Т. В. Попова

Уральский государственный университет

О ПЕРЕСЕКАЕМОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И АКЦИОНАРНЫХ КЛАССОВ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Анализ семантического пространства русского глагола в аспекте идеографической, активной и функциональной грамматик выдвигает в качестве одной из важнейших проблему соотношения акционарных и лексико-семантических классов русских глаголов.

Как показывают наблюдения, пересекаемость таких классов встречается достаточно часто: так, накопительному СГД соответствуют ЛСГ приготовления чего-либо впрок и получения объекта в определенном количестве: отделительно-партитивный СГД имеет лексико-семантический аналог — ЛСГ глаголов использования: каузативные глаголы отчасти совпадают с ЛСГ принуждения и влияния; фазово-временным СГД соответствуют ЛСГ глаголов начальной фазы бытия-существования и ЛСГ прекращения бытия; длительно-ограничительный СГД, имеющий значение «совершать действие в продолжительный необходимый или заранее обусловленный промежуток времени», пересекается с ЛСГ глаголов существования во времени и т. д.

Если фазовые и специально-результативные СГД обнаруживают достаточно полную пересекаемость с лексико-семантическими глагольными классами, то реформативно-повторительный, взаимно-субъектный, длительно-ограничительный и ретроспективный — лишь частичную. Соответствующие ЛСГ составляют незначительную часть указанных ЛСГ, находясь с ними в отношениях пересечения или включения.

Анализ соотношения лексико-семантически и акционсартных классов русских глаголов показал, что:

1) связь между ними, несомненно, существует, она обусловлена фундаментальной функцией языка — давать человеку возможность правильно ориентироваться в окружающем мире (У. Матурана), что приводит к фиксации некоторой особо значимой информации не только на уровне лексического, но и на уровне более высокого лексико-грамматического — значения;

2) естественность связи акционсартных и лексико-семантических групп русских глаголов обусловила их пересекаемость на уровне всех суперпарадигм — полей действия и деятельности; бытия, состояния, качества, отношения;

3) пересекаемость ЛСГ и СГД наблюдается в основном среди тех СГД, акционсартный характер которых вызывает споры: у глаголов специально-результативных СГД; не пересекаются с ЛСГ глаголы кратных и количественных СГД, очень незначительно — глаголы субъектно-объектных и фонопредикативных СГД; особую группу составляют фазовые глаголы;

4) пересекаемость класса слов, претендующего на «звание» акционсартного, с той или иной ЛСГ не может быть решающим аргументом при ответе на этот вопрос из-за естественности и неизбежности существования такой пересекаемости: этот критерий может быть использован лишь в сочетании с анализом содержания значения, передаваемого глаголами данного класса, свойственных им деривационных перифраз и особенностей синтаксической сочетаемости.

Н. Н. Соболева

Уральский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКИ ЦЕЛОСТНЫЕ И РАЗМЫТЫЕ ГЛАГОЛЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ВОСПРИЯТИЯ)

В настоящее время лингвистов все более привлекают проблемы лексико-семантического варьирования языковых единиц. Особенно актуально измерение семантических расстояний между отдельными значениями тех или иных слов.

Семантическая связь между ЛСВ многозначного слова может быть более или менее сильной. В зависимости от этого выделяют семантически целостные или размытые лексемы. Последнее можно определить, опираясь на соотношение ЛСВ одного слова по их категориально-лексическим, дифференциальным и потенциальным семам.

Предлагаем измерять целостность/размытость слова по следующим методикам: 1) по коэффициенту семантического расстояния;

2) по коэффициенту семантической целостности; 3) по степени изменения/сохранения категориально-лексической семы основного значения.

Применение указанных методик к анализу глаголов восприятия (для анализа была выбрана именно эта группа, потому что для глаголов восприятия характерна широко развитая многозначность и лексические значения глаголов восприятия легко поддаются компонентному анализу) позволило отнести к семантически целостным глаголы: *видеть, осязать, чують, воспринимать, наблюдать, слышать, нюхать*; к семантически размытым — *ощущать, внять, смотреть, глядеть, слушать*.

Семантически целостные глаголы восприятия обладают такими признаками, как: 1) отнесенность к конкретным глаголам (частотные или редко употребляемые); 2) невысокий уровень полисемии (до пяти значений, чаще два-три); 3) особое направление развития значений: вторичное значение поддерживает основное или одно из неосновных; 4) семантическое варьирование происходит в основном в рамках одного подполя.

Признаки семантически размытых глаголов восприятия следующие: 1) высокая частота употребления; 2) развитая многозначность; 3) равновесие ЛСВ либо «бесцентровая» организация системы их значений; 4) переход ЛСВ в другое подполе при семантическом варьировании.

А. Л. Шарандин, Ю. Н. Денисов
Тамбовский государственный университет

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКОГО ГЛАГОЛА
В АСПЕКТЕ КРИТЕРИЕВ НЕПРОТИВОРЕЧИВОСТИ,
ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ И ЭКОНОМНОСТИ**

Существование различных классификаций является следствием многоаспектного подхода к описанию языковых фактов и явлений, который учитывает множественность и разноплановость признаков членения, позволяет увидеть специфику классов слов как познаваемых объектов, их ранг и место в языке. Но существование классификаций не означает отказа от их оценки на основе лингвистического описания и отвечают общим принципом логики научного познания, в частности на основе критериев непротиворечивости, объяснительной силы и экономности.

В докладе анализируется с указанных позиций лексико-семантическая классификация русского глагола, представленная в работах Э. В. Кузнецовой и ее учеников, а также в кандидатской диссертации Э. Х. Сувановой «Лексико-семантическая классификация не-

производных глаголов в современном русском языке». С этой целью принимаются те постулаты, на которых основывается данный тип классификаций, объединенных общностью метода, поскольку рассмотрение их с точки зрения других исходных положений не позволяет объективно оценить лексико-семантическую классификацию русского глагола. На фактическом материале обосновываются следующие выводы.

1. Система постулатов лексико-семантической теории не в полной мере соответствует результатам лексико-семантической классификации. Лексико-семантическая классификация на уровне выделения ЛСГ не есть собственно лексико-семантическая, поскольку в состав минимума признаков, определяющих языковое пространство и содержание ЛСГ, входит синтагматический компонент, в основе которого лежит грамматическая характеристика — сочетаемость.

2. Иерархия классов слов, отражающая построение лексики по принципу «множество-подмножества», исключает выделение ЛСГ в качестве первичных элементов внутриглагольной классификации, ибо они взаимосвязаны в системе классов, либо с лексико-грамматическими разрядами, либо с синонимическими рядами и вследствие этого не могут быть началом классификации.

3. Использование одного и того же метода разными исследователями тем не менее не обеспечивает единства глагольной классификации, что находит отражение не только в терминологии, но и в определении статуса и состава ЛСГ, их границ, в вопросах лексической природы ЛСГ. Так, в словаре-справочнике «ЛСГ русских глаголов» (1988) выделяются 3 поля, 19 подполей, 108 ЛСГ, а в работе Э. Х. Сувановой (1985) — 5 полей, понятие «подполе» отсутствует, 29 ЛСГ.

Примечательно, что в терминологическом плане названия только двух полей совпадают («состояние» и «отношение»). Однако набор ЛСГ этих полей также различен. Причем ЛСГ глаголов мышления, познания, восприятия, включенные Э.Х.Сувановой в поле «состояние», в словаре-справочнике рассматриваются в составе подполя «интеллектуальная деятельность» поля «действие». Эти факты свидетельствуют о различном понимании сущности таких понятий, как «мышление», «познание», «восприятие» в отношении к понятиям «деятельность» и «состояние».

4. Используемое понятие «лексическое значение слова» охватывает не все типы лексических значений. В частности, если исходить из постулата о лексическом значении слова как имеющем «денотативно-сигнификативное содержание» (Э. В. Кузнецова), то неясен статус образований с коннотативным содержанием: подлежат ли они классификации в одном ряду со словами денотативного характера

или же вычлениаются из их состава, образуя свою, автономную классификацию, поскольку, как показывает конкретный материал (см. работы Л. Г. Бабенко), многие слова совмещают денотативный и коннотативный компоненты в той или иной степени. Не менее показательны расхождения исследователей относительно глаголов, включающих в свое содержание компонент оценочности. В отличие от эмоциональности, получившей статус подполе, статус оценочности очерчен недостаточно ясно, а в классификации Э. Х. Сувановой мы не обнаруживаем оценочного компонента в названиях ЛСГ. Можно предполагать, что он выведен за пределы лексического значения слова. Постулат о лексическом значении слова требует уточнения в соотношении его и с понятием дейксиса, так как неясно, включает ли лексическое значение в свою структуру дейктический компонент или дейктическое значение — это особое значение, автономное по отношению к лексическому значению.

5. Недостаточно четко отражено в лексико-семантической классификации соотношение словоизменения и словообразования (например, по отношению к способам глагольного действия).

6. С точки зрения экономности обращает на себя внимание тот факт, что некоторые глаголы, будучи выделенными на других этапах членения, включаются в дальнейшее членение, хотя оно для них избыточно, нерелевантно.

Данные высказывания, конечно, не опровергают объективности существования лексико-семантических групп, однако требуют более тщательного и более объективного подхода к определению их статуса в системе языка, в системе его классов. В связи с этим, думается, правомерно следующее замечание Э. В. Кузнецовой: «Чтобы исследования отдельных групп были максимально эффективными для построения общей теории системности лексики, важно, по-видимому, не столько глобальность обследования всех групп глаголов, сколько единообразие подхода к их изучению и обобщению результатов».

Е. А. Чудинова

Уральский юридический институт МВД

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВ С ШИРОКО РАЗВИТОЙ МНОГОЗНАЧНОСТЬЮ

Зона широко развитой многозначностью включает слова, имеющие семь и более значений (по данным четырехтомного академического «Словаря русского языка»). Специальный анализ грамматических свойств этих слов позволяет более полно осознать грамматические факторы, воздействующие на развитие семантической струк-

туры лексемы, определить особенности развития полисемии в различных частях речи и лексико-грамматических разрядок.

В рассматриваемой зоне абсолютное большинство составляют слова только трех частей речи: 608 глаголов, 254 существительных и 234 прилагательных. В выборке оказалось только одно междометие (*спасибо*), только одно местоимение (свой), лишь два числительных (*столько* и *сколько*). Более объемна группа наречий с широко развитой многозначностью (17 слов), но у абсолютного большинства из них в качестве многозначности представлена межчастеречная омонимия, например слово *когда* представлено в словарной статье как наречие и союз, слово *около* — как наречие и предлог, слово *так* — как наречие, союз и частица. Если же учесть только наречные значения, то многие из рассматриваемых слов окажутся за пределами зоны широко развитой многозначности. Таким образом подтверждается положение о зависимости степени развития многозначности от категориально-грамматической семантики слова.

При анализе лексико-грамматических свойств существительных выяснилось, что среди существительных зоны абсолютно преобладают имена нарицательные (отмечено только одно имя собственно *Земля*, причем все его вторичные значения относятся к числу нарицательных), широко развитая многозначность мало характерна для существительных одушевленных (в границах зоны отмечено только десять слов с грамматическими признаками одушевленности: *господин, мать, молодец, одиночка, отец, субъект, сын, товарищ, хозяин, человек*).

В зоне широко развитой многозначности оказалось только пять вещественных существительных (*вода, кровь, огонь, серебро, хлеб*) и лишь одно существительное с признаками собирательности (слово *снаряд* толкуется в МАС следующим образом: 1. Собир. Устар. Совокупность инструментов, орудий, приспособлений для какого-либо занятия, ремесла; снасть). Остальные существительные рассматриваемой зоны относятся к числу конкретных и отвлеченных, причем первых значительно больше, чем вторых (соответственно 158 и 80 слов).

Среди прилагательных в зоне широко развитой многозначности заметно преобладают качественные (182 слова), к числу относительных относятся только 54 слова. При более детальной классификации выясняется, что среди относительных прилагательных абсолютное большинство составляют собственно относительные: здесь зафиксировано только три порядковых слова (*первый, второй и третий*) и два местоименных прилагательных (*весь* и *целый*), совершенно нет в составе зоны притяжательных прилагательных.

При анализе лексико-грамматических разрядов глаголов с широко развитой многозначностью выясняется, что в ней совсем нет безличных глаголов, что абсолютное большинство в рассматриваемой зоне составляют невозвратные глаголы (80,6%), не охарактеризованные по способам глагольного действия (97%). В зоне заметно больше переходных глаголов (62,1%), чем непереходных (37,9%).

Рассмотренный материал свидетельствует, что грамматические свойства слова опосредованно сказываются на его полисемии, что существуют определенные категориально-грамматические (действие, предмет, признак) и лексико-грамматические (неодушевленность и предметность у существительных, качественность у прилагательных, невозвратность и переходность у глаголов) признаки, которые способствуют развитию у слов большого количества значений. Указанные грамматические свойства во взаимодействии с лексико-семантическими и иными (частотность, принадлежность к исконно русской лексике и др.) признаками определяют степень развития семантической структуры слова.

Секция 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ РУССКОГО СЛОВО- И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

Л. С. Андреева

Казанский государственный педагогический университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОЛЕ ВЕЩИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВВ. КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Интенсивная разработка типологии лексико-семантических единств русского глагола, предпринятая школой Э. В. Кузнецовой, позволила историкам русского языка обратиться не только к осмыслению процессов семантической модуляции компонентов определенных ЛСГ, но и изучать влияние развития семантической структуры глагольного слова на его словообразовательный потенциал.

Под текстовым словообразовательным полем вещи нами понимается совокупность словообразовательных типов имен существительных, образующих единый словообразовательно-грамматический класс неодушевленных числяемых имен (О. Г. Ревзина).

При осмыслении развития поля вещи мы исходим из двух философских положений А. Ф. Лосева: 1. «В имени вещи с вещью общается ум. Имя говорит сознанию, вызывает к пониманию, предполагает у именующего ум». 2. «Если вещь поименована, это значит, что кто-то где-то и притом как-то выделил ее из окружающего мира, наделил какими-то признаками, помыслил о ней и зафиксировал, что она есть именно она, а не что-нибудь другое». Справедливо замечает В. Н. Торопов: «Назначение — функция вещи оказывается несравненно более важным мотивом для обозначения вещи». По его мнению, «все варианты экспликации могут быть сведены к общей формуле — для чего: для варки, для питья, для резания, для запрягания и т. д.». Отсюда закономерны семантические и структурные особенности словообразовательного поля вещи: в истории русской словообразовательной системы оно занимает промежуточное положение, постоянно находясь в зоне притяжения полей действия/состояния, лица. Словообразовательное поле вещи лишено деривационного инструментария, свойственного субстантивной лексике конкретной семантики. Однако в связи с тем, что потребность в номинации новых реалий сохраняется на всех этапах русского языка, а состав морфем, обслуживающих ее, представляет относи-

тельно замкнутое множество, возникновение семантических дериватов оказывается закономерным.

Производные существительные конкретно-предметного значения составляют значительный пласт лексики документальной прозы Петровского времени. Частота их употребления возрастает в сравнении с донациональными текстами той же жанрово-стилистической приуроченности на несколько единиц ($x \approx 24 \rightarrow 28$).

Ядерную зону словообразовательного поля вещи составляют семантически производные от имен действия существительные (нулевой суффиксации: *подвода, ограда, наймъ, запасъ*; имена с суффиксом -к-а: *записка, отписка*; слова среднего рода на -ние: *строение, украшение*; на -ство: *убранство*). В отличие от производящих они характеризуются соотносительностью с иным денотатом, их функциональными эквивалентами выступают конкретные существительные (*покой — полата, наем — деньги*), они употребляются в изосемических структурах, тогда как девербативы функционируют в неизосемических структурах с полувспомогательными глаголами.

В результате двоякой мотивации (именной и глагольной) формируются в истории русского языка омонимические суффиксы, обуславливающие поле вещи.

Л. М. Байдуж

Тюменский государственный университет

МОДУСНЫЕ НАРЕЧИЯ

1. Исследования семантической структуры простого предложения, активно проводящиеся в последние годы, позволили очертить круг смыслов, в пределах которого варьируется его «объективное» (диктум) и «субъективное» (модус) содержание (Ш. Балли). При этом в исследовании модуса наиболее содержательные результаты получены относительно значений, выражаемых в предложении вводными словами (см. особенно работы Е. С. Яковлевой). Тот факт, что в передаче «субъективных» смыслов участвуют и наречия, отмечал еще В. В. Виноградов, обращая внимание на различия в «наречном» и «модальном» употреблении слова *навверняка* (ср., с одной стороны, *бить навверняка, действовать навверняка* и, с другой, *навверняка ломает*), а также слов *решительно, определенно*. В исследованиях последних лет отмечено наличие в русском языке «сентенциальных наречий» — детерминантов, т. е. обстоятельств, относящихся ко всему предложению, не являющихся «компонентом пропозиции предложения», а представляющих собой «самостоятельную, свернутую пропозицию» (Е. Л. Рудницкая). Наряду с обстоятельствами места и времени, к ним отнесены оценочные, явно

модусные: *опрометчиво, легкомысленно, правильно, неосторожно, неосмотрительно, благоразумно, предусмотрительно*, выражающие «обдуманность/необдуманность поступка», отличающиеся от соответствующих обстоятельств образа действия тем, что выражаемое ими содержание может быть передано предложением с «и это»: *Я опрометчиво пообещал достать им билеты — Я пообещал достать им билеты. И это было опрометчиво.*

Однако совершенно очевидно, что круг «модусных наречий» гораздо шире (см., например, значения, выражаемые словами *обязательно, непременно* и т. п., а также *справедливо, резонно, ошибочно, напрасно* и многие другие). В связи с этим несомненна актуальность задачи выделения всех модусных наречий, построение типологии выражаемых ими смыслов, соотнесение этих смыслов с теми, которые передаются вводными совами, и т. д.

2. Среди основных смыслов, выражаемых модусными наречиями, следует назвать персуазивность (*Мой стул определенно тяжелее*), положительную и отрицательную оценки (*Бендер позорно назвал ферзя королевой*), согласие/несогласие с точкой зрения оппонента (*Автор справедливо указывал, что...*). Модусные наречия могут также характеризовать речевое оформление высказывания, сообщать об обычности происходящего и т. д.

3. Смыслы, выражаемые модусными наречиями (особенно персуазивный и оценочный), в ряде случаев соотносительны с теми, которые передаются в составном глагольном сказуемом, а также некоторыми определениями (*явный, неизбежный* и т. п.), и рассмотрение подобных параллелей также составляет актуальную задачу исследований категорий модуса.

М. Н. Золотарева

Уральский государственный университет

АБСОЛЮТНО НОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА

Русский язык перестроечного и постперестроечного периода характеризуется высокой неогенностью. Отличительной чертой современных неологизмов является то, что многие из них появляются не поодиночке, а целыми группами однокоренных слов. Это обусловлено актуализацией в обществе того или иного концепта (денотата, понятия, ассоциации и т. п.), связанного в сознании носителей языка с данным корнем.

Современные неологизмы, кроме пополнения узуальных словообразовательных гнезд (СГ), могут образовывать совершенно новые СГ, которые не были зафиксированы ранее в современном русском языке. При этом производные неологизмов, по нашим наблю-

дениям, организуют различные по структуре СГ: одно-, двух-, трех- и четырехступенчатые. Все эти гнезда неодинаковы, во-первых, по количеству входящих в них слов-неологизмов, во-вторых, по структуре.

Объем абсолютно новых СГ, по нашим наблюдениям, колеблется в пределах от 2 до 8 слов (*имидж* → *имидж-мейкер*; *СНГ* → *эсэнговия*, *эсэнговский*, *эсэнгевский*, *эсэнгешный*, *эсэнговнята*, *эсэнговец*, *эсэнговка*). Большинство таких СГ состоит из 3-4 слов (*хит* → *хит-парад*, *хитовый*; *СПИД* → *спидоносец*, *спидофобия*, *СПИД-ИНФО*).

Проанализированным нами абсолютно новым СГ свойственны следующие структуры:

1) элементарные, равные словообразовательной паре (*маркетинг* → *маркетинговый*; *шейпинг* → *шейпинговый*);

2) веерные (*СПИД* → *спидоносец*, *спидофобия*, *СПИД-ИНФО*; *хит* → *хит-парад*, *хитовый*);

3) комплексные, представляющие собой комбинации вееров и цепочек, исходящих из вершины-неологизма (*спонсор* → *спонсорский*, *спонсировать* → *спонсирование*, *спонсорство*; *ваучер* → *до-ваучерный*, *ваучеризировать* → *ваучеризация* → *волчеризация*, *паучеризация* → *паучеризатор*).

Примечательно, что в абсолютно новых словообразовательных гнездах не встретились гнезда, строение которых аналогично словообразовательной цепочке (хотя это, возможно, обусловлено неполным охватом современного материала).

В. П. Изотов

Орловский государственный педагогический университет

К ОПИСАНИЮ СИСТЕМЫ НЕУЗУАЛЬНЫХ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Система неузуальных способов русского словообразования отсутствует. Предлагается следующая схема ее описания.

1. Характеристика способов по окказиональности/потенциальности. Окказиональными будут способы, занимающие периферию словообразовательной системы, ненормативные, слабо актуализированные в языке. Прежде всего, это контаминация, субституция, редеривация, эмансипация аффикса или фонемы и др.

Потенциальными являются способы, представляющие собой комбинацию любых других способов (префиксально-суффиксальный, префиксально-сложносуффиксальный, контаминационно-суффиксальный и т.д.), а также окказиональные разновидности нормативных (узуальных) способов (гендиадис — разновидность сложения, заключающаяся в том, что компоненты сложного слова рифмуют-

ся; голофразис — разновидность слияния, при которой новое слово создается на базе целых предложений).

2. Место способа в уровневой организации словообразования. Словообразование, являясь подуровнем языковой системы, в свою очередь представляет упорядоченную систему. В зависимости от того, единицы какого уровня задействованы в конкретном способе, следует говорить о фонетических способах (элиминирование, аугментация), графических (транслитерация, нарочитое выделение сегмента слова), морфологических (субституция и тмезис в тех своих разновидностях, которые реализуются через морфемы), лексические (словообразовательный повтор, гендиадис), синтаксические (голофразис), семантические (асемия, пансемия, синсемия). Кроме того, существуют смешанные способы, такие, как фонетико-синтаксические (контаминация и смежные явления).

3. Синтагматичность. Большая часть способов направлена на увеличение производящей базы. Такие способы можно считать синтагматичными (сюда можно отнести гендиадис, голофразис, контаминацию и т.д.). Другие способы суть уменьшение производящей базы, (следовательно, их можно считать антисинтагматичными. Прежде всего, это редеривация и элиминирование. Наконец, существуют неузальные способы, при которых не происходит увеличение или сокращение производящей базы. Их следует считать нуль-синтагматичными (асинтагматичными). Сюда относятся все разновидности субституции и переходов.

4. Комбинированность. Узальные способы, также, как и узальные, предстают в чистом или комбинированном виде. Количество реально существующих комбинаций способов достаточно велико (по нашим подсчетам, около 100). Есть весьма незначительное число запретов на комбинирование способов, так что возможность появления новых смешанных способов достаточно велика.

5. Узальные способы представляют собой пограничную зону между нормативными способами и способами, еще нереализованными словообразовательной системой. Отсюда возникает такая плоскость описания, как гипотетичность, вероятностность способа словообразования. Одни узальные способы представлены достаточно большим количеством примеров (контаминация, субституция, редеривация), другие — единичными случаями (одновременная эмансипация приставки и суффикса в слове *антиизмы*, начальное и конечное усечение в комбинации с контаминацией и слиянием в слове *крохей*), третьи располагаются между этими полюсами. Вместе с тем есть такие способы, которые реализованы только в сфере квазиокказионализмов, т.е. по этим способам не создано ни одного существующего (пусть даже и окказионально!) слова — способы эти

функционируют только в метатекстах, связанных с вероятностным словообразованием, или не функционируют вовсе. Вероятностны весьма многие комбинации способов, вероятностны различные разновидности невузальных способов — об этом нам уже приходилось писать в серии статей и в монографии «Вероятностное словообразование».

Учет этих признаков позволит более точно описать любой невузальный способ или его разновидность, четче указать его место в системе, дать более адекватное определение. Так, например, транс-префиксация в свете указанных признаков может быть описана следующим образом: транспрефиксация — окказиональный морфологический нульсинтагматический некомбинированный реально-продуктивный способ, заключающийся в замене приставки приставкой. Подобного рода дефиниции достаточно лаконичны и точно адресованы.

Естественно, пять предложенных плоскостей описания ненормативных способов русского словообразования могут быть дополнены какими-либо другими, однако нам их отыскать не удалось.

Таким образом, систематизация невузальных способов является одним из перспективнейших направлений в словообразовании.

О. Е. Мелкозерова

РОЛЬ ПРЕФИКСА В ФОРМИРОВАНИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ПОЛИСЕМИИ

Вопрос о роли префикса в формировании полисемии производного глагола в современной русистике изучен еще явно недостаточно: основное внимание исследователи уделяли степени влияния значения префикса на семантику содержащего его слова, модификационным или мутационным процессам, происходящим при соединении префикса с мотивирующей основой. Поэтому представляется целесообразным определить условия возникновения словообразовательной полисемии мотивата и ее удельного веса у разных групп производных.

Мы пытались проанализировать пути формирования полисемии 24 самых частотных глаголов современного русского языка. В целом они обладают более чем 400-ми значениями, 279 из которых являются результатом отраженной полисемии (53,5%), 120 — результатом самостоятельного семантического развития деривата (30,5%) и лишь 45 ЛСВ обусловлены неоднократным присоединением многозначного аффикса к одному и тому же производящему (16%).

Анализ различных многозначных приставок показал, что наиболее часто словообразовательная полисемия возникает при присоединении к глаголу префиксов *по-* и *про-*, наименее часто — при использовании префиксов *у-* и *при-*.

Возможность создания полисемантов, многозначность которых

имеет деривационный источник, обусловлена характером значения как деривационного префикса, так и глагола-мотиватора. Первое ярко проявилось при анализе глаголов, образованных от глаголов однонаправленного и разнонаправленного движения, а также глаголов субъектного и объектного перемещения: второе — при рассмотрении префиксов с лексико-грамматическим (акционсартным) или лексико-словообразовательным значением.

И. К. Миронова

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО КОРНЯ
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАГЛОВ С КОРНЕМ *-вар-* И *-пек-/печ-*)**

В настоящее время проблема семантического варьирования корня является достаточно актуальной. Для ее решения представляется целесообразным провести анализ семантического варьирования корневой морфемы не только в рамках содержащего его непроеизводного слова, но и в пределах образованных от него дериватов, составляющих возглавляемое словом-симплексом словообразовательное гнездо (СГ).

Мы попытались решить эту проблему, рассмотрев семантику глаголов с корнями *-вар-* (СГ с вершиной *варить*) и *-пек-/печ-* (СГ с вершиной *печь*). Эти непроеизводные глаголы, как все симплексы, склонны к семантическому варьированию и мотивируют значительный по объему глагольный блок. Это делает их удобным объектом для определения границ свойственного им семантического «разброса» — пределов семантического варьирования.

Исследование глаголов с корнями *-вар-* и *-пек-/печ-* показало, что эти непроеизводные единицы минимально многозначны: глагол *варить* обладает двумя значениями: «приготавливать пищу, питье кипячением» и «производить сварку металлических предметов и их частей»: глагол *печь* — тремя: «приготавливать пищу сухим нагреванием на жару», «обдавать жаром, зноем, палить», «о чувстве жжения, сильного жара». Поэтому в сознании носителей языка основными категориально-лексическими семами (КЛС), манифестируемыми корнем *-вар-*, являются КЛС приготовления пищи и соединения чего-либо: основными КЛС корня *-пек-/печ-* — КЛС приготовления пищи, отрицательного воздействия на объект и физиологического состояния. Но эти семы, по нашим наблюдениям, не являются доминирующими в семантическом пространстве, охватываемом глаголами, содержащими такие корни. Так, корень *-вар-* манифестирует основные КЛС лишь в 35 ЛСВ из 185, свойственных глаголам данного СГ: корень *-пек-* — в 45 ЛСВ из 125 значений глаголов с этим корнем.

В целом глаголы с корнем *-вар-* принадлежат к 19 ЛСГ и потому манифестируют 19 КЛС, а глаголы с корнем *-печ-* входят в 12 разных ЛСГ и манифестируют 12 КЛС. Часть этих КЛС передается не корневой, а деривационной морфемой.

К наиболее сильным КЛС, манифестируемым рассматриваемыми корнями, относятся КЛС качественного или количественного изменения признака предмета (102 ЛСВ в СГ *варить* и 52 ЛСВ в СГ *печь*) и приготовления пищи (соответственно 24 и 36 ЛСВ). Совпадают у этих двух групп глаголов также и КЛС «средней» силы: КЛС отрицательного воздействия на объект и соединения. Доминирование одинаковых КЛС в гнездах глаголов *варить* и *печь* вполне естественно, поскольку возглавляющие их глаголы семантически близки. Более значительный удельный вес КЛС качественного и количественного изменения признака (по сравнению с КЛС приготовления пищи) также легко объяснить: процесс приготовления пищи всегда сопровождается качественным изменением объекта. Эта глубинная связь разных действий, манифестируемых корнями глаголов приготовления пищи, явно проявилась на лексико-семантическом уровне языка.

О. В. Мищенко

Уральский государственный университет

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА *ЖИТЬ* И ЕГО ДЕРИВАТОВ: ПРОБЛЕМА ХРОНОТОПА

Учет семантики является необходимым компонентом исследования языкового материала при построении языковой картины мира. В данном сообщении рассматривается семантика глагола *жить* и его дериватов (как в литературном языке, так и в русских народных говорах) с точки зрения отражения в ней временных и пространственных представлений. Исследование базируется на компонентном анализе лексем. Сосуществование, соединение временной и пространственной маркированности лексемы *жить* позволяет говорить о хронотопе жизни в сознании носителей языка. В рамках хронотопа выявляются две основные языковые модели: «время жизни» и «жизненное пространство». Выбор модели зависит от установки говорящего. Модель «время жизни» отражает понимание процесса жизни как движения говорящего в пространстве времени от начала жизни к концу, т.е. модель отражает диахронное понимание жизни как жизни конкретного говорящего: *жизнь* — «время (целиком или частично) от рождения до смерти живого существа», *доживать* — «достигать известного возраста, срока, обстоятельства, случая» и т. п. Модель «жизненное пространство» ориентирует-

ся на понимание процесса жизни как пребывание в действительности и динамику отношений между говорящими: *жить* — «вести тот или иной образ жизни, находиться в тех или иных условиях существования», *живой* — «настоящий, подлинный, существующий в действительности», *жить* — «содержать себя, добывать средства к жизни» и т. п.

Модель «время жизни» характеризуется следующими представлениями о хронотопе жизни:

- время воспринимается как особый тип пространства, по которому движется говорящий в процессе жизни: *доживать* — «достигать известного возраста, срока», *проживать* — «быть живым, обладающим жизнью в течение какого-л. промежутка времени» и т. п.;

- важной характеристикой времени является наполняемость, конституируемость событиями: *жизнь* — «совокупность всего испытанного, узнанного на собственном опыте, созданного человеком, всех его поступков и действий» и т. п.;

- для говорящего характерна ориентация на прошлое как на истинное, правильное и нормативное; настоящее строится как похожее на прошлое: *жить* — «сохраняться, продолжать существовать в прежнем состоянии, не изменяясь в течение какого-л. времени», *жизнь* — «жизненный уклад, установленные нормы в характере существования, воспринимаемые как обыкновенные, заурядные, постоянное, как *живет* — «как принято у кого-л.» и т. п.;

- время говорящим воспринимается как непрерывное и однородное, если говорящий ориентируется на настоящий момент (*оживаться* — «постепенно привыкать к чему-л. новому, осваиваться с чем-л.» и т. п.) и как дискретное, если взгляд говорящего расширяется, «объективируется» (*надживать* — «жить где-л. дольше, чем было условлено, чем предполагалось» и т. п.).

«Жизненное пространство» строится как действительность, в которой пребывает говорящий, обладающий своей личной сферой. Пространство может оцениваться им как «свое» и «чужое»: *оживаться* — «постепенно привыкать к чему-л. новому, осваиваться с чем-л. и т. п. Границы личной сферы говорящего относительно. Она может сужаться и расширяться. Говорящий стремится к расширению, «захвату» жизненного пространства: *заживать* — «накапливать, приобретать», *наживать* — «жить», *выживать* — «не давать жить кому-л. где-л., изгонять откуда-л. и т. п. Для «своего» жизненного пространства говорящего выделяются следующие признаки:

- закрытость, целостность: *гоить* — «устраивать, восстанавливать, чинить; заделывать, замазывать», «защищать, ограждать, хранить в целостности» и т. п.;

- наполненность: *нежить* «пустое место» и т. п.;
- стремление к состоянию нормы: *заживать* — «срастаться краями, приходить к здоровому (т. е. нормальному) состоянию (о ране)» и т. п.

А. В. Никитевич

ПРЕФИКСАЦИЯ И АНАЛИТИЗМ В СИСТЕМЕ ВИДООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛА

Исследование системы средств выражения видовой семантики делало не раз предметом специального рассмотрения специфику и роль глагольных префиксов в организации видовых противопоставлений. Лексичность большинства из них, неспособность служить чистовидовым средством перевода в другой грамматический класс — все это, отчасти, явилось основанием для выделения одновидовых глаголов, пристального внимания к способам глагольного действия.

Подход к глаголу как категории предикатных единиц провел в свое время к изучению целой группы аналитических номинаций типа *чувствовать радость* (страх, тревогу), *испытывать омерзение* (отвращение, разочарование). Рассматривая данные сочетания как своеобразную проекцию имен в глагол, выявляя степень их семантической соотносительности с соответствующими глаголами (ср.: *чувствовать тревогу* — *тревожиться*, *испытывать разочарование* — *разочаровываться*), ученые пришли к выводу, что в подобных глагольно-именных сочетаниях перифрастически выражена та информация, которая заключена в глаголе. В частности, обращается внимание на тот факт, что вербализаторы (*чувствовать, испытывать, проявлять...*) являются средоточием грамматической информации в данных аналитических единицах.

Более общее и зачастую недифференцированное представление о транспозиции предикатных имен в глагол может и должно быть конкретизировано: какие грамматические линии глагольного слова актуализируются при подобной транспозиции и как это связано с традиционным, морфологическим выражением данных категорий? Исследования в данном, собственно грамматическом аспекте необходимы, если принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, существует значительное число сочетаний, не имеющих параллельных однословных соответствий (ср.: *испытывать неприязнь, чувствовать омерзение*) и, следовательно, являющихся исключительно аналитическим способом представления глагольных номинаций. Во-вторых, целому ряду сочетаний с вербализаторами соответствуют глаголы, не имеющие коррелятивной пары по виду (ср.: *упорствовать* — *проявлять упорство, восторгаться* —

выражать восторг, сомневаться — испытывать сомнение). В отличие от большинства глагольных префиксов вербализаторы способны организовать дифференциацию по виду, а следовательно, восполнить морфологическую недостаточность одновидового глагола (ср.: *проявить упорство, выразить восторг, испытать сомнение*).

Аналитизм в организации кардинальных оппозиций в системе русского глагола требует всестороннего исследования.

Е. В. Огольцева

Новгородский государственный университет

ДЕРИВАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ

1. Внутренняя форма (далее ВФ) рассматривается в современной семасиологии как обязательный компонент слова-знака, указывающий на мотивированную связь его звучания с определенным значением (Н. Г. Каплев). Подобные трактовки ВФ слова восходят к исследованиям А. А. Потебни, который различал в каждом слове внешнюю форму (средства воплощения способа наименования); содержание, объективируемое посредством звука; внутреннюю форму (тот способ, которым выражается содержание).

2. Понятие ВФ слова было введено А. А. Потебней на основе понятия внутренней формы языка — категории более широкой и сложной. Деятельность любого языка протекает в индивидуальной — внутренней — форме, обусловленной национальным характером носителей данного языка. Поэтому языковая внутренняя форма — это проявление народного духа, «в смысле сознательной умственной деятельности» (В.-Ф. Гумбольдт). ВФ языка обуславливает использование данным языком именно таких, а не иных средств для выражения мысли. Применительно к слову языковая внутренняя форма манифестируется в использовании именно этого, а не иного образа (представления) как базового признака для формирования понятия.

3. ВФ слова имеет два основных проявления: 1) В *непроизводном* слове ВФ проявляется в виде мотивированной связи между исходным (прямым) и переносным значением: *шапка* — головной убор; *шапка* — заголовочная часть статьи (метафора). При этом прямое значение оказывается лишенным внутренней формы. 2) В *производном* слове ВФ является компонентом всех его значений, так как здесь она замкнута в словообразовательной структуре и проявляется в виде деривационного (словообразовательного) значения. Исходное же значение слова здесь представлено не прямым

значением данной лексемы, а лексическим значением производящего слова.

4. Деривационное значение (далее ДЗ) является неотъемлемым компонентом семантической структуры производного слова. Оно представляет собой результат семантического взаимодействия образующих слово морфем — мотивирующей основы и аффикса (-ов). Такое толкование ДЗ актуально как для собственно аффиксальных дериватов, так и для производных, образованных сложением: *на-рукавник* — «некто (нечто), характеризующий (-ее)ся положением на рукаве (-ах); *пароход* — некто (нечто), характеризующий(-ее)ся движением, которое связано с паром».

5. Актуальной проблемой теории словообразования является исследование отношения ДЗ к другим компонентам семантической структуры производного слова, прежде всего, его взаимодействия со значением лексическим. Существо этого взаимодействия состоит в том, что ДЗ является базой формирования лексического значения; последнее, как правило, формируется в результате последовательного сужения, ограничения семантического диапазона, заданного ДЗ. Для слова *пароход* такими «ограничительными» семемами являются: 1) предмет; 2) вид транспорта; 3) служащий для передвижения только по воде; 4) передвижение осуществляется силой пара. Эти ограничения завершают преобразование потенциальной номинации в реальную: «наименование предмета, вида транспорта, передвижение которого осуществляется силой пара», или «судно с паровым двигателем» (СРЯ).

6. Базовая функция деривационного компонента в формировании лексического значения слова предопределяет желательность (а во многих случаях и обязательность) отражения внутренней формы в лексикографической практике. Такой подход к толкованию дериватов особенно актуален для обучения русскому языку иностранных учащихся. ВФ как проявление национальной самобытности языка — наиболее трудная и в то же время наиболее важная область усвоения чужого языка. Она оказывается практически недоступной при искусственной маскировке в словарях. Например, из определения слова *быковатый* — «угрюмый, смотрящий исподлобья» иностранец не сможет уяснить, что семантика данной единицы построена на образе быка, а дефиниция слова *шаркун* — «пустой, светский человек, обладающий лишь внешним лоском и изысканностью манер» (МАС) не даст ему представления о действии *шаркать*, положенном в основу наименования лица.

Таким образом, ДЗ может быть рассмотрено как разновидность проявления внутренней формы языка, поскольку оно отражает способ обозначения предметов, а следовательно, и способ «видения» их.

При более глубоком анализе рассматриваемого понятия, в представлении о ВФ входит и отношение мотивации между деривационным и лексическим значениями.

В. Н. Рябов

Кубанский государственный университет

КОМПАРАТИВЫ И КРАТКИЕ ФОРМЫ КАК СПОСОБ ЭЛИМИНИРОВАНИЯ ИНТРАЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В «Грамматическом словаре русского языка. Словоизменение» А. А. Зализняка (М., 1977) зафиксировано 3877 прилагательных, у которых нет и не может быть форм сравнительной степени (ФСС). Как правило, эту характеристику сопровождает и анализ их кратких форм (КФ). Прилагательных, у которых одновременно отсутствует и ФСС, и КФ, всего одно — слово *господний*. Однако жесткую зависимость между отсутствием ФСС и образованием КФ выводить не следует. Отсутствие ФСС не препятствует в большинстве случаев, хотя затруднительному, предположительному, образованию КФ. В нашей картотеке таких примеров 3433. В основном это так называемые относительные прилагательные. Так называемые потому, что «устойчивое стремление к дифференциации качественных и относительных прилагательных» представляется проблемой «надуманной и искусственной», которая еще «и не имеет практического значения» (Г. А. Ушаков). Основу этих слов составляют прилагательные на *-ский* (3203 единицы).

КФ от таких слов вряд ли следует считать чем-то исключительным, хотя они встречаются не часто, ибо текст должен быть достаточно специфичен, чтобы эти формы в нем появились. Однако переосмысления семантики прилагательных, наделение их в результате таких переосмыслений дополнительными качественными характеристиками совсем не обязательны. Ср.: *Район этот уже давно приобск* (от *приобский*) и *Она три года жила в Норвегии и сейчас во всем скандинавска* (от *скандинавский*). Качественных сем в семантике относительных прилагательных *приобский* и *скандинавский* оказывается достаточно чтобы без переосмыслений образовались от них КФ, которые не шокировали бы. Другое дело, что этих сем не хватает, чтобы образовывать от прилагательных *приобский*, *скандинавский* и других ФСС.

Не хватает в том смысле, что морфонологические препятствия здесь оказываются решающими. В самом деле, ведь представить ситуацию, когда одну сторону называют *более скандинавской* (*скандинавсчее*), чем другую, потому, скажем, что она занимает большую часть Скандинавии или по каким-либо другим причинам, не

сложно. Однако как нужно коверкать язык, чтобы произносить слова типа *скандинавсчсе*. Иначе говоря, несмотря на то, что семантическая потребность в таких словах может быть, нежелание коверкать язык исключает их из числа допустимых. Что касается КФ от подобных прилагательных, то они не намного благозвучнее, чем ФСС. Но мы от них не отказываемся и не в последнюю очередь потому, что им есть поддержка со стороны омонимических собственных существительных типа *Новочеркасск, Невинномысск, Буденовск, Комсомольск* и т. Д. Имеется в виду, что в сравнении с этими существительными неблагозвучие КФ прилагательных не становится столь заметным, чтобы их избегать вообще.

Таким образом, КФ в отличие от ФСС проникает и в устную и в письменную речь, несмотря на серьезные морфонологические препятствия. Это случается еще и по той причине, что адекватную синонимичную замену в предложении им подыскать нелегко. К примеру, предложения *Район этот уже давно приобск* и *Район этот уже давно приобский* вряд ли можно относить не то что к тождественным, но и к просто синонимичным. Если бы нужно было отвечать на вопрос, какой из двух районов является более приобским, мы бы ответили — второй. Именно КФ прилагательного привносит в семантику предложения значение некой неопределенности, недосказанности. В самом деле, если район *приобск*, то неясно, в какой мере и в какой своей части, хотя и давно он является *приобским*. Как и всегда в таких случаях, приходится решать «вопрос о том, совместимо ли то или иное семантическое различие в формах с единством слова или оно нарушает это единство» (Ю. Д. Апресян). Каждое из полных прилагательных на *-ский* имеет по четыре незаполненных краткими формами (м., ж., ср. р. ед. и мн. ч.) или какими-либо другими образованиями в их функции лакуны. Общее количество таких лакун от прилагательных на *-ский* равняется 12812. Способ же их удаления выбирается самым говорящим или пишущим в зависимости от возможностей создаваемого ими текста.

Д. Р. Шарафутдинов

Уральский государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Рассмотрение семантической стороны преобразований при синтаксической деривации показывает, что понятия лексемы (слова как носителя одновременно и лексических и грамматических значений; слова как парадигмы — совокупности словоформы и конкретных смысловых вариантов) и лексической единицы (слова как носителя отдельного, частного лексического значения, лексико-семантичес-

кого варианта: слово-значения) принципиально не совпадают, не покрывают друг друга полностью. В традиционном понимании лексема и лексическая единица — сущности неоднородные; они соотносятся между собой как целое и частное, абстрактное и конкретное соответственно. «Формальное единство лексемы обеспечивается единством словоизменительной основы ее словоформ, принадлежностью к определенной части речи (единством так называемого категориального значения), принадлежностью к определенному словоизменительному типу, а смысловое единство — семантической связью между отдельными лексико-семантическими вариантами одной лексемы (т. е. минимальными лексическими единицами. — Д. Ш.)» (Т. В. Булыгина, С. А. Крылов).

В случае синтаксической деривации члены словообразовательной пары представляют одну лексическую единицу (лексический компонент значения производного эквивалентен лексическому компоненту значения производящего), но вместе с тем, по определению, являются разными лексемами, а не словоформами одной и той же лексемы в силумены категориального компонента значения производящего.

При этом если понимать под лексемой абстрактную комплексную языковую сущность, обладающую и лексическим, и грамматическим единством, а под лексической единицей — актуализованную языковую сущность, характеризующуюся только лексическим единством, то в рассматриваемом случае лексическая единица, по определению, существует безотносительно к границам отдельной лексемы: одна лексическая единица оказывается представленной разными лексемами (синтаксический дериват и его производящее). Можно даже утверждать, что данная лексическая (номинативная) единица выступает в различных частеречных ипостасях (= в комбинациях с различными грамматическими единицами). Таким образом, определение производного и производящего как отдельных, различных лексем осуществляется не по лексическому, а по сугубо грамматическому основанию.

В отличие от лексем, представляющих собой лексико-грамматические общности языковых единиц, лексические единицы — это только лексические классы языковых единиц, никак не регламентированные со стороны грамматики (подобно тому, как грамматические, например синтаксические, единицы в принципе допускают весьма разнообразное, широко варьирующееся лексическое наполнение). Собственно лексическими единицами являются лишь носители частных лексических значений (семем) производных и производящих, семантическое расстояние между которыми в случае синтаксической деривации равно нулю, поскольку речь идет, по словам проф.

И. А. Мельчука, только о формальном вложении одной знаковой единицы в другую при тождестве их значений. Именно эти слова-значения (лексико-семантические варианты) в словообразовании, в том числе в синтаксической транспозиции.

Различие между производящим и производным в случае синтаксической деривации носит характер, главным образом, не номинативный (экстралингвистический, связанный с фрагментами внешнего мира), а синтаксический (интролингвистический, связанный со средствами различных частей речи и, следовательно, различными синтаксическими функциями). Обе лексемы обозначают один и тот же феномен внеязыковой действительности, но принципиально по-разному представляют его в системе языка (например, при отглагольной синтаксической деривации — как процесс и как предмет), что получает четкое внешнее, формальное выражение. Значение основного классифицирующего синтаксического признака (категориально-грамматическая семантика) манифестируется соответствующими специфическими формальными средствами — суффиксами.

Г. М. Шипицина

Каменец-Подольский педагогический институт

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ В ИНТЕГРАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Осмысление причин идиоматичности значения производного слова является одной из таких проблем, которые требуют систематизации разнородных и разноуровневых фактов и создания целостной теории интегрального характера.

В работах ведущих дериватологов названо множество источников идиоматичности значения производного слова.

С позиций семантической дериватологии:

1. Особенности мотивирующей базы — специфика феноменов объективной действительности, отражаемых в лексическом значении мотивирующих слов (И. Г. Милославский); тип лексического значения — прямое или переносное (В. В. Лопатин), основное или неосновное (А. Н. Тихонов), парадигматическое или синтагматическое (Л. А. Быкова); стилистические особенности мотивирующего слова (В. В. Лопатин), особенности словообразовательной структуры производящей основы и ее морфемного строения, в частности количество ее образующих морфем (И. Г. Милославский).

2. Особенности форманта — инвариантное, неопределенное или общекатегориальное значение форманта (И. Г. Милославский).

3. Механизм словопроизводства — некоторая часть значения производного слова создается самим фактом соединения морфем в

слово (Н. А. Янко-Триницкая). Взаимодействие разных типов и моделей словообразования между разрядами слов, а также в закономерностях сочетаемости морфем (И. С. Улукханов, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, А. Н. Тихонов, а также И. И. Щеболева).

4. Тип мотивации — мотивация производного комплексным наименованием, описательным выражением, синтаксической конструкцией, целым суждением или широким контекстом (Е. С. Кубрякова, Е. Л. Гинзбург).

С позиций ономазиологии идиоматичность значения производного слова объясняется И. С. Торопцевым: значение слова рождается на базе познания действительности, отраженного в сознании человека в его внутренней речи в виде описательного оборота, до рождения слова; роль языковой мотивации в механизме словопроизводства заключается только в построении звуковой оболочки для слова.

На наш взгляд, основная причина идиоматичности значения производного слова заключается в чрезвычайной сложности структуры значения слова (как лексико-семантического варианта), состоящей из множества системно-связанных компонентов, которые отражают объективно существующие (реальные или приписываемые человеком) признаки денотата. Такие компоненты образуют семную структуру значения лексико-семантического варианта в результате взаимодействия и взаимосогласованности реальных и потенциальных сем, отражающих связи языка с мышлением, социальными сферами, личностью носителя языка, а также внутриязыковые парадигматические, синтагматические и эпидигматические (по Д. Н. Шмелеву) связи между словами в лексической системе языка. Среди таких сем — понятийные и категориальные, лексико-грамматические, архисемы лексического класса, интегральные и дифференциальные лексические семы, семантико-derivационные семы и мотивировочные семы от «внутренней формы», прагматические и субъективно-модальные, историко-культурные и национально-символические семы. Кроме того, производное слово образует свое значение не само по себе, а при воздействии мотивирующего лексического и формантного пространства, с которым так или иначе соприкасается его языковое содержание (Д. Н. Шмелев, Е. Л. Гинзбург).

Связывая причины идиоматичности значения производного слова с системой сем в смысловой структуре лексико-семантического варианта слова, приходим к таким соображениям: результаты усилий большей группы дериватологов, объясняющих идиоматичность значения производного слова лексическими и семантико-derivационными особенностями мотивирующего слова или оборота, касают-

ся только тех компонентов смысловой структуры, которые порождены мотивировочными связями слова во всем мотивировочном пространстве, включая все разновидности мотивации. Это содержательное наследие мотивировочной базы является лишь составной частью полной информации, заключенной в общей смысловой структуре слова, причем не самой главной для его семантики.

Мысль И. С. Торопцева о зависимости значения нового слова от особенностей отражения в сознании человека свойств действительности справедлива, но она касается только одной грани структуры значения — той, которая обусловлена отношением знака к денотату и отношением значения слова к понятию.

Попытки найти глобальную причину идиоматичности значения производного слова с позиций одного уровня языка не дают на этот вопрос исчерпывающего ответа, необходим учет всех внутриязыковых и внеязыковых связей и отношений слова, т. е. системный подход интегрального типа.

А. В. Цыганкова

Уральский государственный университет

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ ОТЗООНИМНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Русские отзоонимные прилагательные — лексико-грамматическая группа слов в составе ЛГР относительных прилагательных. Основной структурный признак, объединяющий рассматриваемые прилагательные, — их мотивированность зоонимами. Большая часть прилагательных данной группы (99,3%) образованы суффиксальным способом.

Специальный анализ показывает, что при образовании основ отзоонимных прилагательных используются притяжательные суффиксы (*-j-*, *-ин*), образующие наибольшее количество прилагательных (70,2% и 16%); относительные (*-н-*, *-ск-*) значительно реже встречаются (7% и 2,1%); качественные (*-ист-*, *-оват-*), образующие единичные примеры (0,7% и 0,5%).

Исследуемые прилагательные можно разделить на две разноразличные группы: 1) не имеющие аффикса *-ий* (2,3%), ср.: *воронов*; 2) имеющие аффикс *-ий* (97,7%), ср.: *медвежий*.

Прилагательные первой группы образуются от основ зоонимов с помощью суффиксов *-ов* (3) и *-ин* (4) и относятся к притяжательному типу склонения (*-ов*) и местоименному типу склонения (*-ин*). Продуктивность этой модели в образовании прилагательных от основ зоонимов, видимо, сдерживается наличием в языке модели на *-овый* и *-иный* (тогда как от основ одушевленных существительных

мужского рода, обозначающих лицо, и от имен собственных прилагательные без аффикса *-ий* образуются свободно и регулярно, ср.: *отцов, дядин, Иванов, Машин*). Две эти модели расходятся не только морфологически по отсутствию аффикса, но и семантико-стилистически: прилагательные без аффикса *-ий* обозначают отношение к единичному животному и используются в основном в художественной речи (сказках, баснях), как средство персонафикации животных — персонажей литературных произведений.

Вторая группа отзоонимных прилагательных является многочисленной (97,7%) и представлена различными словообразовательными моделями. Здесь выделяются две подгруппы: 1) прилагательные с материально-выраженными суффиксами (99,3%), ср.: *крысиный*; 2) прилагательные с нулевым суффиксом (0,7%), ср.: *свиной*.

Самая многочисленная группа отзоонимных прилагательных образована с помощью суффикса *-j-* (70%), выступающего в различных словах в виде различных морфов. Прилагательные с этим суффиксом могут иметь притяжательное значение (ср.: *рыбий плавник*), относительное значение «свойственный, присущий тому, кто назван мотивирующим словом» (ср.: *кошачий крик*), а также могут развивать качественные значения «такой, как у... напоминающий...» (ср.: *птичий нос*).

При образовании прилагательных от названий животных не существует строгих правил выбора суффикса, поэтому основы этих зоонимов служат производящими для нескольких прилагательных (ср.: *козлий — козловый, черепаший — черепаховый*). Тем не менее выявляются определенные закономерности различного характера в распределении суффиксов.

1. Наиболее древний краткий суффикс *-j-* сочетается в большинстве случаев с основами, имеющими два и более слога (ср.: *олений, пингвиний*). Эта тенденция имеет структурный характер.

2. Тенденция семантического характера проявляется в том, что при наличии нескольких прилагательных, образованных с помощью разных суффиксов от одного зоонима, за прилагательным с суффиксом *-ов-* обычно закрепляется относительное значение (*рачьа клешня — раковый суп*).

3. Тенденции стилистического характера определяют использование одних прилагательных как стилистически нейтральных (ср.: *бычий*), других же как стилистически окрашенных (ср.: *бычащий*).

Секция 3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФОРМАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е. А. Архипова

Санкт-Петербургский государственный университет

О РЕДУКЦИИ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В 1992 г. на кафедре фонетики филологического факультета СПбГУ Ю. Т. Байдаковой было проведено исследование под названием «Реализация звуковой системы в ситуации обучения неродному языку». В упомянутой работе определено, что длина слов русского языка при произнесении примерно одинакова. Следовательно, небезосновательным можно считать утверждение, что длинные слова при произнесении подвергаются редукции, а короткие «растягиваются». Общеизвестно, что гласные звуки русского языка при произнесении подвергаются количественной и качественной редукции. Возникает вопрос о редукции согласных и ее характере.

Следует отметить, что фонематически существенна только редукция потенциально долгих согласных, поскольку трудно предположить, что результатом сокращения согласного звука станет изменение его качества. При таком подходе материал исследования может быть ограничен словами, содержащими буквосочетания типа *тч, дч, тц, дц* и т.п., поскольку именно в таких словах длительность согласного существенна для восприятия и смысловоразличения (*оцепить — отцепить, почистить — подчистить* и т.п.).

В 1996 г. на кафедре фонетики СПбГУ была проведена подобная работа на материале слов русского языка, содержащих буквосочетания *тч, дч*. В ходе работы была рассмотрена зависимость произношения от следующих гипотетически влияющих на него факторов:

- частеречная принадлежность слова, содержащего исследуемую орфоэпическую трудность;
- характер морфемного шва, на котором возникают буквосочетания *тч, дч*;
- характер звука, следующего непосредственно за буквосочетаниями *тч, дч*;
- длина содержащего исследуемую орфоэпическую трудность слова (в слогах);
- положение буквосочетаний *тч, дч* относительно ударения.

Существенным для произношения и восприятия оказалось пол-

ожение консонантного комплекса, возникающего на месте буквосочетаний *тч*, *дч*, относительно ударения. Следует отметить, что характер морфемного шва, на котором возникает исследованный консонантный комплекс, первоначально был отмечен как гипотетически сильно влияющий на произношение, однако проведенный эксперимент показал, что непосредственной связи между длительностью консонантного комплекса и характером содержащего его морфемного шва не наблюдается.

Результаты проведенного исследования касаются как произношения долгого консонантного комплекса в русском языке, так и его восприятия. В результате работы были сделаны, в частности, следующие выводы.

Была определена тенденция к произношению консонантного комплекса до ударения как более долгого, после ударения — как более краткого. Можно привести следующие характерные примеры:

п/у		з/у	
ветчинный	163 мс	отчество	138 мс
подчинить	158 мс	клетчатый	138 мс
отчего	155 мс	летчик	94 мс

(при минимальной выявленной в ходе исследования длительности шипящей аффрикаты /ç/ 54 мс).

Аналогичным образом определилась корреляция между положением исследованного комплекса относительно ударения и восприятием его как долгого. Она может быть выражена следующим образом: согласный до ударения воспринимается как долгий в значительно большем количестве случаев, нежели согласный после ударения:

п/у		з/у	
отчего	55 %	отчество	24 %
ветчинный	40 %	клетчатый	19 %
подчинить	37 %	летчик	16 %

По результатам предпринятого исследования соотношения между инструментально определенной долгой согласной и восприятием ее как долгой можно сделать вывод о том, что опознание согласной, стоящей до ударения, в большей степени зависит от ее реальных характеристик, чем опознание согласной, стоящей после ударения.

На основании имеющихся данных можно сделать вывод о «редукции» согласных в положении перед ударением в зависимости от степени их удаленности от ударного слога: консонантный комплекс,

стоящий непосредственно перед ударением (составляющий с ударным гласным один слог) не подвергается «редукции», а по мере удаления от ударного слога процент восприятия комплекса как долгого уменьшается, и во втором предударном слоге он сравним с восприятием комплекса в положении за ударением.

Таким образом, на основании имеющихся данных можно сделать вывод, что произношение консонантного комплекса на месте буквосочетаний *тч*, *дч* в русском языке зависит от его положения по отношению к ударению, причем при положениях консонантного комплекса до ударения длительность согласного существенна для восприятия.

Был составлен примерный список существующих в русском языке паронимов слов, составляющих основу экспериментального текста. Большинство паронимов являются парными по отношению к словам, в которых исследуемый консонантный комплекс занимает положение до ударения. Представляется возможным предположить, что в ряде случаев лишь длительность консонантного комплекса (по сравнению с длительностью согласного в парониме) будет играть смысловозначительную роль (*подчинить* — *починить*, *отчудить* — *очутиться*, *отчищать* — *очищать* и т.п.).

Проведенное экспериментальное исследование позволяет предположить наличие в русской речи такой важной фонетической особенности, как редукция согласных звуков.

Н. В. Багичева

Уральский государственный педагогический университет

РЕГУЛЯРНОЕ СЕМНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ РОДСТВА

Семное варьирование существительных со значением родства имеет две основные разновидности. В одних случаях акцентируются категориальная сема «родство» и дифференциальные признаки слова («кровное родство», «пол», «поколение» и т. п.), а в других — ассоциативные признаки («самое дорогое, святое в жизни каждого человека», «забота, опека, помощь» и т. п.), причем актуализация дифференциальных признаков в подавляющем большинстве случаев связана с параллельным акцентированием ассоциативных признаков.

При классификации закономерностей акцентирования компонентов лексической семантики обнаруживаются следующие модели семного варьирования:

1. Актуализация ядра в целом. Это типовое словоупотребление с наиболее широкой семантической базой: подобным образом способ-

ны использоваться все рассмотренные существительные со значением родства.

2. Актуализация категориального признака «родство» с возможным ослаблением отдельных дифференциальных признаков. При таком словоупотреблении на первый план выходит наличие родственных связей между людьми, причем иногда не так уж важна конкретная степень родства. Ср.: — *Она вроде бы твоя родственница?* — *Кто, Наталья?* — *очнулся Иванов.* — *Ну да. Бывшая жена Зуева, а тот — брат мой бывшей и настоящей жены* (В. Белов).

По особому варианту происходит актуализация семы «родство» у слов *жена* и *муж*. Здесь обычно противопоставляются официально оформленные и официально не оформленные отношения: *жена* — *любовница*, *жена* — *сожительница*, *жена* — *невеста*.

3. Актуализация дифференциальных признаков «кровное родство» — «родство по супружеству» — «юридическое родство» — «родство по крещению». При таком словоупотреблении на первый план выходит противопоставление родственных и свойственных связей. По характеру охватываемых слов и виду противопоставляемых сем модель имеет несколько вариантов: противопоставление кровного и юридического родства, противопоставление кровного родства и родства по супружеству, противопоставление родства по крещению всем остальным видам родства.

4. Актуализация дифференциального признака «пол». Актуализация названного признака почти всегда связана с одновременным акцентированием ассоциативных признаков: *сын*, как правило, «наследник», «продолжатель рода»; *дочь* — «заботящаяся», «опекающая престарелых родителей» и т. п. Ср.: *Вот за мной мой Максим ходить в старости не будет. Это надо дочь!* (Л. Петрушевская).

5. Актуализация дифференциального признака «поколение». При использовании слов по этой модели велика роль ситуации. Ср.: *Профессору было бы лучше, если б он не начинал разговор о женах. Раз в неделю его навещала супруга, совсем молодая женщина, и артист не упускал случая подшуутить: то ее называл он дочкой, то его называл тятей* (В. Белов). Акцентирование признаков «младшее поколение», «старшее поколение» позволяет герою подчеркнуть слишком значительные, по его мнению, возрастные различия супругов.

6. Актуализация дифференциальных признаков «прямая линия» — «боковая линия». Последний признак актуализируется обычно в ситуациях, где линия родства имеет принципиальное значение, например в делах о наследстве. Ср.: *Ведь он стал соперником! Опасность, правда, невелика; пожалуй, сомнительна, не прямой ро-*

дственник Аграфены, а племянник, но ведь чем черт не шутит? (Ю. Трифонов).

Модели речевого варьирования, основанные на актуализации ассоциативных признаков, по характеру акцентированных признаков можно разделить на две большие группы.

Первая группа моделей основывается на актуализации ассоциативных признаков («самое необходимое в жизни человека», «самый родной человек», «самое дорогое для каждого человека» и охватывает максимальное количество лексических единиц рассматриваемой семантики. Ср.: *Если бы была жива моя мама!.. Нет, вы не думайте! Тетя Наташа, Олина мама, все-все для меня делает! И все-таки... Как бы я с ней поговорила, с моей мамой!* (Г. Бокарев). Актуализируется ассоциативный признак «самый близкий человек» в его варианте «близость матери к детям, особенно к дочери».

Вторая группа объединяет сходные по значению модели с актуализацией ассоциативных признаков «забота», «опека», «защита», «помощь». Семантическая база таких моделей включает терминологию только кровного родства. Ср.: — *А я его отцом не считаю! — вдруг взвизгнул Драма. — Ты забыл, что у нас разные фамилии? Напомнить, почему?! А потому, что он мою мать, кстати, и твою тоже, беременной из дома выгнал.* (Е. Бугров). Как видим, сын не считает родного отца отцом, потому что на первое место ставит не «биологические», а ассоциативные признаки («забота о жене, детях»).

Проведенное исследование показывает новые возможности функционального анализа семантики терминов родства и позволяет увидеть строгую систему в бесконечном многообразии реальных модификаций их семантики.

Н. В. Богданова

Санкт-Петербургский государственный университет

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ РУСИСТИКИ

Отличительной чертой современной лингвистики является повышенный интерес к прикладным ее сторонам, к различным возможностям практического использования результатов лингвистических исследований. Применительно к фонетике принято говорить о прикладном значении всех трех ее аспектов — артикуляторного, акустического и перцептивного. Так, на данных артикуляторной фонетики базируются такие прикладные отрасли, как логопедия, нейрофизиология, лингводидактика (в частности, постановка произно-

шения в иностранной аудитории), дублирование или озвучивание фильмов; на данных акустической фонетики — решение проблем автоматического синтеза и распознавания речи, а также совершенствование разнообразных средств связи; на данных перцептивной фонетики — решение разного рода проблем преподавания языка в той или иной аудитории. При этом значительная часть упомянутых проблем может быть решена только при всестороннем экспериментально-фонетическом исследовании соответствующих фонетических (точнее — орфоэпических) задач. Так, без специального исследования невозможно выбрать один из ряда орфоэпических вариантов того или иного слова (*дождь* — /do'š:/ или /do'št'?) и даже зачастую выявить саму эту орфоэпическую вариативность.

В целях решения всех этих многочисленных прикладных задач современной фонетики в СПбГУ в течение уже ряда лет проводится большая исследовательская работа. В докладе приводится полный перечень орфоэпических проблем, которые решаются экспериментальным путем и без решения которых не может успешно развиваться прикладная фонетика, а также приводятся конкретные результаты ряда исследований.

Одной из таких насущных орфоэпических проблем можно считать решение вопроса о результатах разного рода ассимилятивных процессов в русской речи. Известно, что некоторые согласные, оказываясь рядом в потоке речи, с неизбежностью ассимилируют друг с другом, либо уподобляясь один другому (/t/ + /ç/ = /ç/ в *отчитать*, /t/ + /c/ = /c/ в *отцепить*), либо порождая новое по качеству звучание, не совпадающее ни с одним из участников ассимиляции (/s/ + /ç/ = /š:'/ в *расчислить*, /t/ + /s/ = /c/ в *отсадить*). Давно описаны в фонетической литературе и артикуляторный механизм такого рода процессов, и условия возникновения ассимиляции, и даже возможные его результаты. Однако в прикладных целях — будь то, например, автоматические системы транскрибирования, синтеза или распознавания речи — недостаточно вывода о том, что, скажем, сочетание смычного взрывного с аффрикатой дает в потоке речи аффрикату большей или меньшей длительности. Важна сама эта длительность консонантного комплекса. Вопрос о ней не праздный, поскольку длительность звуков в русском языке фонематического значения не имеет и на фонемном уровне долгое звучание должно интерпретироваться как бифонемное сочетание, а краткое — как монофонема. Таким образом, вопрос сводится к тому, сколько фонем реализуется в случае такого сочетания — одна или две? Экспериментальным путем удалось установить, что длительность аффрикаты /ç/ в подобных случаях целиком зависит от места удара в слове и совсем не зависит

от множества других факторов, которые можно было бы считать потенциально значимыми (длина слова в слогах, частеречная его принадлежность, положение сочетания относительно морфемных границ и т. д.). Что же касается аффрикаты /с/, то здесь длительность определяется как раз не только наличием или отсутствием морфемного шва, но и его типом: на стыке приставки и корня бифонемное сочетание более возможно, чем на других стыках. На основе проведенных исследований можно рекомендовать в качестве нормативных долгое звучание аффрикаты (бифонемное сочетание) в ударных и предударных слогах (именно в этих позициях обычно оказывается граница приставки и корня): *отчет, отцепить* — и «нормальное» звучание (монофонема) — во всех других случаях: *летчик, блюдец*.

Другая проблема — качество гласного в предлоге *для*. Вариативность в этом случае оказалась несколько шире предполагаемой до эксперимента: выбор должен осуществляться между тремя гласными — /а/, /е/ и /и/. Результаты проведенного экспериментального исследования показали, что рекомендации по произношению должны быть различны для человека (лингводидактический аспект) и для автоматизированной системы (транскрибирование, распознавание, синтез). Для произношения человеком следует рекомендовать с одинаковой вероятностью /а/ или /и/ — такие результаты получены на основе слухового и аудиторского анализа. Для автоматических систем, в первую очередь, /е/ (38 % всех гласных по данным инструментального анализа), далее с равной вероятностью /а/ и /и/ (по 26 %).

Таким образом, на основе продуманной, теоретически обоснованной серии экспериментально-фонетических исследований могут быть получены ответы на все актуальные вопросы современной фонетики, без которых нельзя ожидать успешного решения различных прикладных задач.

Т. Л. Борисова, В. И. Супрун

Волгоградский государственный педагогический университет

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТОПОНИМИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ

1. Все ономастические разряды находятся в постоянной взаимосвязи, происходят процессы трансонимизации, ономастической деривации, ассоциативных преобразований, приводящие к появлению межразрядных омонимов и паронимов. Выделяются с и л ь н ы е разряды, которые передают свои единицы в другие, и с л а б ы е, формирующие свой именник за счет иноразрядных единиц. К сильным

ономастическим разрядам относятся я д е р н ы е структуры поля имен собственных, к слабым — периферия.

2. Ономастическое ядро составляют антропонимия и топонимия и смежные с ними ономастические разряды (И. В. Крюкова, 1993). Однако и внутри ядра антропонимия оказывается более сильным слоем, обладает в о з д е й с т в у ю щ и м потенциалом; топонимия же по сравнению с ней может быть отнесена к п р и н и м а ю щ и м разрядам. Происходит постоянный переход антропонимов в топонимы, образование названий географических объектов за счет личных имен, фамилий, прозвищ.

3. Астрахань известна с XIII в. как поселение татар в дельте Волги. Известны многочисленные средневековые фиксации ее названия: *Аштаракань*, *Адъях-Тархань*, *Хаджи-Тархань*, *Хазитархань*, *Хазир Зитрыхань*, *Цытрыкань* и др. (А. В. Никонов, 1966). Легенды связывают этот топоним с именем дочери золотоордынского хана *Астра/Аштра*, а также с правоверным мусульманином-хаджи (совершивший хаджж — паломничество в Мекку) Аши, вылечившим эту ханскую дочь и получившим в награду земли (А. С. Марков, 1994). Топонимисты считают, что в названии города содержится тюрко-монгольское слово *тархан/дархан* — «титул правителя; человек, освобожденный от налогов; человек высшего сословия; священный, неприкосновенный; свободное от повинностей лицо, мастер, кузнец» (Э. М. Мурзаев, 1974). Первая часть топонима может быть отнесена к антропонимам, а вторая выступает в качестве приложения к нему, в котором можно отметить начальный антропонимический сдвиг (ср.: *Данила-мастер*, *Иван-царевич*, *Марья-искусница* и пр.). Следовательно, в древнем названии центра Астраханской области отразилось ономастическое взаимодействие.

4. Значительная часть дореволюционных названий населенных пунктов Астраханской губернии представляют собой дериваты от личных имен и фамилий. В связи с тем, что многие русские фамилии образованы от личных имен и их форм, не всегда можно точно установить, что стало основой топонима — имя или фамилия. Так, названия деревень *Дмитриевка*, *Ивановка*, *Николаевка*, *Федоровка* могут восходить как к крестным именам, так и к фамилиям. В этом случае следует обратиться к истории заселения деревни, к установлению ее основателей. Так, поселок *Александровский* и хутор с таким же названием были основаны известными астраханскими купцами братьями Александровыми, которые вложили немало средств в развитие экономики и культуры края. К отыменным можно отнести названия типа *Николаевка*, *Николаевская*, данные в честь популярного у русских святого Николая Мирликийского, однако

здесь имеет место процесс сложного ономастического взаимодействия: имя собственное Николай переходит в агнионим (имя святого, см.: Русская ономастика..., 1994), который становится основой названия церкви (экклезионима), а уже от него происходит образование название деревни, станицы. К образованным от личных имен можно причислить дериваты от гипокористических, деминутивно-мелиоративных и пейоративно-аугментативных форм, хотя следует учитывать, что и фамилии могут иметь подобное происхождение. Так, топонимы *Машкин*, *Левкин* даны по именам основателей хуторов.

5. Следует учитывать, что отыменные и отфамильные топонимы имеют разную словообразовательную структуру: *Федор + овка*, *Федоров + ка*, *Левк(а) + ин*, *Левкин + Ø* (трансонимизация), *Никола(й) + евская*, *Александров + ский*.

6. После революции происходит слом старой топонимии, замена ее новыми идеологизированными наименованиями, среди которых основное место занимают мемориальные (Н. В. Подольская, 1978). В 1919 г. три городских района Астрахани были названы: *Ленинский*, *Кировский*, *Трусовский* (в честь местного революционера). В области появились *Наримановский* и *Володарский* районы. Поселок *Форпост* получает название *Трусово*. Полностью меняется городская урбанонимия.

7. В настоящее время названия внутригородских объектов в Астрахани (в отличие от Москвы, Санкт-Петербурга, некоторых городов центра России) сохраняют идеологические черты советского периода истории страны. Значительное число урбанонимов и эргонимов образовано от фамилий или псевдонимов революционных деятелей. В честь В. И. Ленина названы площадь, улица, больница, завод. Имя С. М. Кирова носят улица, драматический театр, городская клиническая больница, пединститут, сквер, поселок городского типа. Улица, педучилище, областная научная библиотека, хлебозавод названы именем Н. К. Крупской. По псевдониму А. М. Горького-Пешкова названы улица, парк, средняя школа.

А. Д. Васильев

Красноярский государственный педагогический университет

О ГУМАНИТАРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Симптоматично, что на современном этапе развития лингвистических исследований внимание специалистов вновь обращается именно к тем проблемам, попытки решения которых, собственно, и позволяют считать языкознание гуманитарной дисциплиной, т. е. наукой о человеке. Роль языкознания затруднительно свести к некое-

му «человеческому фактору», равно как и постичь суть этого «фактора» обособленно от языка. Растущее число научных работ, где общекультурные, этнологические, социологические аспекты человековедения рассматриваются сквозь призму языковых явлений, свидетельствует о далеко не исчерпанных возможностях так называемых традиционных направлений лингвистики, потенциал которых во многом зависит от богатства конкретной культуры.

Закономерно, что объективному познанию ментальности, менталитета, национального характера, национальных духовных ценностей и т. п. взаимосвязанных феноменов способствует изучение национального языка: «ментальность — мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (В. В. Колесов). Наиболее заметно это наблюдается при изучении динамики лексики в историко-культурном аспекте.

Динамика слова выражается в его семантических и стилистических эволюциях (иногда — исторически длительных, иногда — сравнительно быстротечных), во взаимнообусловленных реализациях или утратил коннотативных потенций. Они обнаруживаются в фактах переосмысления слова и изменения частотности его употребления, распространяющихся в соответствии с потребностями этносоциума. При этом происходит дополнительная дифференциация картины мира в языке, удаляющемся от первоначального синкретизма и получающем новые средства воздействия на мысли и поступки его носителей, влияя тем самым на формирование (и трансформации) этносоциокультурных норм и стереотипов.

Аксиологические координаты общественного и индивидуального сознания, этноспецифика мировоззрения и мировосприятия воплощаются в слова, являющееся выражениями архетипических концептов, по настоящее время включительно определяющих поведение представителей этноса. Оправданно понимание концепта и как основополагающей идеи, и как слова, претворяющего эту идею в действительность, причем между концептом-идеей и концептом-словом постоянно происходят сложные взаимодействия: поиск мышлением и языком некоего баланса, возможно более полного и точного соответствия мысли и слова, поиск, стимулируемый переменами в общественно-политической и экономической жизни народа, но и стимулирующий эти перемены через изменение взглядов носителей языка. Таким образом в динамике лексики проявляются выступающие в единстве собственно лингвистические и так называемые экстралингвистические факторы (впрочем, зачастую внедряющиеся в сознание посредством речевой деятельности, также с помощью языка).

Реконструкция, демонстрация и анализ динамики в русском языке ряда существительных, обозначающих участников межличностных отношений разных типов, помогает осмыслить, как видоизменялись семантические очертания облика «своего», как вербально реализовывало: и фиксировался переход от «чужих» к «своим» (при этом соответствующие номинации лица можно рассматривать в качестве маркеров, служащих для идентификации и самоидентификации именуемого, вступающего/инициируемого в какую-либо общность). Небезынтересно, что лексические значения многих из рассмотренных слов были прочно связаны с религиозно-мистической деятельностью, однако с течением времени эти слова вышли за пределы конфессиональной сферы и столь же активно стали функционировать как именованья людей, занятых в чисто светских областях. Такой переход (на первый взгляд, как будто бы от сакрального к профанному) может быть объяснен переориентацией духовных ценностей этносоциума в котором традиционная религия под влиянием различных факторов постепенно утрачивала доминирующую роль. Высвобождавшиеся вследствие этого ниши общественного сознания заполнялись иной информацией — политической. Принадлежащие ей символы, в том числе и вербальные мифогены, превращались в сакральные. В последние годы происходит их десакрализация с одновременным замещением иными, коннотативно и функционально подобными.

Н. А. Вострикова

Волгоградский государственный педагогический университет

КОННОТАЦИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В науке созданы различные концепции коннотации: семиотическая, психолингвистическая, литературоведческая, логическая, философская и лингвистическая. Лингвистическая концепция использует это понятие для обозначения эмотивных, оценочных, экспрессивных, образных, стилистических и других субъективных аспектов лексического значения, противопоставленных денотативному, логико-предметному аспекту, ориентированному на отражение объективной действительности. Содержание термина, его объем, компонентный состав продолжают оставаться предметом дискуссий, вызывая нередко досадные разночтения. Расхождения усугубляются терминологической неупорядоченностью в работах, посвященных этой проблеме. Так, коннотация может толковаться как «эмотивное значение», «социальное значение», «прагматическое значение», «ассоциации», «эвфонетические оценки», «лексический фон» и т. п.

Многообразны подходы к пониманию содержания коннотации. В ряде работ она толкуется широко, как своеобразная «лексическая модальность», «периферийная часть лексического значения, содержащая информацию о личности говорящего, о его эмоциональном состоянии, ситуации общения, характере отношения к собеседнику и предмету речи» (Л. Г. Бабенко). Утверждается, что коннотация связана с социально-политическими, морально-этическими, этнографическими и культурологическими понятиями, отражающимися в языке (В. И. Говердовский), что она несет информацию о говорящем, о его социальной истории и апеллирует к некоторому опыту человека, возникающему в результате его воспитания в данной культуре (Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров). Наконец, коннотация может интерпретироваться как способность слова производить эстетико-познавательное впечатление (И. Р. Гальперин). В таком расширенном понимании акцентируется внимание на субъективной природе коннотации, ее связи с языковой личностью, на ее прагматической ориентации.

Соответственно достаточно размытой и нечеткой представляется структура коннотации. Так, к примеру, Н. В. Черемисина наряду с традиционными экспрессивным, эмоциональным, стилистическим компонентами, внутренней формой слова (образностью) выделяет фоносемантический ореол слова и лексический фон, т. е. представления человека о предмете (явлении) окружающей действительности, названном словом, а также все возможные ассоциации, которые могут возникнуть у образованного, начитанного читателя в связи с восприятием данного слова.

В узком смысле коннотация имеет более конкретное содержание, например, ограничиваясь одним компонентом лексической семантики — эмотивным (В. И. Шахновский). Довольно распространена также точка зрения, согласно которой коннотация отождествляется со стилистическим значением слова (Э. С. Азнаурова, Т. Г. Винокур и др.).

На наш взгляд, коннотацию целесообразно рассматривать как дополнительное содержание номинативной единицы, сопутствующие ее семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на денотативный компонент значения и служат для выражения субъективных аспектов восприятия человеком реального мира. Исходя из этого структура коннотации нам представляется как совокупность взаимопереплетающихся в слове оценочного, эмотивного, экспрессивного, образного и стилистического компонентов. Наличие коннотации в номинативной единице хорошо осознают носители языка. Например: — *Ну вот уж и «шпионят»! Какие у вас, право, глупые слова всегда наготове... Вот от этого-то мне и*

неудивительно, что вы часто за них попадаетесь... язык мой — враг мой. Что такое «шпионство»? Это обидное слово и ничего более. Шпион, согляда тай — это употребляется в военное время против неприятеля, а в мирное время ничего этого нет (Н. С. Лесков). Слова шпион, согляда тай имеют денотативное значение «агент, занимающийся тайной слежкой за кем-л., слово шпионство имеет денотативное значение «деятельность шпиона, выслеживание». Подобные занятия осуждаются в картине мира носителей языка, вследствие чего эти слова имеют презрительную, пейоративную (отрицательную) коннотацию. Поэтому герой Н. С. Лескова называет их «обидными», «глупыми».

Хотя коннотация имеет субъективную природу, привязана к психике говорящего, она играет большую роль при построении высказывания, выборе слов, совпадающих по денотативному содержанию, но различающихся по стилистической окраске, привносимой оценке, эмоции и т. п.

Н. А. Дьячкова

Уральский государственный педагогический университет

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ В АТРИБУТИВНОЙ ПОЗИЦИИ

Роль прилагательного, занимающего атрибутивную позицию (есть еще предикативная), в формировании семантической структуры предложения большинством синтаксистов оценивается как факультативная, хотя и с оговорками относительно их большой значимости в коммуникативном аспекте. Факты языка, противоречащие данному тезису (невозможность элиминации определителя без ущерба для структурно-семантической организации предложения), исследователи объясняют, как правило, особым характером существительного, которое не может реализовать структурную функцию вне сочетания со своим атрибутом. Например: (1) *У него бодрый, здоровый вид, роскошные седые бакены, благовоспитанные манеры* (Чехов); *Хозяин с бесстрастным лицом пожал плечами* (Бунин). Такие существительные называют синсемантическими, информативно недостаточными, существительными с ослабленным значением, с конструктивно ослабленной знаменательностью и т. п. (Шахматов, Бабкин, Бабайцева, Лекант, Фурашов и др.). В этих случаях речь идет о валентности существительных (атрибутивной валентности), которая обуславливает облигаторность атрибута (Арутюнова, Тулина, Вольф и др.). Если списки таких существительных (*глаза, спина, рост, взгляд, вид, люди, человек, парень, женщина* и мн. др.), приводимые в работах разных исследователей, объединить в

один, то получится довольно большая группа имен существительных, притом с внутренней классификацией на семантические подгруппы (см. напр. Арутюнова, Тулина, Фурашов, Иванчикова, Кочинева, Вольф). Обязательность атрибута в подобных случаях (если она имеет место) — это явление уровня словосочетания.

Однако существуют конструкции, в которых обязательность прилагательного-атрибута обусловлена не словосочетательными, а предложенческими связями. Напр.: *Упрямый человек не сносен; Бешеные собаки опасны* (примеры Падучевой, Москальской, Сусова). Данная модель весьма продуктивна. Ср.: (2) *Отвергнутая женщина страшна* (Мердок); *Все пожилые американки страстные путешественницы* (Бунин); *Безвольный человек всегда хвастлив, глупый человек всегда невежествен и бесчестен* (Абай); *Нормальный человек не думает, что все имеет продолжение* (Бродский); *Слабохарактерные (люди) кончают жизнь в тюрьме* (Санаев); *А снулый рак исполнен яду, как печень медведя во время спячки* (Солянов). такие предложения не допускают элиминации атрибута, поскольку в этом случае они теряют истинность. Обязательность атрибута в рассматриваемых случаях (2) имеет иную природу, чем в случаях типа (1). В случае (2) мы имеем дело с асимметричной структурой: монопредикативной, но полипропозитивной. Вопрос об асимметричных структурах уже давно интересует исследователей, и прежде всего в плане выяснения механизма осложнения простого предложения. Очевидно, что любое прилагательное в атрибутивной позиции, введенное в предложение, увеличивает количество пропозиций на одну, поскольку является предикатным знаком.

Однако не всякая полипропозитивность в простом предложении является свидетельством осложнения его семантической структуры. Напр.: (3) *В комнату вошла молодая девушка.* В данном предложении минимум две пропозиции: 1. *В комнату вошла девушка.* 2. *Девушка была молодая.* Однако оно не является семантически осложненным. Осложнением предложения следует считать такое явление, при котором простое предложение (монопредикативная единица) приобретает грамматическое значение сложного предложения. Грамматическим значением сложного предложения является номинация отношений между событиями (ситуациями, положениями дел). В примере (3) обе пропозиции находятся в отношениях конъюнкции. Конъюнкция же не является прерогативой сложного предложения. В примере (2) содержится номинация специфических для сложного предложения отношений обусловленности, которые выявляются в результате трансформации. Ср.: *Покинутая женщина страшна ↔ Если женщина покинута, она страшна.* Конструкции типа (2) представляют собой конденсацию условных

конструкций с нелокализованными во времени положениями дел (для них типичными являются предикаты «качества», «свойства»).

Таким образом, функции прилагательного-атрибута в репрезентации пропозиций разнообразны. В случаях типа (3) содержится включенная пропозиция, прилагательное-атрибут распространяет предложение. В случаях типа (2), благодаря атрибуту, проецируются отношения мотивации двух пропозиций, прилагательное осложняет предложение. Мы рассмотрели только одну модель со структурно обязательным атрибутом, осложняющим семантическую структуру предложения: «присубъектный атрибут» — «субъект» — «предикат». Но есть и другие модели, требующие специального изучения. Проиллюстрируем их примерами: *При хорошей погоде зонтик не нужен; В пожилом человеке — это даже трогательно; Усталый, голодный крестьянин лютвал* и мн. др.

Н. А. Илюхина

Самарский государственный университет

ОБРАЗНЫЙ КОМПЛЕКС КАК ЕДИНИЦА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Образный комплекс под разным терминологическим обозначением и с тем или иным отличием в понимании его сущности является объектом внимания ряда исследователей, в том числе объектом теоретической интерпретации (см., напр., работы А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, Г. Н. Скляревской, В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой).

Образный комплекс выделяется прежде всего в аспекте функционирования в ассоциативной функции — употреблением соответствующей лексики в составе метафор, сравнений, уподоблений и т. п. — и может служить моделью описания ассоциативного функционирования лексики, одним из способов систематизации многообразного метафорического «материала». Однако есть, на наш взгляд, основания говорить об образном комплексе как о единице лексико-семантической системы, соотносящейся с другими ее единицами. Сущность понятия «образный комплекс» составляют три аспекта, позволяющие интерпретировать его следующим образом:

- как обобщенный чувственно-наглядный образ реалии, представленный в языковом сознании в многообразных вариантах;
- как комплекс устойчиво связанных с ним типовых смыслов, формирующих семантическую структуру образа;
- как ассоциативно-семантическое поле (лексемы, словосочетания, грамматические модели), репрезентирующие образ во всем богатстве его семантического потенциала.

Своеобразием этого объекта, определяющим его статус и место в лексико-семантической системе, является его соизмеримость, с одной стороны, с классами слов, парадигмами, с другой — со словом.

С точки зрения способа репрезентации, образный комплекс логично интерпретировать как парадигму (его представляет, «материализует» лексико-фразеологический массив, именуемый ассоциативно-семантическим, или ассоциативным, полем), соотносящуюся с другими типами парадигм: лексико-семантической группой, лексико-семантическим полем, тематической группой и т. д.

Однако целый ряд свойств сближают образный комплекс и со словом. С точки зрения своеобразия семантической структуры, это образование обнаруживает изоморфизм не столько с другими типами парадигм, имеющих более «строгую» структуру, сколько со словом. Как и слово, образный комплекс многообразно варьирует в речевом воплощении, и варьирование следует рассматривать как способ его функционирования. В процессе ассоциативного функционирования проявляет себя еще одно существенное свойство образного комплекса: в условиях разнообразной лексической экспликации и воплощения в разном семантическом объеме — в виде разных комбинаций конкретных смыслов, элементов его семантической структуры — образный комплекс отчетливо сохраняет свое единство, ощущается как цельное образование, как своеобразная семантическая единица.

С учетом названных и других свойств образного комплекса представляется оправданным говорить о том, что он выступает как способ и единица хранения информации о реалиях объективного мира в сознании носителей языка, а также как единица речемыслительной деятельности.

З. И. Комарова

Уральский государственный университет

О ТИПАХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

По вопросу включения/невключения терминологических единиц в состав фразеологии, как известно, существуют две полярные точки зрения: включения по признаку устойчивости и воспроизводимости (Ф. Ф. Фортунатов, В.В. Виноградов, Ш. Балли, Н. М. Шанский и др.) и неключения по признаку отсутствия деактуализации слов в единице (А. И. Молотков, Л. А. Войнова, А. И. Федоров и др.). Есть и промежуточное понимание границ фразеологии, допускающее включение в ее состав некоторых терминологических единиц (Б. А. Ларин, В. П. Жуков и др.).

Устанавливая типологию фразеологических единиц, Б. А. Ларин указывал: «Существенным недостатком предложенных до сих пор классификаций является их ограничение материалом современного и притом почти исключительно литературного языка» (Б. А. Ларин. Очерки по фразеологии // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1956. Вып. 24. № 198. С. 79). Такое сужение привлекаемого к исследованию материала нам также кажется неправомерным, выводящим из поля зрения терминологические единицы, которые, кстати, часто выступают как прототипы фразеологизмов.

Прямо не ставя задач уточнения границ и объема фразеологии, сделаем подступ к этому, подвергнув анализу терминологические единицы с позиций их идиоматичности как смысловой неразложимости и устойчивости как меры, степени семантической слитности, неразложимости компонентов. При этом принимаем следующие методологические посылки:

- под терминологическим пространством понимается целостная терминосистема (в нашем случае — сельскохозяйственная), бытующая как подязык русского национального языка;

- поскольку термин как специфическая языковая единица «живет» в противоречивом динамическом единстве трех своих ипостасей: языкового субстрата, логического суперстрата и терминологической сущности, — постольку в формировании его семантики участвует много образующих «сил», идущих как от общего языка, так и от понятийно-категориального, тематического, деривационного своеобразия данной терминосистемы;

- учитывая, что лишь комплексный подход дает наиболее объективные и надежные результаты (В. Л. Архангельский, Р. Н. Попов, В. А. Кунин, В. П. Жуков и др.), в исследовании используем комплекс методов и приемов;

- в связи с тем, что деривационной базой многословных составных терминов является терминологическая лексика и лишь для двусловных (реже — трехсловных) — общенародная, происходит сдвиг в использовании методов и приемов исследования, в частности метод аппликации не является ведущим и тем более единственным.

На этих основаниях предлагается следующая градация составных сельскохозяйственных терминов, выстроенная по степени нарастания идиоматичности и устойчивости.

1-й тип — терминологические обороты с нулевой устойчивостью, представленные моделями максимальной «протяженности» составных терминов: шестисловными и пятисловными типа *цитоплазматическая мужская стерильность растений молдавского типа*, которые, объективируя научное понятие, отличаются лишь

воспроизводимостью. Это неаплицируемые единицы, в которых слова-термины целиком сохраняют свое знаковое терминологическое значение. Тип немногочисленный. Эти единицы можно соотносить с фразеологическими выражениями (по Н. М. Шанскому).

2-й тип — терминологические обороты с первой степенью устойчивости, представленные четырехсловными и трехсловными моделями типа: *поглотительная обменная способность почвы*. Неаплицируемые единицы, сохраняющие знаковые свойства слов-терминов, входящих в оборот. Их большая устойчивость по сравнению с первым типом связана с наличием семантического ядра, благодаря чему в форме этих терминов выражена трехъярусная иерархия понятий. Тип немногочисленный.

3-й тип — терминологические обороты второй степени устойчивости, представленные «серийными» моделями двусловных терминов субстантивного (*дискование почвы*) и атрибутивно-субстантивного (*аммиачная селитра*) характера. Это неаплицируемые лексикализованные единицы высокого уровня иерархии. Этот тип является господствующим.

4-й тип — терминологические обороты третьей степени устойчивости, что создается связанным значением слов с предметно ориентированной семантикой типа *черный пар, гибридный клевер*. Это неаплицируемые единицы, соотносимые с фразеологическими сочетаниями, по В. В. Виноградову. Тип многочисленный.

5-й тип — терминологические обороты четвертой степени устойчивости, представленные двусловными моделями типа: *ломать посев, рушить просо, выводить сорт*, в которых наблюдается связанное значение глагола аналитического характера. Тип довольно многочисленный.

6-й тип — терминологические обороты пятой степени устойчивости, в которых наблюдается связанное значение существительного с реляционно-аналитической семантикой типа *гибридная сила, утомление почвы*. Неаплицируемые единицы с частичной деактуализацией слов-компонентов. Тип довольно многочисленный.

7-й тип — терминологические обороты шестой степени устойчивости, в которых наблюдается образно-метафорическое использование одного или нескольких слов типа *дневной «сон» растений, весенний «плач» деревьев, зимний «клуб» пчел*. Это частично аплицируемые единицы с мотивированной семантикой, которые сближаются с фразеологическими единствами. Тип не очень многочисленный.

8-й тип — терминологические обороты шестой степени устойчивости с немотивированным значением типа *анютины глаз-*

ки, вернуть на старика, которые сближаются с фразеологическими смещениями. Тип не очень многочисленный.

Эти типы можно выделить в нормативной терминологии, а в ненормативной частотен 7-й тип. Кроме того, бытуют индивидуальные-образные выражения и крылатые слова типа: *консервант солнечного луча* (К. А. Тимирязев о зеленом листе растений), *верблюд растительного мира* (Н. И. Вавилов о сорго).

Т. В. Кортава

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ «ПОЛОНИЗМЫ» В ПРИКАЗНОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Роль приказного языка в процессе формирования норм нового русского литературного стандарта трудно переоценить. В эпоху средневековья не было никаких учреждений, которые специально занимались бы вопросами нормирования русского письменного языка.

При учреждении приказов не было проведено никакой системы. Некоторые приказы появлялись внезапно, затем подвергались слиянию с другими и, наконец, исчезли, утратив свои собственные функции. Крайняя пестрота функций затрудняет классификацию приказов. Однако были приказы, которые с момента своего образования сохраняли определенный статус и набор функций. К числу таких приказов принадлежал Посольский приказ, учрежденный в 1549 г.

Во главе приказа был поставлен Михаил Висковатый. Наиболее известные дьяки Посольского приказа — Федор Курицын, Труфан Ильин, Елизар Цеплятев (последний вел свою родословную от Рюриковичей). Первый русский «канцлер» А. Л. Ордин-Нащокин называл Посольский приказ «оком России».

Служащие Посольского приказа — дьяки, подьячие, толмачи и переводчики были всесторонне образованными людьми. Например, по отзыву иностранного путешественника Адама Олеария, думный дьяк, канцлер Иван Алмазов свободно владел турецким и персидскими языками. Некоторые служащие Посольского приказа были литературно одаренными людьми.

Литературная деятельность Посольского приказа имела две стороны — официальную и неофициальную. Примерами первой могут служить составление рукописной газеты «Вести-Куранты» — первого периодического издания на Руси, а также переводы и изготовление «потешных» и учебных книг для царевичей, потому что именно подьячие Посольского приказа считались самыми подходящими педагогами.

Неофициальной литературной деятельностью дьяки и подьячие Посольского приказа занимались по собственной инициативе. Известны поэты «приказной школы» — Алексей Романчуков и Василий Волков, публицист, автор политического трактата Василий Садовулин, подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин — автор сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича».

Сочинению Г. К. Котошихина посвящено несколько работ. В одной из них, анализе издания сочинения Г. К. Котошихина, осуществленного А. Пеннингтон, отмечалось, что в приказный язык намеренно вводились элементы, несвойственные разговорному языку, недоступные профанической аудитории (например, полонизмы). Это было связано со стремлением к корпоративному обособлению. К числу полонизмов были отнесены конструкции типа *их отпущено было, иноземцев не сыскано*.

Не беря на себя смелость оспаривать теоретические положения уважаемых авторов, отметим, что примеры типа *воровских денег им разыскивано трижды* достаточно широко распространены в приказном языке XVI-XVII вв., поэтому их нельзя считать «элементами». По наблюдениям И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко, подобные структуры распространены в современных западных среднерусских говорах (см. примеры И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко: *парня уведено, таких животных напрасно создано, этих девок привезено откуль-то*). В ходе лингвогеографического анализа И. Б. Кузьмина установила, что подобные конструкции встречаются в 119 населенных пунктах.

Диалектические данные не позволяют квалифицировать рассматриваемые конструкции как полонизмы. Возможно, подобные структуры присутствуют и в польском языке, но это свидетельствует не о влиянии одного языка на другой, а об общих тенденциях в развитии грамматического строя славянских языков.

Н. В. Лягушкина

Российский государственный гуманитарный университет

СЕМАНТИКА СЛОВ *позади* и *сзади*

Предметом нашего рассмотрения являются предлоги и наречия *позади* и *сзади*. Во многих толковых словарях они даются как синонимы или толкуются друг через друга. Однако при предъявлении предложений, содержащих *позади* и *сзади*, носителям языка замечена одна и та же трудность: на одно слово на другое была оценена как невозможная. Ср.: (1) *Пальто испачкалось сзади* (Ожегов); (1а) **Пальто испачкалось позади*.

Для описания *позади* и *сзади* важны понятия «пространство».

«релятум», «ориентация» и др. Пространство употребляется в широком смысле и относится к физическому пространству, пространству множества, пространству ситуации, пространству функциональной системы. Релятум (Y) — объект по отношению к которому локализуется описываемый объект (X). Для описания слов *позади* и *сзади* важную роль играет сопоставимость размеров релятума и объекта. Обычно релятум примерно равен объекту или немного больше него. Ср.: (2) *Позади стола стояли три кресла с очень высокими дубовыми резными спинками* (Л. Толстой). Повидимому, неестественно употреблять *позади* и *сзади*, если релятум намного меньше или больше объекта. Ср.: (3) **Позади мухомора возвышался холм*; (4) **Сзади стола лежала кнопка*. При использовании *позади* и *сзади* в роли релятума не может выступать объект, обычно воспринимающийся как не имеющий высоты. Напр.: (5) **Позади реки стоял маленький домик*.

Важным оказывается противопоставление, введенное в работах О. Н. Селиверстовой и Т. Н. Маляр. Было предложено разделять две группы предлогов и наречий. К первой относятся слова, семантику которых составляет информация о расстоянии между X и Y или о расстоянии местонахождения X от Y. Вторую составляют слова, указывающие на нахождение X в пространстве или в пространственной позиции P, которые в свою очередь тем или иным способом соотнесены с Y. *Позади* и *сзади* относятся ко второй группе. Однако *позади* в отличие от *сзади* допускает градацию расстояния между релятумом и объектом:

(6) *Далеко позади шла мать Липы Прасковья, которая все отставала, так как была больна и задыхалась* (Чехов). В этом предложении наречием *далеко* вносится информация об удаленности объекта от релятума.

(6а) **Далеко сзади шла мать Липы Прасковья, которая все отставала, так как была больна и задыхалась*.

При использовании слова *сзади* для говорящего значимо только местоположение объекта, а не расстояние между ним и релятумом. Объект может располагаться, во-первых, в непосредственной близости с релятумом. Напр.: (1) *Пальто испачкалось сзади* (Ожегов). Пятно, находясь на нефасадной стороне пальто, непосредственно соприкасается с ним.

Во-вторых, объект может находиться внутри релятума. Напр.: (7) *...его обогнала черная легковая машина. Глинская сидела впереди, повернув голову, что-то говорила сидевшим сзади* (Рыбаков). Собеседники Глинской находятся внутри машины, выступающей в роли релятума. Расстояние между X и Y близко к нулю и является неважным.

В-третьих, объект может совершить движение, траектория которого приводит к соприкосновению с релятумом. Ср.: (8) *Овчарка с злобным старческим хрипением бросилась сзади на объездчика* (Чехов). Расстояние между X и Y не значимо, так как оно сводится к нулю.

Возможны два типа ориентации предмета А относительно предмета В — относительная и абсолютная. *Сзади* предполагает наличие абсолютной ориентации Y. Ср.: (9) *Сзади дома устраивался незатейливый огород*. (Салтыков-Щедрин). Если релятум не является абсолютно ориентированным, то *сзади* не употребляется. Вероятно, поэтому во временных контекстах используется только *позади*. Напр.: (10) *И так день за днем экзамены приближались к концу. И вот — они позади* (Добровольский); (10а) **И так день за днем экзамены приближались к концу. И вот — они сзади*.

Позади употребляется тогда, когда имеется дополнительный ориентир: (11) *Направо тянется длинная линия изб с сараями позади* (Успенский). Дополнительным ориентиром служит главная улица. Относительно самих изб сараи могут находиться и сбоку и спереди, однако относительно улицы они расположены с задней стороны изб. (12) *Впереди двигался Аниканов с Голубем, метрах в сорока позади — Травкин и Семенов с радиостанцией* (Казакевич). Объекты расположены с задней стороны релятума относительно траектории движения Аниканова и Голубя, а не собственно релятума, так как Аниканов и Голубь могли идти боком или спиной вперед.

Ж. З. Мительская

Челябинский государственный университет

МОДАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СВЕТЕ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

В последнее время в трудах отечественных и зарубежных лингвистов не ослабевает интерес к разработке проблем модальности. До сих пор дискуссионными остаются многие вопросы, связанные с пониманием сущности модальности, с определением границ этой категории. Кроме того, сохраняется терминологический разнобой не только в определении типов модальности, но и в обозначении языковых средств выражения этой семантико-синтаксической категории.

Одним из важнейших средств оформления категории модальности являются модальные фразеологизмы, под которыми мы, вслед за профессором А. М. Чепасовой, понимаем семантико-грамматический класс фразеологических единиц, морфологически неизменя-

емых, выражающих различного рода эмоциональные и рациональные отношения говорящего к действительности и получающих в структуре предложения статус или отдельных синтаксических единиц, или «вводных конструкций», связанных с основным высказыванием на основе интродуктивной связи.

Существует многообразие терминов для обозначения фразеологических единиц с названным типом семантики (междометные эмоциональные идиомы, междометные фразеологизмы, модально-междометные фразеологизмы и т. д.).

В современной научной и учебной лингвистической литературе модальные фразеологизмы (*боже мой, ради бога, по всей вероятности (видимости), может быть, без (не) (всякого) сомнения* и многие другие) не отграничиваются от соответствующих им по содержанию и функции лексических единиц и определяются как «модальные слова», «междометия», «модальные словосочетания» или «вводные слова», «вводные словосочетания».

Однако принципиально важным, на наш взгляд, является то, что, в отличие от модальных слов и примыкающих к ним по выражаемому отношению междометий, модальные фразеологизмы представляют собой всегда раздельнооформленные образования, характеризующиеся большим структурным разнообразием.

Дискуссионным остается вопрос о структурной организации модальных фразеологизмов ввиду отсутствия специальных исследований, посвященных этой проблеме. Как показал наш анализ, модальные фразеологизмы строятся по трем основным типам синтаксических моделей: 1) сочетаний слов; 2) словосочетаний; 3) предложений. Из всех проанализированных нами модальных фразеологических единиц 74 % организованы по моделям всех типов простого предложения. Это подтверждает мысль о том, что модальность как синтаксическая категория наилучшим образом (оптимально) выражается моделью предложения.

Проблематичными, по нашему мнению, оказываются вопросы о содержательных свойствах модальных фразеологизмов и семантической организации исследуемых единиц. Существующие семантические классификации модальных (вводных) единиц (и, прежде всего, классификация академика В. В. Виноградова) основываются как на лексическом, так на фразеологическом материале. Нами принята попытка представить семантическую классификацию модальных единиц, опираясь исключительно на фразеологический материал, и объединить модальные фразеологизмы по содержательному признаку в одиннадцать семантических групп.

Самую многочисленную в содержательном плане группу, по нашим наблюдениям, составляют модальные фразеологизмы различ-

ной эмоциональной оценки как яркая примета русской устной речи, отчетливо проявляющие себя в системе диалогической связанности высказываний. Для таких единиц характерным оказывается наличие ряда потенциальных значений, актуализирующихся в речи. Проблемы реализации «потенциальных значений» в контексте, «многозначности», «смысловой диффузности» модальных фразеологизмов остаются неисследованными.

Имеют большую представленность в нашем материале и модальные фразеологизмы — формулы социального этикета, являющиеся необходимым элементом культуры общения. Большую по продуктивности группу составляют фразеологизмы, выражающие отношения уверенности/неуверенности и принадлежащие к семантической субкатегории рационального отношения говорящего к действительности. Фразеологизмы этой группы принимают активное участие в построении логических умозаключений в формах естественного языка.

До конца не решены вопросы о синтаксическом статусе модальных фразеологизмов, о соотношении «модальности» и «вводности», о взаимодействии и взаимовлиянии объективной модальности «как грамматического грунта предложения» с субъективной модальностью.

Известно, что помимо обязательного для каждого предложения объективно-модального значения, относящего сообщение к тому или иному плану действительности, конкретное предложение может нести в себе также то или иное субъективно-модальное значение, одним из ярких средств выражения которого являются модальные фразеологизмы. Благодаря модальным фразеологизмам собственно констатирующие высказывания дополняются отношениями уверенности или неуверенности, согласия или несогласия, экспрессивными оценками.

Таким образом, ждет своего решения и проблема функционирования модальных фразеологизмов в языке и речи.

С. В. Мкртчян

Тверской государственный университет

**ИСТОРИЧНОСТЬ НОРМЫ В УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ
ИМЕН ГЕОРГИЙ/ЕГОР, ИОСИФ/ОСИП В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Языковая система, частью которой являются личные имена, представляет собою сложное образование, находящееся в непрерывном развитии. При этом одни ее подсистемы более подвержены изменениям, а другие — менее. Личные имена, находясь на периферии

литературного языка с точки зрения стабильности и претерпевая сильное влияние экстралингвистических процессов, регулируется сложной системой факторов.

Как показал обширный фактический материал, извлеченный из писем И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, в литературном языке второй половины XIX в. формы Иосиф и Георгий были ограничены в употреблении. Эти формы обнаружены с одной стороны, по отношению к библейским персонажам и святым (например, *Иосиф Прекрасный, Иосиф Волоколамский, Георгий Победоносец*), духовным лицам (например, *отец Иосиф, протоиерей Иосиф Васильев, епископ Дмитровский Алексей Иосифович Ключарев*), титулованным светским особам (например, *великий князь Георгий Александрович, великий князь Георгий Михайлович*). С другой стороны, использование форм Иосиф и Георгий отмечено по отношению к неассимилированным иностранцам (например, *немецкий скрипач Иоахим Иосиф, врач в Карлсбаде Зееген Иосиф, принц Георгий Ольденбургский*), которые не могли являться образцовыми носителями русского литературного языка, и по отношению к лицам еврейской национальности, которые, составляя один из обособленных антропологических типов, веками удерживали свои особенности, в том числе формы имен (например, *Ценкер Иосиф Францевич, Соркин Иосиф Николаевич*).

Формам *Иосиф* и *Георгий* в литературном языке рассматриваемого периода были противопоставлены формы *Егор* (например, *граф Егор Николаевич Толстой, судейский чиновник Егор Андреевич Матисен, извозчик Егор* и т. д.) и *Осип* (например, *барон Урий Осипович Гинцбург, издатель Алексей Осипович Бауман, барышник Осип Григорьев*).

Фактический материал с достаточной степенью достоверности позволяет утверждать, что норма в использовании рассматриваемых форм имен существенно отличалась от современной и определялась критериями, продиктованными в первую очередь историческим духом эпохи. Употребление форм имен обуславливалось законом, который хотя и не был выражен эксплицитно, но соблюдался. Действие его прослеживается на языковом уровне, поскольку язык является отражением самых разных ярусов жизни. В основе этой закономерности лежит особое отношение к канонической форме имени (зафиксированной в святцах), которое было закреплено, прежде всего, в создании носителей языка, где формы имен интуитивно распределялись в совершенно определенном порядке. такое распределение условно может быть названо духовной иерархией. Духовная иерархия строилась на христианском понимании сущнос-

ти имени, опирающемся на церковные каноны, оцениваемые с точки зрения русского религиозного сознания. В силу своей харизматичности каноническая форма, входя в систему литературного языка и являясь литературной, в большинстве случаев была противопоставлена литературной нейтральной (общеупотребительной) именно по причине своей ограниченности в использовании.

Постепенное разрушение, размывание духовной иерархии и приближение к современному состоянию нормы (не духовной, а стилистической градации полных форм имен) отмечается в литературном языке рубежа XIX-XX вв. у И. А. Бунина, А. И. Куприна, А. П. Чехова, А. А. Блока, что стало следствием глобального раскола между обществом и церковью. Именно в этот период произошло мощное отталкивание форм *Георгий* и *Егор*, *Иосиф* и *Осип*, наметившее становление самостоятельных имен из отдельных форм.

Таким образом, исследование динамического аспекта нормы в использовании отдельных форм позволит приблизиться к пониманию состояния общества прошлого века с его культурой, что предупредит появление анахронизмов в текстологических исследованиях.

Т. П. Рассказова

Уральский государственный университет

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЭМОЦИЮ «УДИВЛЕНИЕ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Анализ проводился применительно ко всем частям речи, но в данном докладе рассматриваются только прилагательные, т. е. признаки предмета, вызывающего удивление. Лексическая выборка для анализа составила — 20 прилагательных из русского языка (таких, как *удивительный*, *поразительный*, *ошеломительный*, *фантастический* и т. д.) и 24 прилагательных из английского языка (таких, как *surprising*, *extraordinary*, *queer*, *marvellous* etc.).

На основе результатов компонентного анализа выбранных слов в русском языке выявлено семь прилагательных, прямо указывающих на эмоцию «удивление»: *чудной*, *чудный*, *удивительный*, *разительный*, *поразительный*, *изумительный*, *дивный*. В английском языке таких «базовых» прилагательных три: *surprising*, *astonishing*, *wonderful*.

Данные прилагательные проанализированны с точки зрения появления семы «интенсивность». В русском языке слабоинтенсивными являются следующие прилагательные: *необычный*, *странный*, *чудаковатый*, *чудесный*, *дивный*, *чудной*, *чудный*, *удивительный*. В английском языке по этому признаку выделены следующие сло-

ва: surprising, peculiar, remarkable, strange, queer, odd, enigmatic, curious, admirable, wonderful.

К прилагательным с сильной интенсивностью в английском языке относятся: unexpected, uncanny, monstrous, sudden, staggering, prodigious, mind-boggling, marvellous, fantastic, extraordinary, breathtaking, astounding, astonishing. В русском языке к этой группе относятся прилагательные *внезапный, головокружительный, невиданный, необыкновенный, оглушительный, ошеломительный, утомляющий, фантастический, чрезвычайный, изумительный, разительный, поразительный*.

Таким образом, как в английском, так и в русском языке число прилагательных, характеризующих эмоцию «удивление», приблизительно равно, при этом число прилагательных, называющих эмоцию в русском языке больше (7), чем в английском (3). Объяснить это можно, исходя из национально-культурного компонента: англичане, как известно, достаточно замкнутые и сдержанные люди, не явно выражающие эмоции.

Количество сильноинтенсивных прилагательных в обоих языках сходно.

О. И. Рудакова

Уральский государственный университет

ФАКТОРЫ СУБСТИТУЦИИ ТЕРМИНА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Рассматривая субституции термина в тексте как замещение ранее обозначенного научного понятия новым наименованием, В. Г. Гак и В. М. Лейчик указывают на существование логических, лингвистических (языковых) и терминологических причин, влияющих на процесс субституции.

Обозначив три группы указанных причин как три фактора субституции, можно отметить, что действие логического фактора связано с необходимостью определения или уточнения границ понятия, выражаемого термином, языковой фактор влияет в связи с наличием/отсутствием языковых средств замещения термина, терминологический фактор характеризуется упорядоченностью/неупорядоченностью терминологии в данной отрасли знания. Актуальным является вопрос об иерархической организации действия указанных факторов, о приоритетном влиянии отдельных факторов в научных текстах разного назначения.

Объектом нашего исследования являлись термины *молочная железа, молочная продуктивность, генетическая структура* и их субституты в тексте монографии сельскохозяйственного профиля (см.: Эйдригевич Е. В., Раевская В. В. Интерьер сельскохозяй-

ственных животных. М., 1978), предметом анализа — семный состав указанных форм.

Текст монографии по отношению к анализируемым терминам является терминойспользующим, так как авторы рассматривают прикладные проблемы животноводства, связанные с диагностикой продуктивности животных, используя понятия, выраженные терминами, как определенные, фиксированные, поэтому логические причины субституции в данном тексте отсутствуют.

Выявленные нами формы субституции мы относим к результату влияния языкового фактора, проявляющегося как перенос особенностей естественного языка на метаязык науки. Замещение базовой номинации дополнительной характерно для естественного языка, где главная функция — общение. Необходимыми качествами естественной речи являются уместность, выразительность. Повторы базовой номинации здесь недостаток, порок. В метаязыке, каковым является язык науки, главная функция — сообщение, а необходимые качества — логичность, однозначность (отсутствие двусмысленности). Повторы базовой номинации не препятствуют реализации функции метаязыка и не противоречат его необходимым качествам. Но так как метаязык функционирует на базе естественного, то авторы непроизвольно отдают дань привычному для них естественному языку, используя субституцию. так, принципом экономии языковых средств, характерным для естественного языка, обусловлено появление свернутой (эллиптической) формы термина *молочная железа* — *железа*. Этот субститут в данном научном тексте возможен потому, что реализации сем «какой-либо секрет» препятствует контекст, указывающий на молоко. Субститут *вымя* имеет одинаковую предметную отнесенность с термином *молочная железа*, отличаясь от него наличием имплицитных сем «мягкое», «большое» и коннотациями. тем не менее эксплицитно выраженные семы в значении слова *вымя* аналогичны семеме термина, и потому это слово в качестве полного синонима достаточно часто употребляется в тексте (30:18 в отношении термин:субститут). Термин *молочная продуктивность* замещается свернутой формой *продуктивность*, гипонимом *удой*, эквиполентной формой *молочность*. Номинация *молочность* имеет интегральную сему, отличающуюся от таковой самого термина. такая замена возможна потому, что семантика термина *молочность* включает имплицитные семы, которые уточняют интегральную сему «способность»: «или реализованная», «или не реализованная». При использовании формы *молочность* как субститута термина *молочная продуктивность* актуализируются семы «реализованная способность», что уравнивает понятийный состав термина и его субститута. напр.: *взаимосвязь между развитием*

кожных желез и молочной продуктивностью модифицируется другими факторами, в исследованиях кожных желез в связи с молочностью, кроме положительных, были получены и отрицательные результаты. Тот факт, что субституция не является необходимым элементом терминойиспользующего текста, подтверждается и тем, что термин может не иметь субститутов (генетическая структура), что термин может повторяться в ряду константных предложений без ущерба для смысла и стиля изложения (например, *молочная железа* в четырех предложениях).

Терминологические факторы, связанные с состоянием терминологической системы, не находятся на одном уровне с языковыми, так как они не порождают, а лишь «фильтруют» варианты субституции, возникающие под влиянием языковых факторов. Наличие субститутов с имплицитными и коннотативными семами (*молочная железа* — *вымя*), а также субститутов с интегральной семой, отличающейся от интегральной семы термина, при актуализации имплицитных сем (*молочная продуктивность* — *молочность*) является результатом «лояльности» сельскохозяйственной терминологической системы, позволяющей подобные замены при условии экстенциональной/интенциональной равнозначности.

М. Э. Рут

Уральский государственный университет

НОВЫЕ РЕАЛИИ И НОМИНАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛЕКТА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ)

Двадцатый век привнес в традиционную русскую культуру большое количество новых культурных реалий — от самолета, ставшего привычным средством сообщения между деревнями, до шариковой ручки. Однако обилие новых реалий, как правило, не затрагивают лексической системы диалектов, и помета «нов.», маркирующая новые диалектные лексемы, оказывается одной из самых нечастотных в региональных словарях последних десятилетий: в большинстве случаев диалект довольствуется включениями из литературного языка или просторечия, лишь варьируя фонетический облик и морфологическую структуру чужих лексем (*трасматор*, *трансатор* — трансформатор; *лестричка*, *лектричка* — электричка и т. п.). Тем не менее именно немногочисленные собственно диалектные номинации нетрадиционных культурных реалий оказываются красноречивыми свидетельствами особенностей традиционного восприятия мира. Именно этим номинациям и посвящено настоящее сообщение.

По способу номинации такие номинативные диалектные неологизмы делятся на два основных типа: образованные морфологичес-

ким способом (*автобусник* — «водитель автобуса», *пастик* — «стержень шариковой ручки») и семантические дериваты (*подушка* — «судно на воздушной подушке»). В ряде случаев вопрос о статусе новообразований остается открытым, ср. *ухажерка* — «доярка» — словообразовательный омоним? семантический дериват?

По номинативному признаку (содержательная сторона номинации) классификация затруднена ввиду малого количества материала. Можно, однако, говорить о приоритете предметной конкретности (ср. приведенные примеры, где предметная соотнесенность оказывается существенней функциональной принадлежности). Интересен факт уточнения функции: *доярка*, т. е. «та, что доит» в литературном языке и *ухажерка* в диалекте, что вполне соотносится с характерным для традиционной культуры представлением о комплексном уходе за скотом (русская крестьянка не говорит «пододить корову», но *обряжаться*, *гоить*, и т.п., номинируя весь объем работ в хлеву).

Материал свидетельствует о пассивности собственных номинативных ресурсов диалекта: диалектное слово предстает как своеобразная переработка литературной номинации (однословной или развернутой). Так, допустима интерпретация всех приведенных номинаций как вторичных по отношению к литературным: водитель автобуса — автобусник, стержень с пастой — *пастик*, судно на воздушной подушке — *подушка* и т. п. Подобная вторичность прослеживается и при образной номинации. Ср. просторечные номинации щвабры, которой моют пол (*палка*, *лентяйка*) и диалектные номинации той же реалии — *батог* (в говоре «палка»), *валявка* (в говоре «ленивый человек»).

Приведенный материал демонстрирует характерную для традиционной культуры замкнутость, «закрытость» системы — новые реалии не осваиваются, а сохраняются на периферии народного сознания, что проявляется и в следовании чужим стереотипам номинации без активизации собственных ресурсов.

М. Б. Ташлыкова

Иркутский государственный университет

СЕМАНТИКА ИМЕН КАЧЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИХ СИНТАКСИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Одна из центральных словообразовательных категорий, обслуживающих синтаксическую деривацию, — имена качества, существительные со значением отвлеченного признака, свойства. Анализ употребления производных слов такого типа в тексте позволил выявить некоторые особенности их синтаксического функционирования.

ния и смысловой организации.

1. С помощью имен качества организуется полипропозитивная конструкция; словообразовательный дериват оказывается средством выражения пропозиции; благодаря этому «происходит углубление семантического объема высказывания» (З. И. Резанова).

Пропозиция выражается генетивной конструкцией или конструкцией с согласованным определением (при этом отвлеченное существительное занимает место предикативного актанта).

Полученная полипропозитивная структура может быть моно- и бисубъективной. Кореферентность основного и вспомогательного субъектов высказывания обеспечивается определенными лексическими и грамматическими показателями.

В сочетании с предикатами интеллектуального плана зависимая пропозиция называется «положение дел» в мире, базовый предикат – пропозитивное отношение.

В позиции детерминанта зависимая пропозиция содержит характеристику субъекта основного высказывания.

2. Отвлеченное имя качества может выступать в функции скрытого атрибута. В. М. Жирмунский определил эту функцию как «отвлечение эпитета». Отвлечение эпитета перемещает с признака на предмет и делает возможным дальнейшую конкретизацию признака. Переподчинение смыслов является результатом грамматического переподчинения: имя признака в результате словообразовательного акта выходит из зависимой позиции согласованного определения в позицию управляющего субстанта.

3. Функционирование имен качества в роли скрытого предиката и скрытого атрибута обнаруживает черты сходства и черты различия.

Реализация обеих функций возможна лишь тогда, когда при имени качества есть имя предмета или референтное ему местоимение.

Производное существительное, сохраняя ядро лексического значения производящего прилагательного, обеспечивает функциональную перестройку базовой семантики. Приписывание признака предмету с помощью отадъективного существительного происходит либо как предикация, либо как атрибуция. При этом актуализируются разные аспекты мотивирующей семантики.

Е. А. Терпугова

Иркутский государственный университет

ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОШИБОК: К УПОРЯДОЧЕНИЮ ТЕРМИНОЛОГИИ

Вопрос классификации лексических ошибок, как известно, не нов (см. работы К. С. Горбачева, М. Н. Кожинной, Д. Э. Розенталя,

Ю. В. Фоменко, С. Н. Цейтлин, П. Г. Черемисина, П. Г. Шустровой). Вместе с тем до настоящего времени не существует научно обоснованной, внутренне не противоречивой классификации всех речевых неправильностей, нет однозначности понимания терминологии (см. определение «тавтологии», «плеоназма», «повтора», «нарушения лексической сочетаемости» и «стилистической ошибки» у вышеперечисленных авторов). Одно и то же явление именуется по-разному, и, наоборот, разнородные факты подводятся под одно понятие. Иначе говоря, термины неадекватно соотносятся со значениями понятий.

Понимая под лексической ошибкой несоблюдение лексических норм, считаем, что теоретической базой решения проблемы речевых неправильностей должно стать осмысление языковой природы лексической нормы. Однако осознание языковой сущности лексической нормы само по себе представляет серьезную проблему. Лексическая система языка плохо поддается унификации и формализации. Языковое значение индивидуально, своеобразно и многоаспектно, может меняться в процессе развития языка и в динамике текста. Фактически лексическое значение приобретает определенность только в тексте. С этим связаны трудности в определении лексической нормы.

Определение границ лексической нормы представляет действительно объективную трудность. Однако, думается, определить этапы формирования нормы возможно. Первый этап — правильное называние денотата (выбор ЛСВ как реализация номинативной функции). Второй этап — проекция на ось валентности, сочетаемости (учет типового окружения). Необходимо говорить о равенстве и взаимосвязанности этапов (роль контекста в понимании незнакомого слова).

Таким образом, систематизация знаний о лексической системе языка отразится на упорядочении терминов, с одной стороны, с другой — приведет к глубокому пониманию природы ошибки.

А. М. Чепасова

Челябинский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФРАЗЕОГРАФИИ

Русистика второй половины XX в. — наука уже о двух языковых единицах: слове и фразеологизме. Начиная с 1946 г. и по сей день активно развивается учение о семантических, структурных, грамматических, функциональных и других свойствах фразеологизмов.

Фразеография, в отличие от лексикографии, еще не оформилась в специальную, очень важную отрасль фразеологии, в ней не реше-

ны основополагающие проблемы, хотя имеется несколько одноязычных и двуязычных фразеологических собраний, называемых по традиции словарями. Фразеография в теперешнем ее состоянии не отражает успехов теоретической фразеологии и не способствует дальнейшему развитию последней.

1. Отвлекаясь от анализа структуры, объема и содержания имеющихся фразеологических трудов, что должно стать предметом специальных работ, назовем наиболее важные проблемы и задачи, которые предстоит решить фразеологам, разрабатывающим основы фразеографии русского языка.

В настоящее время существуют два круга проблем создания полных фразеологических трудов — лингвистический и экстралингвистический. Первый круг, в свою очередь, состоит из совокупности взаимосвязанных актуальных проблем: прежде всего, проблемы создания больших оригинальных картотек как базы любого фразеографического труда, так как природа того или иного фразеологизма может быть обнаружена и осмыслена во всех его связях и отношениях, если он отбирался методом сплошной выборки из разных речевых текстов, а не из лексических словарей и представлен десятками, а то и сотнями употреблений.

Большими оригинальными общими и специальными фразеологическими картотеками располагают в настоящее время фразеологи Челябинского, Курганского университетов, Омского, Магнитогорского педагогических институтов. В связи со сказанным довольно отчетливо вырисовывается второй этап деятельности — создание из имеющихся картотек единого национального фразеологического фонда русского языка.

Следующая проблема, требующая безотлагательного решения, — разработка общего понимания основной единицы фразеологии — фразеологизма, без чего невозможна фразеографическая работа. В современной же фразеологической литературе используются многочисленные обозначения фразеологизма, опирающиеся на различные его языковые свойства как основные. Думается, при решении этой актуальнейшей проблемы нужно учитывать фундаментальные свойства фразеологизма — раздельнооформленность при цельности значения, семантическую и грамматическую соотносительность со словом определенной части речи, закрепленный компонентный состав в массовом материале.

Непосредственно к этой проблеме примыкает проблема компонента, о природе которого до сих пор горячо спорят. Основные разногласия сводятся к признанию/непризнанию компонента словом и признанию/непризнанию служебных частей речи там, где они есть, компонентами фразеологизма. На наш взгляд, признание

фразеологизма вторичной номинативной единицей языка неизбежно требует признания особого статуса компонента как слова, претерпевшего качественные изменения в составе фразеологизма. В связи с решением проблем компонента находится проблема первого компонента, встающая перед автором любого фразеологического труда. Нам кажется порочным принцип исключения компонентов типа *и, за, хоть, ах* при расположении единиц во фразеографическом труде (см. ФСРЯ).

И еще одна проблема, хотя, на первый взгляд, кажется, что она не существует. Как правильно должен быть назван фразеологический труд? Словарем? Это название не соответствует природе фразеологизма, который обязательно представляет собой «сверхсловную единицу» (В. А. Архангельский). Справочником? Такое название нередко используется наряду с названием «словарь». С. Влахов предлагает называть труд фразником. Мы предлагаем благозвучное и соответствующее по содержанию природе фразеологизма название *свод*.

2. Перед фразеологами стоят сложные задачи создания разнообразных общих и частных фразеологических трудов, содержащих исчерпывающую информацию по тому или иному вопросу, касающемуся данной единицы. В таких трудах остро нуждаются все говорящие на русском языке, все изучающие русский язык как родной или как иностранный. Такие труды остро необходимы лингвистам как отражение результатов развития фразеологии и как условие, источник ее дальнейшего развития. Самый широкий круг задач должны решать общие структурно-грамматические своды. В них должны быть отражены все выявленные к этому времени структурные и все грамматические свойства, синтаксические связи этой единицы в речи. В зависимости от компонентного состава, структурных, грамматических свойств и связей должно быть истолковано категориальное, субкатегориальное, групповое и индивидуальное значение единицы. Проспект такого свода составлен в Челябинском университете на базе фразеологической картотеки, насчитывающей около 20 тысяч единиц.

Свои особые задачи призваны решать своды фразеологических омонимов, синонимов, антонимов, вариантов, своды по фразообразованию и др. В будущем должны быть созданы частные своды, в которых единицы характеризуются по типу категориального значения и которые пока существуют в виде приложений к кандидатским и докторским диссертациям.

Во второй круг проблем, названный в начале работы, мы включили все проблемы, связанные с изданием фразеографических трудов.

Секция 4. ЯЗЫК В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет

ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В ГАДАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Культура — это постоянная, осознанно и бессознательно повторяющаяся попытка человека вскрыть смысл существования самого себя. Эзотерическое знание транслирует эту попытку от поколения к поколению, от личности к личности. Поведение людей подчиняется правилам. Эзотерика разграничивает при этом поведение, подчиняющееся правилам, от предопределенного поведения. Человек имеет дело не непосредственно с миром, в котором он живет, а, скорее, начинает свою жизнь с того, что постепенно создает модели и карты мира, а затем пользуется ими, выбирая, куда ему двигаться в своем поведении. Магия представляет собой одну из сложных форм рефлексированной деятельности; она ставит своей целью изменить то, как человек испытывает мир, то есть, расширив модель мира, преобразовать его (человека) собственный опыт, его переживание мира, влекущее за собой изменение опыта и поведения. В центре гадательной практики оказывается убеждение, апеллирующее к социально-психологическим стереотипам, нравственному и, эстетическому чувству. Когнитивное содержание ее также многообразно: оно нагружено человеческими надеждами, стремлениями, оценками, идеалами. Поэтому оно нередко формулируется в качестве вопроса, проблемы, коллизии, широко использует сравнительные, метафорические, сослагательные, модальные формы языка, оно балансирует на грани разделяющей миры действительного, должного и возможного. Язык предстает в этой связи как процесс формирования мира в устно-слуховом артикуляционном контакте. Это не редуцирует все к языку, но подтверждает полную лингвистичность всего установления человеком смыслов (словесное само моделирование).

Единство приемов, целей гадания на Западе и Востоке объясняется общностью культурных основ — греко-романских для всей средневековой Европы, в общности источников. Христианство стало фактором сохранения и привития на новой почве старью античных и древневосточных операционных техник с именем как откры-

вением. «Именно высота его, то есть степень обобщенности и сгущающая сила имен, делает эти типы личностного бытия трудно доступными, трудно объяснимыми, трудно усвояемыми в практическом мышлении нужно выяснить, полагает ли народ найти в имени формы личности, ключ к складу и строению личного облика, некое *universale*, весьма конкретное, весьма близкое к эстоси, *haecceitas* человека, хотя с эстосью и нетождественное» (П. А. Флоренский).

Гадание по имени позволяет составить представление о картине эстоси в западноевропейской, русской и некоторых восточных культурах.

Дальневосточная гадательная традиция знает приемы тунъюа (Китай), загадки-котовадза (Япония) и пророчества-хянга (Корея).

Гадание по именам как процесс интериоризации расширительных субструктур в модели этического образа личности создает направленную фантазию, системы двойных (обратных) связей, референтную структуру, противоречащие ограничительным генерализациям поведенческой модели отдельно взятого человека (либо малой социальной группы). Тем самым создается новый опыт, предоставляющий в распоряжение человека новую (иную) модель поведения.

Е. Л. Березович

Уральский государственный университет

ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА В ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ НАРОДНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Изучая специфику народной языковой картины мира, нельзя не затронуть проблему восприятия носителей языка обобщенных образов женщины и мужчины. К примеру, рассматривая этот вопрос на материале русских фразеологизмов, В. Н. Телия приходит к выводу о том, что в народной картине мира женщина — скорее «недо-человек». В данной работе материалом для анализа послужила русская топонимия, извлеченная из картотек топонимической экспедиции Уральского госуниверситета по территории Русского Севера.

Прежде всего следует отметить неравномерную представленность «женских» и «мужских» номинаций в топонимической системе: количественно — причем с большим перевесом — преобладают первые. Это объясняется ролевыми различиями разного рода: во-первых, очевидно, именно мужчина чаще всего является автором топонимических номинаций; во-вторых, женщина — в силу своей социальной роли — осваивает географическое пространство очень замкнуто и в небольшом устойчивом функциональном диапазоне:

«женские» объекты находятся, как правило, в непосредственной близости к населенному пункту и представляют собой ручьи и озера, где стирают белье, болота, где собирают ягоды, и т. п., поэтому «бабьи» номинации состоятельны с точки зрения различительной силы. «Мужские» объекты — все остальные, которые находятся за пределами деревни с ее «бабьими» прудами и болотами, поэтому номинации, действующие образ мужчины, обладали бы недостаточными дистинктивными возможностями.

Показательно, что только женский образ в топонимической номинации может разрабатываться «анатомически», ср.: озеро *Бабий Пуп* (рядом озеро *Брюшина*), мыс *Бабья Пята*, покос *Бабий Лобок*, тоня *Баба* («круглая, как живот у бабы»), поле *Бабье Брюхо*, болото *Бабья Жоп* («сосна выросла такой кривулькой, очень похоже»), поле *Бабье Гузно* и др., ср. также многочисленные топонимы типа *Тутка*, *Тутечное*. В то же время «мужские» образы и в топонимии, и в народной ономастике в целом, как отмечает М. Э. Рут, лишены конкретной пространственной разработки. Такую неравномерность можно объяснить тем, что женская фигура наиболее выразительна, в прямом смысле этого слова рельефна. Соматические номинации такого рода характеризуются определенной сниженностью; с точки зрения номинативной активности мужчины понятно повышенное внимание к «сугубо женским» частям тела (грудь, большой живот).

Интересно, что «бабьи» топонимы чаще всего прилагаются к водным объектам. Вероятно, можно говорить об остаточном срабатывании архаической модели «река (вода) — женщина». Эта сакральная связь, мотивированная идеей плодородия, может трансформироваться в модель образного сопоставления, ср. мотивировку названия луга: «Река излучины сделала, как голова и груди, по излуине реки и названо *Баба*».

Метафорические номинации отражают не только внешний облик женщины, но и некоторые бытовые (хозяйственные) атрибуты: ручей *Бабкин Квас*, лес *Бабкин Ряпак* (ряпак — «лоскуток ткани»), пережат *Бабье Трепало*, поле *Бабий Губник* (губник — «пирожок с грибами») и др.

В топонимической номинации находит отражение также способность женщины к деторождению — болото *Бабьи Родины*, поле *Бабья Родина*; ср. также многочисленные мотивировки топонимов *Бабья* (*Бабье*, *Бабий*): «баба шла-шла и ребеночка родила»; «пошла баба за маслятами, там родила и ребеночка принесла в корзине» и т. п. Любопытно, что в двух случаях топонимы *Бабий* (-ье) имеют параллельные названия *Блудный* (-ое), причем одно из них объясняется так: «Туда парочки уходили после гулянья» (характер-

ный параллелизм *Блудное // Бабы* оставляет в тени участие мужчины в соответствующих действиях).

В некоторых случаях «бабы» и «девкины» топонимы связаны с мифологическими представлениями, ср.: ручей *Бабий* — «говорят, бабу лесную там видели»; перека *Девкино* — «старая дева перекинула камень на тот берег, пятерня на камне осталась»; гора *Баба* — «там камень большой, туда кто чего принесет». Данные факты соотносятся с общеславянским мифологическим мотивом, связывающим образ бабы с культом предков, вследствие чего лексемой *баба* (*дева*) могут быть обозначены персонажи низшей демонологии, а также различные фетиши. Непосредственное указание на связь с культом предков можно усмотреть в топониме *Бабыя Гора*: «Бал князек, у него дочь умерла, ее захоронили, вот и назвали Бабыя Гора» (ср. топоним *Бабина Гора* в бассейне Днепра, где приносили жертвы женскому божеству, а потом производили захоронения в могильнике).

Таким образом, народная топонимия, переплавляя мифологический субстрат, отражает и хозяйственные, и анатомические, и физиологические черты образа женщины, определяя даже ее «жизненное пространство». Сниженная тональность соответствующих названий объясняется авторством мужчины, который остается «за кадром» топонимической номинации (топонимы типа *Дедово, Дедов* выражают, как правило, только посессивные отношения).

Е. А. Бурмистрова

Волгоградский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ АРТИОНИМА

Функционирование артионимов (названий произведений живописи, музыки, литературы и др.) осуществляется независимо от семантики имени нарицательного, положенного в их основу. Значение имени собственного не равно понятию генетически тождественного апеллятива и никогда не ограничивается им даже тогда, когда фонетически и морфологически с ним совпадает.

Семантика имени собственного проявляется весьма своеобразно, в ней сплетаются лингвистический и экстралингвистический планы.

Опыт семантических исследований артионимов показывает, что при анализе значений слов неизбежно обращение к экстралингвистическим факторам.

Лингвистическое значение имени собственного мы понимаем как его отнесенность словообразовательным, морфологическим, синтаксическим, стилистическим и другим ярусам языка на основании формальных признаков. Экстралингвистическое значение — это все

то, что известно информанту о предмете или о лице — носителе имени собственного.

Если рассматривать значение артионима в акте коммуникации, то наиболее существенным является то значение, которое определено контекстом, целью высказывания и актуализировано в данном коммуникативном акте. В каждом конкретном речевом употреблении можно говорить лишь о его актуальном значении, т.е. той части значения, которая обусловлена ситуацией употребления языковых единиц.

Основой содержательной характеристики значения артионима является то, что оно складывается из представления, обобщенного образа, разнохарактерной информации.

Отличительной особенностью артионимов является их способность указывать наличием определенной терминологии в составе названия на соответствие онима тому или иному разряду. В музыкальных произведениях этим характеризуются артионимы инструментальной музыки, включающие в название термин, указывающий на форму произведения. Напр.: «Молдавское *каприччио*», «*Вариации* на тему горского танца», «Праздничная молодежная *увертюра*», «*Увертюра* на монгольские темы».

В артионимах живописи выделяются два класса (онимы портретной живописи и натюрморта), в названиях которых также преимущественно используются элементы жанровой характеристики произведения через оним. Напр.: «*Автопортрет* с раковиной», «*Портрет* доктора Ф. А. Усольцева», «*Портрет* поэта В. Я. Брюсова», «*Натюрморт*. Подсвечник. Графин. Стакан».

В данном случае происходит переход видового определения в разряд онимов, т. е. онимизация.

И. Т. Вепрева

Уральский государственный университет

О ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ КОННОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Анализируя семную структуру слова, Э. В. Кузнецова в «Лексикологии русского языка» (М., 1989), отмечала, что более значимым, чем понятийное ядро, для функционирования слова является коннотативный компонент значения, который включает «характеристики эмоционального, оценочного и собственно семантического характера» (С. 27). Кроме того, к коннотации относятся и психологические ассоциации, «от социально значимых, общих для всех, до индивидуальных» (С. 28). Данное утверждение Э. В. Кузнецовой становится актуальным при анализе языковой жизни современного общества. Язык живет и меняется вместе с обществом, взаимодейст-

вужа с ним. При этом любые революционные изменения, происходящие в общественной жизни, ускоряют языковые процессы, особенно в области лексики. В исследованиях последних постперестроечных лет отмечается постоянное вовлечение в систему литературного языка разговорных элементов, обычно стилистически сниженных, ресемантизация целого ряда идеологически ориентированных лексических единиц, детерминологизация языка экономики и политики, появление новых слов.

Эти интенсивные процессы часто создают определенную конфликтность, которая связана с линией адресант — адресат в структуре коммуникативного акта. Говорящий, в ведении которого как бы находится оценка употребляемого слова, дает коннотативную характеристику новой лексической единице или новому значению старого слова, тем самым предлагая слушающему включиться в процесс обсуждения. Слушающий, в свою очередь, реагирует на возможность либо употребления слова в данном контексте, либо вхождения этого слова в современный лексикон. Зачастую за коннотативной характеристикой слова скрывается обсуждение реальных фактов и ситуаций. Если в качестве адресанта или адресата выступает носитель элитарной речевой культуры, то его оценка формирует коннотативный компонент, который может приобрести статус социально значимого, закрепляемого в системе языка. Оценочное высказывание уже само по себе приобретает «коммуникативную цель рекомендации» (Н. Арутюнова).

См. иллюстрации коннотативной оценки: 1) вхождения новой лексики в русский язык: *«Уже пора этих загадочных «новых русских» включить во всемирно-исторический процесс»* (АИФ. 1996. №39); 2) ресемантизации идеологем. *Но сегодня «капитал», «торговля», «частная собственность» и другие подрасстрельные ругательства революционных лет прижились в нашей повседневной жизни в качестве обычных терминов* (АИФ. 1996. № 810); 3) употребления стилистически сниженной лексики: *Про нас говорили, что мы с ним трахались. Я этот глагол ненавижу* (Сов.секретно. 1996. № 9); 4) обсуждения реального события, скрытого за словом: *Страна проснулась и услышала зловещую аббревиатуру ГКЧП* (Вести РТ. 1996. 19.08); 5) детерминологизации слов: *Новый рынок работы говорит новым языком — дилеры, дистрибьютеры, брокеры, офис-менеджеры... Когда в человеческом обществе возникали проблемы с языком, появлялись словари. Сегодня мы начинаем публиковать значения некоторых «иностранных профессий»* (МК. 1996. 19.08).

**РОЛЬ ПОВТОРОВ В СОЗДАНИИ ЭКСПРЕССИВНОЙ
ТОНАЛЬНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

Развитие коммуникативно-функциональных направлений в языкознании последних лет — например лингвистики текста, функциональной грамматики, психолингвистики, лингвосоциопсихологии и др. — выдвинуло на передний план научных изысканий интерес к структурной и функционально-смысловой организации целого текста (в связи с чем, кстати, само понятие «текст» становится в последнее время более четким и терминологически определенным). При этом в каждом из научных направлений изучается свой аспект текстовой организации. С точки зрения функциональной стилистики небезынтересным представляется вопрос о средствах создания/организации эмоционально-экспрессивной модальности целого текста, или, по определению Т.В.Матвеевой, его общей тональности изложения.

В аспекте указанной проблематики весьма благодатным материалом для анализа является, на наш взгляд, художественная публицистика, поскольку для данного типа текстов характерен синтез собственно публицистического (беспристрастно информирующего, или объективного повествования) и художественного, где большую роль приобретает эстетическая функция, сопряженная, как известно, с эмоциональностью и экспрессивностью изложения, т.е. с субъективным, авторским началом.

Анализ современных газетных статей показал, что процесс развертывания содержания текста в данном подстиле осуществляется за счет развернутых вариативных повторов — РВП (о чем мы неоднократно писали ранее). Последние выполняют в газетной публицистике, кроме различных контекстуальных (семантических) функций, функцию текстообразующую, непосредственно связанную с выражением нового знания. Причем под новым мы понимаем, во-первых, коммуникативно новое, т.е. неизвестное читателю до настоящего момента восприятия в рамках данного конкретного коммуникативного акта; во-вторых, фактически новое, или концептуально новое знание, выражающее авторскую идею, его основную интенцию, кардинальную мысль.

Однако функционирование РВП в текстообразующем процессе не исчерпывается научным (о чем мы также писали ранее) и газетным текстами. Данные средства развертывания письменной комму-

никации характерны, как свидетельствуют наши последние изыскания, и для произведений художественной публицистики. Более того, они активно употребляются не только в современной речи данного подстиля, но и в идентичных текстах XVIII в.

Важно отметить, что в текстах художественной публицистики (и в XX, и в XVIII вв.) РВП, помимо текстообразующей, выполняют также экспрессивную функцию. О повторе как средстве экспрессии писала в свое время А.Н.Васильева (1982), возводя повтор в разряд тропов, отводя ему место в группе эмоционально-оценочной лексики. Однако речь при этом шла о лексическом повторе, т.е. о повторе, с нашей точки зрения, элементарном, тавтологическом. Мы же говорим о повторе собственно *смысловом*, иными словами, о воспроизведении в тексте мысли, некоторого содержания.

Важность эмоционально-экспрессивного содержания публицистических текстов отмечает Т.В.Матвеева (1992). Она вводит понятие тональности публицистических произведений. Диапазон тональности очень велик — от подчеркнуто объективного до эмоционально насыщенного (т.е. субъективного) изложения, при этом тип тональности зависит от жанра, темы, целеустановки и других экстралингвистических факторов.

Автор отмечает два основных способа создания тональности: 1) собственно полевой, при котором тональность обеспечивается распыленным в тексте множеством конкретных языковых средств; 2) способ авторизации.

Что касается языковых средств тональности (вопросно-ответные) единства, специальная лексика, специфические конструкции и т.д.), то в один ряд с ним можно поставить РВП как одно из текстовых (речевых) средств создания общей тональности текстов художественной публицистики.

Далее проводится сопоставительный анализ «Писем из Франции» Д.И.Фонвизина и «Писем русского путешественника» Н.М.Карамзина.

Таким образом, различия в тональности и композиционном рисунке произведений определяются своеобразием функционирования в них смысловых повторов (РВП).

Сами же эти средства можно рассматривать как типичные коммуникативные единицы текстов художественной публицистики, направленные, с одной стороны, на текстообразующий процесс, а с другой — непосредственно на читателя для достижения эффективности общения, т.е. совмещают в себе функции текстообразования и выражения экспрессии.

КОНЦЕПТ *свободы* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Концепт *свободы* уже становился объектом лингвистического анализ (ср.: Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода // Логический анализ языка. М., 1991), однако концептуальное богатство и значимость этого культурного термина настолько велики, что данную тему едва ли можно считать исчерпанной. Используемый в настоящем исследовании алгоритм экспликации концепта предполагает, во-первых, изучение фактов языкового узуса XIX-XX вв. путем компонентного семантического анализа, описания типовой сочетаемости, «вещных коннотаций» (термин В.А. Успенского; во-вторых, выявление смыслового наполнения лексемы *свобода* в поэтических текстах (использовано 435 фрагментов из произведений русских поэтов XIX-XX вв.) путем изучения различных контекстных факторов, т.е. описания возможных субъектов свободы, предикатов, атрибутивов, образных представлений свободы, сепаративов (типовых зависимых слов, включенных в конструкции с сепаративным значением отделения: *свобода от чего-л.*), симиляров, оппозигов и др.

В языковом узусе рассматриваемой эпохи можно выделить три основных значения слова *свобода*, являющихся базой для более конкретных. Во-первых, *свобода* — «возможность действовать по собственному усмотрению, предоставленная субъекту свободы извне» (ср.: *давать, предоставлять свободу, лишать свободы*). Свобода является объектом действия; «ситуация свободы» предполагает наличие двух актантов — X и Y. Субъект власти (Бог, социум, другой человек), предоставляя X возможность действовать по собственному усмотрению, одновременно ограничивает свободу определенными рамками (нравственных норм, общественных законов и т.п.). Таковую свободу можно считать внешней: она связана с зависимостью субъекта от внешних факторов. Данное значение слова совпадает с тем, которое фиксируется в древнерусском языке, где исследуемая лексема имела преимущественно социальную семантику.

Во-вторых, *свобода* — «избавленность от кого-л., чего-л.» (*свобода от...*) в самом широком смысле. При этом в семантике слова присутствует сема «отсутствие каких-либо ограничений, преград, помех, мешающих субъекту, его воле, действиям». В такой «ситуации свободы» субъект Y может отсутствовать ли совпадать с X. Это внутренняя свобода, которая может быть безграничной, пониматься как произвол, своеволие. Можно поспорить с А.Д. Кошелевым,

считающим, что в семантике лексемы *свобода* обязательно присутствует ограничительный фактор. Такой вывод можно сделать в результате рассмотрения весьма узкого круга контекстов с двумя актантами — X и Y.

В-третьих, *свобода* — «открытое пространство, простор» (на свободе). Это значение развилось на основе предыдущего (простор предполагает открытость, отсутствие границ), а также в связи с семантикой *воля*₂ — «простор». Представление о свободе как просторе в сознании русского человека лежит в основе таких сочетаний, как *стеснять свободу*, *широкая свобода* и пр. За многими словосочетаниями сданной лексемой стоит представление о «степенях свободы». Так, простор может быть неограниченным (*полная свобода*) и ограниченным (*мало, недостаточно свободы*).

Анализ поэтических текстов помогает выявить дополнительные особенности концептуального наполнения лексемы *свобода* в сознании носителей русского языка: данная лексема имеет положительную или отрицательную окраску, которая может эксплицироваться по-разному (оценочные определения, образные аналогии и т.п.), при этом отрицательно, как правило (но не всегда), оценивается свобода, связанная с произволом индивида, не признающего ограничений в своих действиях; положительной оказывается свобода ограниченная («ограниченный простор возможностей»), прежде всего этическими рамками.

Распространенные в поэтических текстах образы свободы (*женщина, мать, дева, дитя, друг, богиня, посох, ладья, зверь, птица, стяг, дом, еда, вино, напиток, солнце, маяк, заря, огонь, воздух, ветер, буря, простор*) показывают неоднозначность понимания свободы, при котором различается свобода общая и свобода индивида, свобода внешняя и внутренняя.

Развитие семантики лексемы *свобода* в русском языке шло по пути постепенной «интериоризации»: в древнерусскую эпоху свобода понималась исключительно как внешняя, извне (социумом) предоставленная человеку возможность распоряжаться собой в пределах дозволенного. В сознании человека XIX–XX вв. она, как показывает анализ поэтических контекстов, связывается, скорее, с внутренним чувством.

Можно говорить о том, что семантика лексемы *свобода* покрывает смысловое пространство, которое можно определить как «возможность выбора (извне/изнутри предоставленная), связанная с избавленностью от каких-либо ограничительных факторов». Семантически «соседняя» лексема *воля*, имеет несколько иное концептуальное наполнение: не возможность, а способность выбора из нескольких альтернатив.

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Основные языковые концепции XX в. пришли к признанию значимости понятия «человеческого», индивидуального, личностного. Гуманитарный характер лингвистики оправдывается тезисом «нельзя познать человека, не познав его языка» (Ю. Н. Караулов).

1. Богатый материал для осмысления человеческого фактора в языке предоставляет фразеологический фонд. По сравнению с другой, наиболее продуктивной, единицей языка — лексемой фразеологизм имеет более сложную семантическую и модальную структуру. Анализ семантики показал, что фразеологизмы модели предложения в высшей мере антропоцентричны. Проблема соотношения антропоцентризма и антропоморфизма еще ждет своего окончательного решения, но наш материал предоставляет следующую информацию: 110 единиц из 400 проанализированных включают в свой состав соматизмы. Например, компонент «язык» входит в качестве субъекта структуры в 11 фразеологизмов: *язык чешется* (у кого), *язык прилип к гортани* (у кого), *язык развязался* (у кого), *язык не поворачивается* (у кого), *язык отнялся* (у кого) и другие.

2. Соотносясь со всеми частями речи, рассмотренные единицы формируют преимущественно процессуальный (40 %), призначный (26 %) и модальный (21 %) классы. Процессуальные и призначные фразеологизмы, выступая в предложении в качестве предикатов, характеризуют лицо, а модальные выражают чувства лица и его отношение к действительности.

В классе процессуальных фразеологизмов самой продуктивной оказалась группа единиц со значением состояния, объединившая 72 % единиц, обозначающих эмоциональные, психические состояния, чувства, переживания, ощущения человека: *мурашки побежали по телу* (у кого), *руки чешутся* (у кого), *сердце оборвалось* (у кого), *земля уходит из-под ног* (у кого). Значение действия, становления, отношения, бытийности непродуктивно. Возможно, преобладание процессуальных единиц со значением состояния продиктовано тем, что фразеологизмы в основном обслуживают сферу действительности, непосредственно связанную с бытием человека. Так, наш материал содержит всего одну процессуальную единицу, обозначающую проявление природных сил: *разверзлись хляби небесные*. Образная природа фразеологизма оказалась востребована языковой системой в большей степени для номинации различных чувств и состояний человека, чем для обозначения процессов со значением бытийности, которые, по-видимому, нуждаются в более лаконичном, не

оценочном, бесстрастном обозначении лексемой.

Призначный семантико-грамматический класс представлен в нашем материале двумя субкатегориями — признака лица и состояния, испытываемого лицом. Первую субкатегорию образуют единицы со значением относительно постоянного признака лица: характеристикой моральных, нравственных качеств: *душа нараспашку* (у кого), *черт сидит* (в ком), *семь пятниц на неделе* (у кого); интеллектуальных и других способностей: *голова варит* (у кого), *язык подвешен хорошо* (у кого), *медведь на ухо наступил* (кому); физических свойств: *еле-еле душа в теле* (у кого), *песок сыплется* (из кого), *медведь на ухо наступил* (кому); социального признака: *путь усеян розами* (чей), *рука легкая* (у кого). Вторую субкатегорию образуют единицы со значением ограниченного временным промежутком состояния: *сам не свой* (кто-то), *карта бита* (чья), *ушки на макушке* (у кого), *душа не на месте* (у кого). Основная масса призначных фразеологизмов определяет признаки только лица, и лишь единицы *грошцена* (кому, чему) и *конь не валялся* (у кого, у чего) — и предмета, и лица.

Модальные фразеологизмы, как и модальные слова, и междометия, — языковые единицы, роль которых заключается исключительно в выражении человеческой оценки, отношения: *плохи дела* (чьи), *дай бог*, *черт возьми*, *кто знает*, *разрази гром* (кого), *бог в помощь*. Фразеологизмы не только модального, но и других классов являются носителями отношения говорящего лица к кому- или чему-либо. Фразеологизмы анализируемой модели вообще редко бывают строго номинативными: *какая муха укусила* (кого), *родная мать не узнает* (кого) — совмещают призначную семантику с модальной.

Все сказанное позволяет предположить, что фразеологизм как номинативная единица занимает в языке нишу образного и оценочного подхода к различным свойствам человека. Как известно, лексемы тоже могут носить образный характер, но их функция в большей мере номинативна, чем коннотативна. Фразеологизм же, вступая в синонимические отношения со словами, используется прежде всего как средство выражения человеческой оценки.

И. Ю. Качесова

Алтайский государственный университет

КИНОСЦЕНАРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФОРМА КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

При исследовании языковой организации текста одной из центральных проблем являются Человек Говорящий, коммуникатив-

ная ситуация, в которой действует этот человек. Изучая творчество В.М.Шукшина, внимание исследователя акцентируется на том, что в системе одного текста Говорящий (Шукшин) аккумулирует черты писателя, сценариста и режиссера. Усложняется личность Говорящего — усложняется коммуникативная ситуация, которую организует Говорящий. Для исследования киносценарной коммуникации как формы коммуникативной деятельности нами выбираются рассказы Шукшина (эпические тексты) и киноповести (киносценарные тексты), написанные на основе этих рассказов. тексты иерархируются как первичные (рассказы) и вторичные (киноповести). Предполагается, что коммуникативная ситуация зависит от трансформационного процесса: на каком этапе трансформации эпического текста в киносценарный находятся тексты (до трансформации, в процессе трансформации, как результат трансформации). Рассмотрение трансформационной модели проводится через призму изучения особой области языка художественной литературы — языка киносценария.

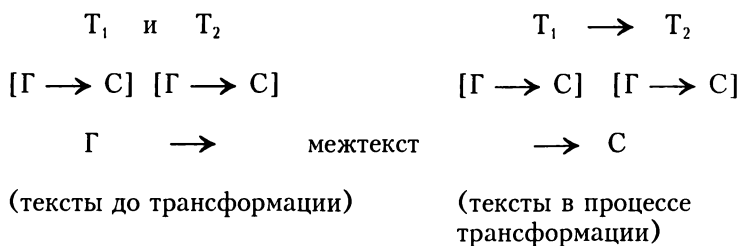
Отношения трансформации представляются в рамках коммуникативной деятельности. Основной акцент в исследовании делается на динамическую модель, текст рассматривается с точки зрения образования. Коммуникативная рамка описывается как усложненная модель, куда включается поверхностный и глубинный уровни коммуникации. На поверхностном уровне рассматривается участие Говорящего (Г) и Слушающего (С) в рамках каждого типа текстов. В эпическом (первичном) тексте Г — автор (Шукшин), а С — читатель. В киносценарном (вторичном) тексте Г — автор (Шукшин), а С — читатель с установкой на видеоизображение.

T_1 (эпический текст) \rightarrow (трансформация) $\rightarrow T_2$ (кинотекст)

[Г \rightarrow С]
автор читатель

[Г \rightarrow С]
автор читатель+
 зритель

На глубинном уровне коммуникации коммуникативный акт усложняется: Г — автор текстов, не вступивших в отношения трансформации (автор эпических рассказов), а С — либо тот же автор текстов, но уже задействованных в трансформации, либо читатель, наблюдающий над процессом трансформации. В глубинный уровень коммуникативного акта введено понятие межтекста, текста-абстракта, созданного в сознании и Г, и С. Межтекст интегрирует черты как первичного, так и вторичного текстов, является переходным звеном между текстами двух типов.

Межтекст рассматривается как синтагматически (введение его в структуру усложненного коммуникативного акта), так и парадигматически (введение в разные аспекты изучения):

- структурный (процессы контаминации и компрессии при текстообразовании);
- семантический (как результат родовой дисгармонии);
- функциональный (связующее звено в коммуникативном акте);
- коммуникативный (возникновение усложненного коммуникативного акта).

Введение в структуру коммуникативного акта межтекста объясняет сущность трансформации: проходя через стадию промежуточного звена (межтекста) формально-семантический механизм одного текста преобразуется в формально-семантический механизм другого текста. Усложнение коммуникативного акта происходит под влиянием интенции автора. Межтекст появляется на фоне разности интенций автора (в одном случае — создание эпического произведения, в другом случае — создание киносценарного произведения). Имеет место эстетический парадокс: межтекст сталкивает разные, с точки зрения эстетической функции, свойства двух родов литературы. Именно в межтексте появляется кинематографичность как основа языка киносценария.

Н. В. Колосницyna

Уральский государственный университет

ГОРОД В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА)

XX век — век стремительного роста городов, старых и новых, концентрирующих в себе все высшие достижения культуры и все ее противоречия, историческую память народа и его устремленность в будущее. В ходе истории города наполняются памятниками и зданиями, которые постепенно приобретают значение символов и знаков и превращаются в текст, образуя тем самым семиотическое поле,

которое впитывает в себя и сложнейшую систему оценок как со стороны далекого прошлого, так и современности. Зачастую сам город становится символом целой эпохи, а древние города — и многих эпох.

В данном исследовании выявляются языковые средства создания образа города как некоего единого (иногда противоречивого) ментального образования, в котором отражается историческая и современная жизнь города и вместе с тем — его восприятие поэтом. На материале русской поэзии XX в. предпринята попытка осуществить текстовый и концептуальный анализ смыслового поля *город* как культурной реалии, реконструкцию ментального содержания лексики, создающей образ города.

Под концептом, вслед за В. В. Колосовым, мы понимаем «...основную единицу ментальности — концепт данной культуры, который в границах словесного знака и языка в целом предстает (как явление) в своих содержательных формах — как образ, как понятие и как символ». Концептуальным наполнением в текстах русской поэзии XX в. характеризуется собственно слово *город*, а также наименования некоторых конкретных городов — Москва, Петербург (Ленинград), Париж, Рим, Венеция. В исследовании проводится описание семантического пространства, образуемого лексемами, устойчивыми словосочетаниями и группами слов, создающими определенную ситуацию (фрейм), а также раскрывается содержание названных концептов в тех их трансформациях, которые свойственны русской поэзии на протяжении XX в. Мы попытались выявить: 1) ситуации, связанные с объектом (фреймы) (городской ландшафт, природа, люди, культура, история и т.д.); 2) образные отождествления объекта; 3) действия самого города и связанных с ним персонажей, превращающих его из объекта в субъект; 4) свойства города.

Проведенное исследование позволило установить, что лексема *город* предстает в трех аспектах: денотативном, прагматическом и коннотативном. Именно последний аспект и создает собственно концепт. Он определяет возможности ментального описания и вместе с тем воздействия на читателя. В обыденной речи лексема *город*, как и названия конкретных городов, выступает, как правило, только в денотативной функции. Но в определенных социально-психологических ситуациях слова-наименования обретают дополнительные смыслы, отражающие вкусы, пристрастия, симпатии, антипатии, свойственные обыденному сознанию. Эти смыслы закрепляются в языковой практике, в прецедентных текстах (*Все дороги ведут в Рим, Увидеть Рим (Париж) и умереть* и т.п.). Но вся полнота ментальности в них принципиально не выражима.

Концепт, являясь единством образа, понятия и символа, наиболее содержательно и выразительно отражает ментальный уровень. Рассмотрим это на примере концепта *Париж*. Париж как понятие: город — столица Франции. Париж как образ (*Мальстрем человечества; мельница* — Париж перемалывает не только времена, но и человеческие судьбы и души): виденье города во всем богатстве его реалий, выражающих глубокое единство объективного и субъективного выражения. Париж как символ (*птица феникс* — символ вечного обновления, постоянно меняющейся, бесконечной жизни города): выражение признанных духовных ценностей, имеющих общечеловеческое значение. Город предстает не только как организм, он обретает чисто человеческие характеристики: он и *прабабка городов, и резвое дитя, беспощадно старый и вечно живой, заласканный и заплаканный*. Он *согревает и оживляет, чудит и лкует*. У него есть *руки и суставы улиц*, и он же становится *скелетом и трупом*, чтобы вновь ожить. Антитеза Париж — будничность (*Костюм от Диора, Это тебе не Париж, Ну что, мой друг, свистишь, мешает жить Париж?..*) превращает имя города в апеллатив, город становится знаком. Точно так же в русском сознании создается индивидуальный ментальный образ городов Париж, Рим, Венеция. Данный метод открывает перспективы дальнейшего исследования роли и места города в русской картине мира.

Г. Н. Кондратьева

Запорожский государственный университет

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОПОЗИТИВЫ КАК ФОРМЫ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ

Логико-семантические пропозитивы (далее ЛСП) — это компоненты языковой семантики единиц высшего уровня, первый элемент которых, пропозиит, является непосредственной формой выражения лингвофилософских категорий.

Лингвофилософские категории — это категории, которые будучи мыслительными, принимают статус структурно-семантических с семантической доминантой и образуют стройную систему, состоящую из ряда блоков.

Важность вычленения и изучения таких категорий неизмеримо велика, поскольку с помощью их приоткрывается завеса таинственных записей древности, прослеживается становление философских направлений и учений.

Постепенно складывалась так называемая парадигма мира (парадигма — греч., дословно: образец, система, отображающая действительность, и система отображенной действительности. См. об

этом: Лосев А. Ф. Словарь античной философии. М.: Мир идей, 1995. С. 28).

Модели представления о мире облеклись постепенно в форму словесных образований, логико-семантических пропозитивов. Логико-семантическим пропозитивом высшего уровня является текст. Для примера возьмем самое древнее из известных нам творений — «Поэму и Гильгамеше», о «все издавшем» шумерском царе, жившем около 2800—2700 лет до новой эры, написанную на аккадском языке:

Имеи малешу, уббиба белешу...

У нассис киммасу эму церишу,

Идди мариутишу, иттальбиша закутишу.

Ацати и ттахлипамма, ракис агухха, —

Гильгамеш агашу и тепрамма —

Ана дунки ша Гильгамеш ина итташи рубушу Иштар.

ЛСП представленного типа имеет пропозит, который является формой выражения категории персональности: пропозит — Гильгамеш, поскольку все повествование представляет собой перечень признаков Гильгамеша по действию и качествам характера, поэтому можно утверждать, что в приведенном ЛСП актуализируется первый блок системы: персональность — обобщенность, который предполагает теснейшую связь философской платформы персоны, его морально-нравственных взглядов с оценкой поступков как своих, так и других персонажей.

ЛСП приведенного типа можно рассматривать, применяя формулы, помогающие показать специфику семантики форм категории персональности.

Формула *ratio physica*. Физический смысл, то есть признаки, характеризующие персону с физиологической стороны как частицу природы:

Имси малешу уббиба белешу...

Унассис киммасу эму церишу,

Идди маршутишу, иттальбиша закутишу.

Эта формула в ЛСП древнего периода всегда выдвигалась на первый план, потому что важным было актуализировать сему «человек» — частица природы».

Формула *φρονεσις*. Практическая мудрость, которая обязательно должна характеризовать персону, выделяя ее при этом как *homo sapiens*:

Имси малешу, уббиба белешу

и т.п., а потом:

Ацати и ттахлипамма, ра́кис агухха
и т.п.

Строки подтверждают, что Гильгамеш был человеком практически мудрым, всегда омывал тело и облачался в соответствующие случаю одежды: одежда — один из факторов успешного ведения дипломатических переговоров.

Формула *κ α τ ο ρ θ ω μ α*. «Высочайшая и непоколебимая мораль» — сема, которая обязательно актуализируется после названных выше, которая всегда отмечается в семантической структуре пропозита ЛСП древнего периода:

Гильгамеш агашу итепрамма —
Ана дунки ша Гильгамеш ина итташи рубущу Иштар.

Персона Гильгамеша предполагает сему «высочайшая и непоколебимая мораль», указанная сема актуализируется в ткани приведенного текста при описании поведения Гильгамеша: он отклонил знаки внимания красавицы Иштар, осуждая ее поступки.

Формула *officium*. Эта формула позволяет актуализировать сему «совершенная обязанность», которая реализуется в семантической структуре рассматриваемого пропозита: Гильгамеш прежде всего осознавал свою обязанность перед государством как шумерский царь. Эта высокая миссия заставляла его строго соблюдать принципы высочайшей морали.

Таким образом, реализация семантических формул в семантике пропозита ЛСП дает возможность наиболее полно раскрыть сложность содержания лингвофилософских категорий, в частности категории персональности, которая тесно связана с категорией обобщенности, а также с категориями темпоральности и пространства.

Т. Ю. Коновалова

Уральский государственный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЛЕКСЕМ *воля и желание* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Концепт как ментальный образ какого-либо явления объективной действительности может быть эксплицирован преимущественно с помощью языка, так как он отражается языком и в какой-то степени создается им. Поскольку не существует методов концептуального анализа, позволяющих добиться абсолютной объективности, необходимо использовать все доступные способы экспликации концепта, как традиционные лексикологические, так и психолингвистические.

тические. Одним из методов концептуального анализа является создание лексикографического портрета, под которым понимается описание слова во всей полноте его семантической характеристики, которая достигается путем постановки лексемы в возможно более широкий круг контекстов. Другой метод — психолингвистический эксперимент позволяет определить психологически реальное значение соответствующего слова с сознании носителей современного языка.

В докладе осуществляется попытка описания концептуального наполнения лексем *воля* и *желание* на основе анализа их синтагматических связей, с учетом этимологии, истории становления лексических значений этих слов, а также психологически реальных значений данных слов для носителей современного русского языка, выявленных в ходе свободного и направленного ассоциативного эксперимента. Выбор для анализа концептов *воли* и *желания* продиктован тем, что эти концепты принадлежат к сфере регуляции человеческой деятельности и являются основополагающими, имеющими широкое осмысление в языке, антропоцентричном по своей природе.

Так, желание осмысливается в языке как основной стимул человеческой деятельности (*захотел — сделал*). Желание является одной из форм непосредственной реакции человека на действительность и находится вне морали. Человек становится субъектом желания спонтанно, без активного участия в этом процессе: он становится перед фактом, что *у него возникло, родилось желание*. Ситуация отсутствия желания у человека воспринимается крайне отрицательно (оппозиты желания — *апатия, депрессия, сытость, бессилие, бездействие*), наличие желания является нормальным состоянием человека. Однако отношения между субъектом и его желанием представляются довольно напряженными, в них могут быть задействованы воля, совесть и разум человека, поскольку, являясь существом разумным и социальным, человек должен контролировать осуществление своих желаний (*поступать вопреки, наперекор своим желаниям*), оценив их с точки зрения личной пользы и общественной морали (*законное, незаконное, аморальное, преступное желание*). Подавленное желание способно мучить своего носителя, напоминая о себе (ср. эпитеты *неодолимое, неукротимое, неуправляемое, неугасающее желание*). В ситуации, когда человек не в состоянии управлять своими желаниями (*у него совсем совести нет, у него слабая воля*), желания, оказываясь более активными участниками взаимоотношений, способны подчинить себе человека (*раб своих желаний*).

Воля же осмысливается в языке как активное начало в человеке, как основной инициатор его деятельности. Если суммировать все

формы осмысления лексемы *воля* в узуальных словосочетаниях, можно прийти к выводу о существовании изоморфизма между наивно языковым представлением о воле и структурой физического понятия *сила*. Как не существует тела, не испытывающего влияния какой-то силы, так не существует и человека, не подверженного действию чьей-либо воли. Основными обобщающими признаками понятий силы и воли являются количественность, возможность сравнения по величине (*сильная, слабая воля*), направленность, способность к векторному сложению (*усилия воли, волевой напор*), единственность (*воля народа*). Однако при помощи воли можно осуществить лишь те желания, которые проходят все инстанции внутреннего контроля, иначе воля может выступать и как блокиратор деятельности (*усилием воли можно заставить себя не делать того, что хочется*). В ходе эксперимента именно эта функция воли становится наиболее значимой, отсюда отрицательная эмоциональная окраска многих образов, возникающих в ходе ассоциативных экспериментов (*танк, бронепоезд, компрессор; комар, паук, споры сибирской язвы*).

Следует отметить, что концепт воли как регулятора человеческой деятельности, очевидно, исчерпывается семантическим пространством лексемы *воля* (более того, данная лексема в другом значении реализует концепт свободы); в то же время концепт желания не «покрывается» семантическим объемом лексем *желание, желать*: в дальнейшем следует привлечь к анализу также синонимы — *хотеть, стремиться*, «метафоры желания» — *жажда, голод* и т. п.

Г. Е. Крейдлин

Российский государственный гуманитарный университет

**ЯЗЫК РУССКИХ ЖЕСТОВ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ:
К ПРОБЛЕМЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ**

Взаимодействие людей в процессе коммуникации представляет собой чрезвычайно интересную тему для комплексного научного исследования. К какой бы области науки ни относил себя ученый, занимающийся анализом этого процесса, он должен прежде всего осознать, что в устном общении люди используют, как правило, не одну, а несколько знаковых систем одновременно. Разумеется, вербальные высказывания здесь оказываются вне конкуренции, однако различные невербальные аспекты семиотического поведения людей: как они сидят или стоят, как ориентируют свое тело по отношению к собеседнику, какие используют эмоциональные знаки, как одеваются и многое другое — также играют решающую роль в общении.

Среди систем невербальной устной коммуникации главной несомненно является язык жестов, мимики и поз или, как его еще называют, язык тела. В докладе обосновывается тезис о том, что русский язык тела, а также все его пространственные и социальные диалекты являются особыми системами, накладывающимися на систему естественного языка.

Невербальные высказывания подчеркивают, уточняют или изменяют значения посылаемых языковых сообщений, а жесты и их последовательности могут обозначать целые ситуации и заменять вербальные элементы в коммуникации, сохраняя содержание текста. Такие жестовые единицы в современных теориях невербальной коммуникации обычно называют *эмблемами*.

Эмблемы противопоставлены *иллюстраторам*, выступающим всегда вместе с речью и служащим для иллюстрации произносимого. Иллюстраторы подчеркивают в сообщении какие-либо слова или выделяют в нем некоторое событие, отображают в действии ритм актуальной речи или ее голосовые особенности, образно передают те формы объектов, о которых говорится в тексте, а также отделяют главное от второстепенного.

В докладе обсуждаются предварительные результаты лингвистического описания примерно 150 основных русских эмблематических жестов, представленных в словарной форме. Особое внимание уделяется отдельным вопросам стратегии и тактики использования построенного словаря для сопоставительного анализа двух семантических систем — русского языка тела и русской фразеологии (фразеологических единиц, построенных на базе жестов).

*Настоящая работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке Research Support Scheme of the OSI/HESP (grant №: 177/1996).

Е. М. Крижановская

Пермский государственный университет

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАУЧНОГО ТЕКСТА КАК РЕЗУЛЬТАТ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

В настоящее время одним из важнейших свойств целого текста, определяющих специфику его функционирования в речи, признается прагматическая направленность. Прагматическая направленность текста воплощается в иерархии прагматических установок. Прагматические установки, т. е. осознанные намерения автора оказать определенное воздействие на адресата, как и другие прагматические характеристики речевого произведения, являются «скрытыми» категориями и, следовательно, трудно поддаются анализу. Поэтому

полагаем целесообразным проводить поиск средств и способов реализации прагматических установок в тексте. Представляется, что в научном тексте прагматические установки соотносятся с коммуникативно-прагматической структурой содержания.

Вслед за В. А. Портянниковым обозначим коммуникативно-прагматическую структуру содержания научного текста как «определенным образом организованное и упорядоченное средствами языка содержание текста в соответствии с коммуникативной целеустановкой авторов и прагматической направленностью текста». По-видимому, коммуникативно-прагматическая структура научного произведения представляет собой систему взаимосвязанных коммуникативно-прагматических блоков — текстовых единиц многоуровневой организации. В свою очередь, коммуникативно-прагматические блоки — это текстовые фрагменты разной протяженности, заключающие в себе определенную долю информации.

Анализ научных статей XVIII—XX вв. по геологии, биологии, радиобиологии, астрономии, истории и информатике позволил выявить такие коммуникативно-прагматические блоки, как «введение темы», «постановка цели и задач исследования», «формулировка проблемы», «выдвижение гипотезы», «прогнозирование», «конечный императив» и некоторые другие.

Как известно, информация в научном тексте является, по существу, скрыто воздействующей, так как в процессе развертывания текста адресату «навязывается» модель действительности, присущая адресанту. В связи с этим можно предположить, что коммуникативно-прагматические блоки, а значит, и коммуникативно-прагматическая структура в целом реализуют функции воздействия и отражают систему прагматических установок автора текста. Коммуникативно-прагматическую структуру научного текста можно рассматривать одновременно и как способ, и как результат реализации прагматических установок автора в зависимости от подхода (динамического или статического) к изучению речевого целого.

Коммуникативно-прагматическая структура характеризуется гибкостью, которая обеспечивается вариантными «наборами» коммуникативно-прагматических блоков в том или ином научном тексте, а также порядком их следования в речевом произведении. Порядок следования текстовых единиц и их набор подчинены авторскому замыслу и диктуются условиями конкретной коммуникации. В частности, в ходе исследования было отмечено, что характер структуры содержания научных статей зависит от их жанра. Например, структура эмпирической статьи (т. е. статьи, содержащей описание какого-либо эксперимента) создается последовательностью следующих коммуникативно-прагматических блоков: «введение темы»,

«формулировка проблемы», «постановка цели и задач исследования», «описание стадий эксперимента», «выдвижение гипотезы», «конечный императив» или «прогнозирование». Обязательными компонентами коммуникативно-прагматической структуры теоретической статьи являются текстовые единицы «введение темы», «постановка цели и задач исследования», «формулировка проблемы», «конечный императив». В структуре же научно-методической статьи весьма условно можно выделить лишь коммуникативно-прагматические блоки «введение темы», «конечный императив» и «прогнозирование».

Т. В. Леонтьева

Уральский государственный университет

КОНЦЕПТ *гордость* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данное исследование содержит попытку концептуального анализа лексем *гордость*, *гордый*, *гордится* в русском языке. Для многостороннего описания концепта были проанализированы значения и типовые связи изучаемых лексем по данным словарей литературного языка, исторических и диалектных словарей, а также результаты психолингвистических экспериментов — ассоциативного и текстового.

Наиболее результативными оказались материалы текстового эксперимента. Испытуемым (100 человек) было предложено 19 контекстов, извлеченных из оригинальных художественных произведений на русском языке, в каждом из которых на месте пропусков следовало вставить какое-либо слово (субституент), удовлетворяющее смыслу предложения и относящееся к сфере морально-этической лексики. Подбирая контексты, мы исходили из того, что лексема *гордость* не имеет полноценных синонимов, однако ее смысловое наполнение перекрещивается со значениями лексем *самоуважение*, *самоуверенность*, *спесивость*, *высокомерие*, *надменность*, *заносчивость*, *себялюбие*, *тщеславие*, *честолюбие*. В контекстах были представлены указанные слова, а в пяти случаях — лексема *гордость*.

Обрабатывая результаты эксперимента, мы попытались восстановить логику появления субституентов, проходя путь, обратный тому, который был проделан испытуемыми. Параллельно с установлением внутритекстовых связей, развертываемых от ближайших к субституенту вплоть до самых отдаленных, были выделены семантические основания для появления субституентов, что позволило в каждом отдельном случае зафиксировать сему, разводящую полученный заместитель с авторским вариантом. таким образом,

целью эксперимента стало выявление ментального образа гордости на фоне лексем ближайших семантических полей.

Обобщим результаты проведенных исследований.

Гордость — продукт человеческого интеллекта, искусственно созданная, выстроенная разумом сущность. Гордость предполагает наличие моральной установки на «правильность» поведения в плане соответствия представлениям о нравственности. Гордость реализуется в поступках. Это некая инстанция, берущая на себя функции совести, регулятор сферы межличностных отношений: «узда», ограничитель, сдерживающий фактор, судья себе и другим. Гордость может выступать в качестве чисто внешней характеристики, тогда ее полноценными заменителями являются *надменность*, *высокомерие*, *заносчивость*. Образ гордости представляется в виде человека. В самом деле, это обширная, комплексная характеристика, содержание которой человек не способен четко уловить, зафиксировать — тем самым она невольно сближается с образом человеческой личности с ее сложной структурой: воля, совесть, нравственность, сдержанность чувств, определенное отношение к людям, фиксация отношения окружающих к человеку, самооценка и т. д. Гордость — это психологическая роль, «человек в человеке», «выдуманый» способ поведения, что, с нашей точки зрения, и является причиной некоторой «искусственности» концепта *гордость*.

Человек склонен осуществлять «ранжирование» гордости, которое представляет собой выбор между мерой и чрезмерностью. «Истинной» оказывается «гордость в меру», понимаемая как чувство собственного достоинства; такая гордость балансирует на грани человеческих взаимоотношений (оскорбление / неоскорбление). Гордый человек и, с другой стороны, «все остальные» встают в позицию враждебности, оценивая себя и друг друга, в результате чего двунаправленными оказываются эмоции: презрение, уважение, восхищение.

Гордость — приобретаемое качество человека. Если гордость (воспринимаемая в данном случае как чувство собственного достоинства) возникает вследствие неудач, то она окружается ореолом величия и жертвенности. Если же гордость (= чувство удовлетворенности) является результатом удач, успеха, то она сближается с эмоцией.

Принципиально важным для изучаемой лексики оказывается существование множества близких понятий, которые представляются синонимичными ей, но в то же время гордость отлична от них. Человек пытается найти ей место среди прочих морально-этических понятий через соотнесение с ними. *Гордыня* оценивается как чрезмерное проявление гордости и одновременно ее антоним. *Спесь* так

же выдвигается в качестве оппозита гордости, взяв на себя ее отрицательное содержание, аналогичное *заносчивости*. *Внутренняя независимость* провозглашается как один из принципов гордого человека, хотя внешнее поведение лишено свободы выражения чувств. *Самолюбие* — двигатель при совершении гордых поступков; *самовлюбленность* непоказательна для гордости. Гордость разводит-ся с *честолюбием* и *тщеславием* на том основании, что она являет собой идею, изначально лишенную цели, завершения; важно постоянно проявления качества. Гордость — «внутреннее» качество. *Чувство собственного достоинства* и *самоуважение* наиболее четко отражают сущность гордости, однако они сужают это понятие, так как не включают сему поступка.

Т. А. Лисицина

Новгородский государственный университет

«ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ» НА РУБЕЖЕ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: КОНЦЕПТ И ТЕРМИН

В разных этнокультурах понятие «творческая личность» обозначается словами, мера «духовного» и «профессионально-технического» содержания которых далеко не равны (ср. англ. writer — author, нем. Dichter — Schriftsteller). Характер содержания существующих в русском языке обозначений также неодинаков. Они трансформировались в истории русской культуры. Определяющей в формировании концепта стала эпоха рубежа XVIII—XIX вв.

Для обозначения «творческой личности» используются слова *художник*, *искусник*, *мастер*, *писатель*, *творец*, позднее к ним присоединяются новозаимствованные *автор* и *артист*. Безусловно влияние немецкого и французского концептов на развитие соответствующего понятия в русском (ср. нем. der Meister, der Kustler, франц. l'maitre, l'auteur, l'artist). Основное содержание семантического развития имевшихся в русском языке обозначений — гиперонимизация значения, сопровождающаяся семантической дифференциацией: *художник* — «искусник», *мастер* — «искусник», *художник* — «писатель». Так, *мастер* вырастает из типичной формулы «мастер каких-л. дел», где обозначает «умелого практика», затем «профессионала высокого класса» и «создателя высших художественных ценностей». Развитие гиперонимического значения идет по нескольким направлениям: *мастер* — «учитель» — «наставник», *мастер* — «искусник», *мастер* — «художник» — «артист». Аналогично семантическое развитие слова *художник*: «художных дел мастер» → «человек, занимающийся творческим трудом в области свободных искусств» → «представитель изящных

искусств» → «творческая личность». Обозначения *художник* — *артист*, *автор* — *сочинитель* — *творец* конкурируют между собой.

На рубеже XVIII-XIX вв. окончательно формируется профессионализм художественного творчества. Активное внедрение оценок в творческий труд приводит к формированию градационной шкалы, отражающе социокультурный статус творческой личности в общественном сознании русских (напр.: *художник* — *живописец* — *рисовальщик* — *маляр* — *маратель* — *вохротер*). Конец XVIII в. ознаменовался существенным повышением статуса поэта в русском культурном сознании как нового актуального типа общественного творческого деятеля: поэты и писатели Екатерининской эпохи стоят рядом с художниками на вершине «изящных искусств» как «живописцы воображений и граций».

Важна тенденция ко все большему различению художников не по уровню профессионального мастерства, но по духовному наполнению творчества, его целям. Определяющим для русского обозначения становится признание «высокой духовности творчества»: *художник* — это не профессия, а призвание. Творчество рассматривается как поведение, как форма жизни, как судьба.

Новый тип творческой личности осмысливается русским культурным сознанием на базе понятий «гений» (лат. *genius*, фр. *genie*) и «талант» (нем. *das Talent*, фр. *talent*). К началу пушкинской эпохи уже формируется концепция гениальности. Каждая национальная культура по-своему интерпретировала содержание этого концепта. Самую существенную роль в этих процессах играют языковые формы. Для оценки высокого уровня профессионального мастерства и творческого отношения к делу в русском широко используется слово *дарование* (с синонимом *способности*). Являясь центральным словом поля концепта, образуемого комплексом соотносительных обозначений (*дарование*, *способности*, *ум*, *дух*, *рассудок*, *склонность*, *чрезвычайный/великий человек*), *дарование* соединяет в себе два понятия — «гений» и «талант». В этой слиянности «гения» и «таланта» очевидно тяготение к характеристике второго понятия как социально обусловленного, т. е. внешнего, поддающегося общественной оценке, и подчинение ему первого как внутреннего качества, природной склонности, не подчиняющейся социальному заказу.

Поначалу *гений* в сознании русских — это составляющая личности наряду с *характером* (чувствованием, склонностями). Слово лишено высокой положительной семантики и обозначает «ум», «рассудок»: *обнаруживать гений*, *иметь гений*, *получить гений* и *че-му-л.* Постепенно содержание слова маркируется и требует для

своего выражения определения *великий*: из нейтральной характеристики гений превращается в исключительную черту, свойственную очень немногим личностям. Если для немцев и французов главным в природе «гения» становится «некий пророческий тип мышления» (Д. Дидро), «великий дух» (Гете), то в русском сознании «гений» — созидательная сила человеческого воображения, венчающая чрезвычайную способность: «гений — парадоксов друг» (А. С. Пушкин).

Глубинный анализ культурного контекста, в котором вызревает феномен Пушкина, не только приближает нас к объективному раскрытию специфики его творчества, но ведет к мотивированному объяснению важнейшего национального концепта — «русский гений».

О. А. Маркасова

Новосибирский государственный педагогический университет

ПРОЯВЛЕНИЕ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ В ГРУППЕ РЕЧЕВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Современная лингвистика в последние десятилетия внесла в число актуальных проблем исследование прагматического потенциала диалогических единств или изолированных конструкций с прямой речью (КПР).

КПР представляются в научной литературе как двухчастная конструкция, состоящая из реплики и авторской группы речевого сопровождения (ГРС), эта бинарность очевидна из специфического оформления данной синтаксической единицы. Каждая из составляющих таких конструкций может являться отдельным объектом лингвистического изучения, так как неоднородна, многоаспектна.

Так, ГРС несут комплексы смыслов, выражающих информацию о персонажах художественного текста. Это объективная часть высказывания — диктум. Но кроме того, для ГРС характерен и ряд модусных категорий (субъективный компонент смысла). В норме модус имплицитен, как и в других нормативных высказываниях, эксплицируется же в следующих же в следующих категориях модуса.

1. Метакатегории.

1. Смысл коммуникативных намерений. смысл говорения, как правило, берет на себя автор. Он может констатировать процесс речи персонажа или комментировать его. Существуют исключения, когда смысл коммуникативных намерений ненормативно эксплицируется в реплике.

2. Мотивированность. Автор может указывать на обязательность, заданность реплики персонажа: *На это она не могла не ответить: Буду ждать* (Д. Котов).

3. Смысл речевого жанра. В ГРС может быть представлена словформа, обозначающая жанр, дающая ему «имя»: — *А мы вас уже ждали, — приветствовала их Ирина...* (М. Наумов).

Жанровые ограничения выражаются и косвенно: — *...А вы не хотите мне что-нибудь еще сообщить, миссис? — Что угодно, кроме своего возраста, — улыбнулась она.* (Р. Макдональд).

В последнем случае ГРС выполняет следующую задачу («Как связующее звено» между репликами коммуникантов): выражает реакцию на предстоящую беседу и приятного собеседника, а также установление рамок официальной беседы, то есть ГРС в сочетании с репликой функционируют в «режиме запрета».

Речевые жанры, презентация которых осуществляется в ГРС, имеют дифференцированное оформление. Например, в «межпозиции» наиболее частотна актуализация жанров запрета, угрозы, поощрения.

II. Актуализационные категории.

Проявляются в синтаксическом времени, в реальности/ирреальности действия (автор утверждает очевидность или предполагает должествование факта, отмеченного в реплике героя). Но самой яркой категорией данного типа, организующей наряду с другими языковыми и речевыми единицами авторскую «партию» в полифонии художественного целого, является категория лица, так как авторская конструкция сама является «блуждающим значением предикативности» («я-высказывание» или «мы-высказывание» меняет точку отсчета в дейксисе текста, перераспределяет смысловые нагрузки между репликой и ГРС, перемещает автора, перевоплощая его то в наблюдателя, то в рассказчика и пр.).

III. Кваликативные категории.

1. Авторизация. Это категория, обусловленная самими задачами прямой речи. Автор дает четкую ролевую организацию текста, где маркируется любое неавторское высказывание, рожденное в «языковой игре».

2. Персуазивность. Субъективность в оценке события в целом или достоверности реплики может быть вербализована в словах автора при помощи модальных слов (*может быть, вероятно, конечно, кажется* и т. д.), а также путем выбора наиболее точного в семантическом плане глагольного ядра ГРС (см.: *сказал, утверждал, предполагал* и пр.).

IV. Социальные категории.

Автор, организуя ролевые отношения героев-собеседников в художественном тексте, демонстрирует социальный или личностный уровень собеседников:

↓ *...Обе [женщины] враз зарычали на Гуляева: — Чего вам?*

↑ — Мне бы елку... — начал Гуляев, с ненавистью в себе ощущая, как неотвратимо сползает на жалостно-молящее виноватое поскуливание, — елочку бы мне... (М. Наумов).

Писатель выбирает из широкого спектра глагольной лексики такой языковой знак, с помощью которого можно маркировать социальный статус каждого из коммуникантов. Социальное неравенство, отражаемое в тексте, базируется на экстралингвистических факторах установления взаимоотношений людей. В текстовом воплощении проявляются градуальные оппозиции («свой-чужой»), возрастная дифференциация коммуникантов, официальные отношения, половые различия. При этом учитываются этикетные нормы в рамках определенной культурной традиции, среды. Это также находит свое воплощение в «строительстве» ГРС.

Типология модусных категорий, воплощенных в ГРС, не должна рассматриваться как закрытая структура. Глубинность конструкций с точки зрения субъективной стороны высказывания сегодня очевидна, поэтому модусный анализ ГРС — шаг к полному описанию позиции автора в КПП и целом тексте.

В. А. Мишланов

Пермский государственный университет

К ПРОБЛЕМЕ НРАВСТВЕННОЙ МОТИВАЦИИ СЛОВА

Всякое новое слово семантически мотивировано (обозначает некоторую идею и своей внешней формой отражает связь со значением исходных слов), при этом, как правило, оно появляется в результате выбора из многих «поэтических» альтернатив, данных в конкретно-чувственных образах предмета (этот выбор определяется как «первоначальное впечатление», «внутренняя форма слова»).

В некоторых случаях мы можем говорить не только о поэтическом, но и о нравственном выборе, о нравственной мотивации слова. Ясно, что связь некоторого языкового выражения с первоначальными представлениями о добре и зле может быть обнаружена только у слов духовной (ментальной) семантической сферы.

Фонетические и семантические изменения, взаимодействие и слияние культур, известная унификация форм духовной деятельности приводят к коренным изменениям в соотношении членораздельного звука и смысла. Тем не менее сравнительные этимологические исследования, ведущиеся давно и достаточно успешно, дают богатейший материал для изучения процессов интеллектуальной и языковой эволюции и реконструкции духовного мира древних этносов.

Поясним сказанное на примере таких альтернативных языковых

номинаций, которые связаны с базовыми семантическими категориями, во многом определяющими миропонимание того или иного этноса, а именно: *быть* — *иметь*, *свобода* — *воля*, *спасти* — *избавить*, *совесть* — *стыд*.

Как известно, по способу выражения принадлежности языки делятся на типы *habeo* и *esse*. К языкам первой группы относятся, например, английский, немецкий, персидский, из славянских — польский и другие западные. Русский язык, как и праславянский, принадлежит к типу *быть*-языков. Ср.: *У меня есть брат* и *Matr brata, Ich habe einen Bruder*.

Имеет ли выбор модели отношение к нравственным категориям? Мы полагаем, что имеет, ибо эти способы обозначения посессивности отражают различное понимание отношения «Я — Другие» («Я — Мир»), лежащего в основе «языковой картины мира», и, в частности, такие представления о сущности «обладания-принадлежности», которые, как кажется, по-разному локализуются на аксиологической шкале.

Языки переходят чаще в тип *habeo*, в чем мы видим смещение нравственных ориентиров под влиянием рационалистской и прагматической тенденции в мировоззрении нового времени.

Миропонимание, определяющее выбор синтаксических моделей с глаголом *иметь* или *быть*, находит отражение в лексике, обуславливая (мотивируя) способы номинации многих понятий духовной сферы.

Синонимия слов *свобода* и *воля* — явление позднейшее, возникшее вследствие стирания первообразного мотива. Если верно, что слово *свобода* заключало в себе первоначально идею внутренней самобытности, индивидуальности, «свойственности» (праслав. *svoboda* — «свобода» связано с церк.-слав. *свобѣство*, *собѣство* — «персона», где **svobъ* от *svojъ*... — М. Фасмер), то мы вполне можем исходить из предположения, что само это понятие возникает и развивается под влиянием нравственного императива, не допускающего вторжения в область другого *его*. Внутренняя форма слова *воля* (от *велеть*), свидетельствует об ином нравственном основании номинации, об иных ориентирах, определяющих отношения человека с ближними, ибо одно дело — заботиться о сохранении своего индивидуального мира, и совсем другое дело — вторгаться в индивидуальность ближнего, пытаясь изменить ее по своей мерке. Сравнимые мотивации имеют разные модальности («экспансионистский» модус воли и «пацифистский» модус свободы).

В русском православии одним из краеугольных камней вероучений является идея спасения, а слова *Съпаситель*, *Съпасъ* чаще всего используются в качестве имени Господа. индоевропейский ко

рень **pas-* в праславянском имел значение вполне сохраняющееся в современных словах *пасти, пастух* («кормить», «охранять»). В близком значении в русском языке используется и глагол *избавить*, являющийся каузативом от *избыть*, т. е. буквально значащий «заставить не-быть». Таким образом, и в этом случае идея, мотивирующая выбор имени, также связана с «модусом воли» (не охранить самобытность, целостность чего-то, а уничтожить внешнюю силу, этой целостности угрожающую). Обратим внимание в связи с этим, что польский язык (*miejszyk*) выбрал имя *Zbawiciel*.

Происхождение слов *совесть* и *стыд*, конечно, не связано с рассмотренным выше семантическим противопоставлением, однако и здесь есть некоторые основания говорить о различиях в нравственной мотивации. Слово *совесть*, пришедшее в наш язык из церк.-сл. Библии, по значению, не равно праславянскому *стыд*, но во многих контекстах эти слова могут считаться синонимичными. Обратим внимание на связь библейского варианта с понятием «знание» (*conscientia, съ-вѣсть, съ-вѣданіе*; как сказано у Екклезиаста, «умножающий познания умножает скорбь»). Только знание о добре и зле (со-знание, знание, разделенное с другими) способно побудить в человеке нравственное чувство, родственное тому, что издревле называлось у славян метафорой *стыд (студь)*.

Т. Н. Плюскина

Пермский государственный педагогический университет

ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ АВТОРСКОЙ ГИПОТЕЗЫ И ГИПОТЕЗЫ ОППОНЕНТА В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Одной из основных функций творческого мышления является постановка и решение проблемных задач. В этом научно-познавательном процессе существенную роль играет авторская гипотеза. Она же, как показывают исследования, являясь одной из форм выражения гипотетического знания, формирует динамику текста. Авторская гипотеза становится ядром научного произведения. В тексте эксплицируются основные этапы ее формирования, становления, доказательства и пути ее экспериментальной проверки. Гипотеза, отражая динамику мышления ученого в ходе решения проблемы, объединяет на текстовой плоскости всю систему языковых средств (от лексических до текстовых) выражения гипотетического знания, структурно и содержательно организует текст.

Однако авторская гипотеза не единственная форма выражения гипотетического знания. Оно может быть эксплицировано в тексте «через гипотезу» другого исследователя (не автор текста) или даже «через гипотезу» оппонента. Гипотеза оппонента, представленная

автором текста, хотя и в меньшей степени и в сжатом виде, тоже может эксплицировать в научном тексте этапы выдвижения, построения и доказательства гипотезы. Гипотеза оппонента обычно включается автором в общую систему его рассуждения, но так же, как и гипотеза автора, она может быть структурно-смысловым стержнем научного текста критико-аналитического характера или текста, посвященного опровержению какой-либо гипотетической «теории».

Гипотеза оппонента может вступать в различные отношения с основной гипотезой автора: возможно как их столкновение, так и слияние, синтез в единую гипотетическую систему.

Наиболее типичными и значимыми для научного текста в плане доказательства гипотетического знания автора и для динамики развертывания текста являются случаи прямого столкновения различных точек зрения — автора и оппонента. Это проявляется и в процессе доказательства гипотезы и особенно в дискуссионных частях текста. Нередко автор, эксплицируя гипотезу оппонента и выражая сомнение в ее истинности, подчеркивает проблемность вопроса (при этом можно видеть экспликацию фаз когнитивной деятельности: «проблемная ситуация», «выражение гипотезы», «неадекватное решение проблемы», «блокада»). Дальнейшее же развертывание текста отражает поиск другого варианта решения этой проблемы (часто на основе опровержения гипотезы оппонента). Таким образом, автор не только опровергает гипотезу оппонента, но и «строит» свою, которую пытается обосновать, доказать. Значительно чаще гипотеза оппонента гармонично включается в систему авторского рассуждения лишь как частный элемент, противопоставление с которой ярче подчеркивает правильность точки зрения автора. Для этих целей в языке выработан целый комплекс средств, позволяющих либо подчеркнуть согласие, либо выразить сомнение в достоверности мнения оппонента, либо просто сослаться на другого исследователя без проявления своего отношения, сняв тем самым с себя ответственность за точность, достоверность суждения.

В научном тексте можно видеть и процесс слияния, синтеза гипотез автора и другого исследователя, когда автор использует гипотезу какого-либо ученого как основу своей, что наблюдается в случаях, когда гипотезы автора и оппонента частично совпадают или ранее кажушиеся несовместимыми точки зрения автора и оппонента предстают в виде единой гипотетической системы.

Говоря о лингвистических средствах выражения авторской гипотезы и гипотезы оппонента, можно отметить, что они в большинстве случаев используют одни и те же языковые средства. В то же время можно говорить и о своеобразной специализации некоторых средств

— есть языковые средства, свойственные исключительно выражению гипотезы автора (напр.: *нам думается, по нашему мнению, насколько нам известно* и др.) или только выражению гипотезы оппонента или другого исследователя (напр.: *по мнению..., по словам..., как считает..., дескать, мол, будто* — в значении «якобы» и др.).

Особенности экспликации гипотезы в научном тексте обусловлены не только спецификой научного мышления, но и целями коммуникации в соответствующей сфере общения на текстовом уровне. Именно на текстовом уровне языковые средства выражения гипотезы выступают как целостная система, позволяющая эксплицировать гипотетическое знание в процессе коммуникации.

И. В. Родина

Уральский государственный университет

**ЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
В СВЕТЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА**

На наш взгляд, семантические теории Л. Витгенштейна, родоначальника западной философии языка XX в., а также идеи Фреге и Рассела, на которые они опирались, могут служить плодотворной методологической базой для современных исследований лексической и синтаксической семантики. Актуальность обращения к философии семантики Витгенштейна в лингвистических исследованиях возросла в последнее десятилетие в связи с развитием семантического синтаксиса и логико-структурного подхода к исследованию лексического значения, когда определилось направление, сближающее подходы к изучению значения предложения и слова. Это обусловливается также необходимостью соотносить семантические исследования с нуждами информатики и проблемами искусственного интеллекта, развитием кибернетической лингвистики.

Основные тезисы философии языка Витгенштейна, которые могут стать отправными точками таких исследований являются положения (1) о предложении как образе факта, (2) о логической структуре как основе такого образа, (3) положение о значении дескриптивных выражений Б. Рассела, перенятое Витгенштейном, и положение Витгенштейна о символах — знаках, обладающих смыслом. Взгляд Витгенштейна на языковую картину мира, отображающую прежде всего логические отношения элементов мира, представляется эффективной методологической основой исследования языковой картины мира естественного языка. В этом смысле важно и то, что Витгенштейн считал для языка возможным отображать (или описывать) внешний по отношению к человеку мир, и то, что это опи-

сание строится прежде всего на восприятии самим человеком этих отношений, так как наличие между двумя объектами определенных логических отношений (тождества, родо-видовых, причинных и др.) есть результат оценки этих отношений как таковых, есть факт человеческого сознания. Трактовка отношений действительности в языковой картине мира может быть как истинной, так и ложной по отношению к реальному положению дел, но она фиксируется в языке, составляет содержание высказывания.

Специализированной языковой формой для выражения отношений служит предложение. Однако любое состоявшееся предложение (актуализированное высказывание) есть факт языковой картины мира отдельного человека, и оценка тех или иных отношений между объектами является по существу индивидуальной оценкой: например, в предложении *Эти цветы погибли от холода* говорящий связывает два явления (холода и гибели) каузальными отношениями в силу своей оценки происходящего. Нам же представляется наиболее интересным исследовать с этих позиции такие языковые формы, в которых фиксация оценки отношений явлений действительности закреплена в языке, становится объективной данностью языковой семантики и, следовательно, отражает представления не индивидуального, а общественного сознания носителей определенного языка. Совокупность значений слов, фиксирующих представления об отношениях явлений действительности создает определенный информационный фон и систему критериев оценок отношений реального мира в сознании говорящих на данном языке людей, создает основу национального менталитета.

Слова с релятивным значением имеют специфическую референцию. С общепринятой в отечественной лингвистике точки зрения, простое предложение определяется наличием предикативной основы и, таким образом, содержит описание одной ситуации. Сложное предложение, как и сложное высказывание в логике, содержит описание как минимум двух ситуаций, связанных определенными логико-семантическими отношениями. Согласно теории дескрипций слова, значение которых может быть дано описательно, т. е. обладающих понятийным значением (коннотативных у Милля, обладающих смыслом у Фреге, сигнификативным значением в терминах современной семантики) относятся к знакам с дескриптивным значением, т. е. предложениям.

Современная лингвистика все настойчивее заявляет о возможности семантики слова по информативному потенциалу быть адекватной семантике предложения, не только простого, но и сложного (А. А. Уфимцева, Ю. Н. Караулов), возможности отражения в значении слова логических отношений (Ю. Н. Караулов).

Именно исследование глагольной семантики отвечает, на наш взгляд, духу динамического понимания картины мира в семантической теории Витгенштейна — изучение языковых средств с семантикой отношения дает возможность понять сущность и особенности представлений о логико-семантических отношениях элементов действительности. Центральным компонентом значения любого глагольного слова является значение отношения в самом широком, логическом смысле — функции. Глагол является основой описания микроситуации, атомарного факта — простого предложения. Принимаемые к рассмотрению лексемы являются символами в понимании Витгенштейна. Изучается их сигнификат (смысл), возможный только в определенном типе контекста (лексико-семантическом варианте).

Наличие в значении слова фиксации логико-семантических отношений определяется методом логического анализа дескрипции их словарной дефиниции, которая в данном случае рассматривается как синтагма — часть высказывания. Дескрипция в этом случае сводится (редуцируется) к логической структуре описания ситуации логических отношений и может быть описана средствами языка символической логики.

Л. В. Савинич

Институт проблем передачи информации РАН

ПРИЕМЫ ЭЗОПОВА ЯЗЫКА В ЕСТЕСТВЕННО-ЯЗЫКОВОЙ ИЕРАРХИИ

Явление эзопова языка, возникшее в глубокой древности, активно использовавшееся в различные исторические периоды и не устаревшие до настоящего времени, представляет несомненный интерес для исследования.

Языковая система, располагающая разнообразными парадигматическими связями, позволяющими замещать языковые единицы на соответствующих уровнях языковой системы, а также предоставляющая возможности переноса значений, — предопределяет способы создания эзоповского иносказания.

1. *Лексическая парадигматика в формировании эзопова языка.* На лексическом уровне эзопов язык широко использует синонимические отношения. В основном в подцензурной печати фигурируют контекстуально-речевые синонимы. По степени синонимичности их нельзя назвать полными или даже частичными. По выполняемой ими функции эти синонимы по преимуществу семантические, с разной степенью семантической близости, с привнесленным оттенком индивидуально-авторского осмысления.

Близко к указанному способу примыкает другой, который основывается на переосмыслении или чисто условном закреплении за общеупотребительной лексикой — в целях конспирации — определенных (условных) значений. Речь идет об использовании «значимых» слов, «значимых» терминов, так называемого словесного шифра. [Все способы эзоповского иносказания в докладе иллюстрируются примерами].

2. *Синтаксическая парадигматика в формировании эзопова языка.* По принципу семантической общности могут взаимозаменяться и более крупные языковые структуры, связанные между собой отношениями перифразы.

В целях эзоповского иносказания могут использоваться и вопросительные предложения, которые в своих вторичных функциях ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, всегда экспрессивно окрашенной. К таким вопросительным предложениям относится риторический вопрос. Отличительная черта его состоит в условности этой формы, т. е. в употреблении вопросительной интонации там, где по смыслу она не требуется. Поэтому ответ, который формально должен последовать, потенциально содержится в самом вопросе или, по крайней мере, риторический вопрос наталкивает читателя на нужное заключение.

3. *Стилистические приемы эзопова языка.* К ним относятся прежде всего ирония, которая, благодаря особенностям построения речи, также способна создавать семантическую двуплановость изложения. В подцензурной литературе использовались различные формы иронии: ироническая похвала, ироническая оценка, ироническое порицание, ироническое отрицание.

Своеобразным приемом является нарочитое изменение автором стиля повествования с целью придать благовидность, благожелательность всему изложению, чтобы самым тоном высказывания, порой откровенно верноподданническим, подчеркнуть свою лояльность или приверженность официальной политике.

В ряде случаев авторы придавали своему изложению нарочито академический, отвлеченный характер. Беспристрастность отвлеченных рассуждений надежно скрывала от цензуры позицию литераторов в том или ином вопросе. Отвлеченность изложения придавала проблемам характер обобщений.

4. *Тропические средства эзопова языка.* Кроме перечисленных выше, эзопов язык располагает имеющимися в самой структуре языка средствами художественной выразительности, которые основаны на употреблении слов, оборотов в переносном значении, — различными тропами: метонимией, метафорой, аллегорией, параболой и аналогией, которые подробно рассматриваются в настоящем докладе.

5. *Композиционные приемы эзопова языка.* Исследователями традиционно выделяется группа композиционных приемов, использующих для создания второго семантического плана изложения в целях эзоповского иносказания различные структурные компоненты текста. К ним относятся:

— введение различных компонентов из других текстов (цитаты, эпиграфы и др.);

— опускание частей основного текста (так называемая (фигура умолчания», или эллипсис, предложенный нами прием «открытого ряда»);

— усложнение всей композиции художественного произведения в передаче подтекста.

Г. А. Толкачев

Уральский государственный университет

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ВОРОВСКОМ АРГО

Объектом анализа стали три группы арготических наименований человека — названия воров, их «жертв» и сотрудников правоохранительных органов, извлеченные из 19 специализированных словарей арготической и жаргонной лексики русского языка.

При образовании единиц воровского арго активно используется как прямой способ номинации (ср.: *берданочник* — «поездной вор» ← *берданка* — «вагон, платформа», *колодняк* — «начальник отделения милиции» ← *колодки* — «деревянное приспособление, надевавшееся на ноги арестантам», *очкист* — «вор, совершающий кражу денег через окошки касс» ← *очко* — «окно, форточка и т.п.), так и опосредованный, реализуемый посредством метонимии (*копытчик* — «скотокрад», *погон* — «милиционер», *шпора* — «жандарм»), а также метафоры (*гуся* — «тот, у кого воруют», *копна* «пожилая воровка», *кочерга* — «милиционер» и т.п.).

Говоря о метафоре как весьма продуктивном способе номинации человека в русском воровском арго, следует отметить, что наиболее распространены метафорические наименования жертв воровского «ремесла» и сотрудников правоохранительных органов, в меньшей степени они характерны для номинации самих воров. Данное обстоятельство объясняется тем, что себе подобных вор называет *людьми, своими*, а потому не находит нужным осмыслять их через образы животных, бытовых предметов и т.п. Арготическая метафора системна, при этом идеография таких метафор помогает выявить особенности картины мира носителей арго. Например, для номинации авторитетных воров используются образы благородных хищ-

ных животных (*барс, волк, леопард, лиса, рысь*), для обозначения жертв воров задействуются образы «глупых» животных, таких, как *гусь, сазан, тюлень*. Что касается наименований сотрудников правоохранительных органов, то среди них широко распространены названия собак (*бобик, боксер, борзой, дружок, легавый, пес*), нечистой силы (*антихрист, дух, дьявол, сатана, черт*), инструментов (*колун, копач, кочерга, метелка*), птиц (*коршун, кукушка, петух, скворец, соловей, сова, сыч, филин*; при этом образы певчих птиц используются для характеристики постовых милиционеров, образы ночных птиц — сыщиков).

Арготическая метафора нередко становится игровой (т. е. предполагает игровое переосмысление — зачастую ироничное — соответствующего слова литературного языка), ср.: *мичуринец* — «вор сельскохозяйственных продуктов», *рыбак* — «ворующий у отдыхающих на пляже», *челюскинец* — «вор-одиночка». Распространенность языковой игры содействует созданию шифровального эффекта, необходимого для арготической номинации.

Для получения шифровального эффекта носитель арго иногда создает номинативные дублеты, «конспирирующие» исходное наименование путем тематической перекодировки, ср.: *пес* — «милиционер» → *песец, песок* «тоже», *легавый* — «милиционер, жан-дарм, сыщик» → *лягаш, лягушка* → *жаба* — «то же». Отметим, что образ жабы может возникнуть не только путем развития «лягушачьей темы»: в основу наименования, возможно, положен признак «пучеглазости», что актуально для названий работников сыска, или же способность жабы ловить мелких насекомых, ср. *мухолов* — «сотрудник уголовного розыска»).

Эту же цель (зашифровывание информации) преследуют также ономасиологические приемы, которые представляют собой игровые манипуляции с именами собственными. Во-первых, может происходить трансформация имени нарицательного в «квази-собственное», ср. *буфетник* → *Буфетников* — «ворующий из столовых и буфетов», *портянка* → *Портянкин* — «мелкий вор», *финажник* → *Финажкин* — «ворующий деньги». Во-вторых, используется апелляция собственного имени, ср. именования жертв преступления — *Ванек, Володя, Миша*; обозначения милиционеров — *дядя Митя, Семен, Сережа, Иван Иванович*. Ситуация использования собственного имени в качестве нарицательного «обманывает» слушателя, стремящегося увидеть за ономой конкретного человека.

Таким образом, ономасиологические ресурсы арго нередко направлены на создание шифровального эффекта и выражение экспрессии.

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОХВАЛЫ
И КОМПЛИМЕНТА**

Исследование эмоционально-оценочных речевых актов предполагает описание семантической структуры высказывания, в которую входят: оценивающий субъект, оценочный предикат, объект и основание оценки (Е. М. Вольф). Если основание оценки и отдельные типы предикатов рассматриваются в русле лексикологических работ, то субъект оценки — величина практически неизвестная и, безусловно, важная для антропоцентрического направления лингвистики. Именно в высказывании проявляются вербально-ассоциативные, когнитивные и мотивационные особенности языковой личности.

Предметом настоящего исследования являются эмоционально-оценочные высказывания — похвала и комплимент, занимающие центральное место в системе положительных оценочных речевых жанров, которые специально не рассматривались (внимание лингвистов сосредоточено на отрицательных оценочных значениях и способах их языкового представления), хотя важность положительных речевых действий в процессе коммуникации трудно переоценить.

Будучи близкими по выражаемой положительной оценке (разная степень одобрения), эти речевые акты тем не менее имеют и специфические черты.

1. Оценочные высказывания характеризуются сложным интенциональным рисунком: в ряде случаев оценочная семантика сочетается с другими смысловыми элементами, будучи для них производящей или же, напротив, вытекающей из них. Так, похвала, кроме «одобрения чьих-либо достоинств и заслуг», обычно стимулирует продолжение желательного действия, способствует формированию самооценки субъекта, влияет на его эмоциональное состояние и на взаимоотношения коммуникантов. Комплимент же является прежде всего «лестным замечанием в адрес кого-л., высказыванием, целью которого будет сделать человеку приятное». Эти основные цели речевых актов могут осложняться дополнительными интенциями, которые в определенных коммуникативных ситуациях могут стать ведущими. Очевидно, что будет выделяться целый блок высказываний так называемого переходного типа, в которых присутствуют признаки похвалы, и комплимента.

2. Следующим существенным отличием в смысловой структуре этих эмоционально-оценочных высказываний является объект оцен-

ки. Ср.: похвалить можно за что-то, сделанное человеком, или за то, что от него зависит, тогда как комплимент говорят чему-то, чем обладает оцениваемое лицо.. Хотя следует отметить, что говорящий комплименты зачастую преднамеренно не замечает усилий, прилагаемых собеседником, создает иллюзию, что отмечаемые достоинства не есть результат упорного труда. Это одно из негласных условий игры.

3. Оба типа эмоционально-оценочных высказываний могут быть охарактеризованы как имеющие особые формы языкового воплощения. Так, маркерами похвалы являются оценочные предикаты *молодец, молодчина, умница, гигант, ас, титан, хороший, замечательный, прекрасный* (последние прилагательные характерны и для комплимента), а также особые эмотивные конструкции и показатели коммуникативных намерений говорящего *хвалить, похвалить*. Комплимент же часто отличается замысловатой, нестандартной формой, склонен к гиперболизации достоинств адресата. Комплимент — особое речевое действие, в котором не в последнюю очередь проявляются языковые и психологические черты личности, демонстрируется языковая и коммуникативная компетентность человека.

4. Взаимоотношения говорящего субъекта и адресата в коммуникативной ситуации комплимента и похвалы имеют общие черты: оба типа оценочных высказываний типичны в случае равноправных отношений между собеседниками или же реализуются, когда автор хвалебного замечания по каким-либо параметрам занимает более высокую позицию.

5. Если же говорить об ожидаемой, типичной реакции адресата, то в случае похвалы говорящий рассчитывает, помимо эмоционального воздействия, установления определенных отношений и др., на продолжение действий, вызвавших одобрительную реакцию. А нормальной реакцией на комплимент, видимо, является благодарность за «приятный, лестный отзыв о чем-, ком-л.» «Непонимание или отрицание комплимента является признаком глубинного невроза» (К. Хорни).

Поскольку говорящие в большей степени ориентированы на выявление и оценочное фиксирование отрицательного (вспомним, насколько богаче отрицательный эмоционально-оценочный словарь языка), постольку особую значимость в процессе коммуникации приобретает умение увидеть и отметить нечто положительное в собеседнике. Выявление коммуникативных стратегий и языкового представления подобных высказываний есть способ экспликации существенных характеристик языковой личности.

Секция 5. ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Р. Д. Антонова

Казанский государственный педагогический университет

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В поэтическом тексте ритмическое, звуковое и музыкальное оформление особенно важно. Эти характеристики буквально размывают границы языка и границы культуры при живом чтении. Мысли поэта воспринимаются ярче, слушатель глубже проникает в суть текста. Здесь выступает на первый план культура устной речи, которая, безусловно, зависит от заданного автором текста и от его просодических возможностей.

Нами для фонографического исполнения были предложены ранние стихи Е. А. Боратынского. Результаты последующего аудиторского анализа привели к довольно интересным лингвистическим и своеобразным текстовым размышлениям. Высветилась культура самовыражения автора, культура диалога автора с читателем, культура авторского монолога.

Поэзия Е. А. Боратынского индивидуальна по своей сущности и довольно оригинальна по языковому своеобразию. Его поэтическому герою присуща восклицательная интонация. Это отмечают все аудиторы независимо от социальной и возрастной принадлежности. Такая интонация определяется Е. А. Брызгуновой как конструкция типа ИК-2. В русской речи она свойственна предложениям с вопросительным и побудительным словом, когда выражается требование, повеление, приказ, напр.: *Выдь, дохни нам упоеньем; Оживи и озари...*; *Что, в пору ту...*

В стихотворении «Послание к барону Дельвигу» (1820) аудиторы слышали яркий сильный внутренний голос поэтического героя Е. А. Боратынского. Анализ показал, что это достигается и текстом, и просодически. Особенно заметно замедление темпа, уменьшение величины синтагмы, увеличение слов с логическим ударением, паузы дольше и многозначительнее.

Надо отдать должное чуткому слуху Е. А. Боратынского. В его поэзии идеально работает вся просодическая система русской речи. Он великолепно манипулирует ее кодовыми единицами. Для своего

героя поэт очень точно подбирает ту или иную интонационную конструкцию (ИК).

Все это свидетельствует о языковом мастерстве Е. А. Боратынского, его словесной притягательности, чуткости и внимательности к культуре устной поэтической речи.

В. В. Васильева

Пермский государственный университет

**МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Текст может рассматриваться не только как предмет лингвистики, но и как предмет культурологии. В общем виде это проблема преобразования текста как объекта культуры, подхода к тексту как источнику текстов-интерпретаций, проблема нового смысла, рождающегося в новой культурно-исторической парадигме.

Большой интерес к проблеме соотношения языка и культуры обусловлен сегодня новыми подходами к самому предмету лингвистического анализа, при которых текст рассматривается как «формальная единица культуры», а культура составляет наивысший уровень языковой системы (Мурзин).

Текст, будучи относительно «молодым» объектом лингвистического анализа, рассматривается современным языкознанием как своеобразный полигон языковых взаимодействий. Сегодня невозможно исследование языковых единиц и систем вне учета их текстовой природы. В то же время изучение природы самого текста требует подхода к нему со стороны культуры. Такой взгляд на текст предполагает исследование его семиотической природы в непосредственной связи с изменчивостью его смысловой структуры, подвижностью и разнообразием возможностей его прагматической сущности.

Исследование текстов драматургических произведений и текстов их сценических воплощений в аспекте интерпретации, на наш взгляд, особенно интересно, поскольку пьеса как некая иллюзия действительности требует осуществления ее интерпретации в формах самой действительности. Это жанровое требование составляет специфику текста пьесы, в котором обнаруживаются такие черты, как предназначенность для воплощения (сценического вообще и речевого, в частности), композиционная заданность событий и пространственно-временная завершенность, наличие ролевых отношений между субъектами действия.

Выявление отношений между текстом пьесы и ее сценическим воплощением поможет определить механизмы преобразования лю-

бого текста, понимаемого как исходный, в текст-интерпретацию, т.е. послужить созданию лингво-культурологической модели текста.

Культурологический аспект исследования заключается в подходе к анализу интерпретаций: появление новых смыслов связывается со сменой культурно-исторической ситуации, осознанием феномена менталитета, творческой природой самого художественного текста.

При таком подходе меняется представление об объекте лингвистического анализа, поскольку аспекты, традиционно понимаемые как экстралингвистические факторы, оказываются внутренними аспектами рассмотрения текста, включенного в культуру как в высший языковой уровень.

Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко
Московский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Основная роль в передаче и хранении культурной информации принадлежит слову, прежде всего имени, так как «имена более других слов являются <...> центрами сгущения, концентраторами общечеловеческого смысла» (П. А. Флоренский). Особое внимание авторы уделяют индивидуальным именам, т.е. таким, область определения которых состоит лишь из одного элемента, экстенционал этого имени включает лишь один объект (Пушкин, Одесса, Обломов). К индивидуальным именам могут быть отнесены и устойчивые словосочетания, выражающие единое понятие (Ледовое побоище. Кровавое воскресенье).

К прецедентным именам (ПИ) могут быть отнесены такие индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу (КБ) лингвокультурного сообщества, т.е. инвариант восприятия обозначаемого ими «культурного предмета» является общим для большинства членов этого сообщества. Под КБ авторы понимают определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают представители того или иного лингвокультурного сообщества. КБ включает в себя именно инварианты представлений культурных предметов.

ПИ может употребляться денотативно (экстенционально) (Шекспир — автор «Гамлета») или коннотативно (интенционально) (этот юноша — будущий Шекспир). Интенциональное употребление ПИ определяется совокупностью текстов, в которых это имя фигурирует в экстенциональном употреблении.

Среди множества дефиниций термина «культура» есть и такие, которые определяют ее, называя основные из выполняемых ею

функций. Многие, придерживающиеся указанного подхода, считают, что культура служит для «самодетерминации индивида в горизонте личности» (В. С. Библер). Каждое лингвокультурное сообщество стремится ограничить подобную самодетерминацию индивида жестко заданными рамками, свести к минимуму свободу его маневра в культурном пространстве. Роль подобного ограничителя и соответственно регулятора социального поведения личности выполняет КБ.

В этом отношении КБ играет для современного человека роль, подобную роли мифологической системы в жизни традиционного общества, так как одной из главных функций мифа является структурирование принятой в обществе парадигмы социального и культурного поведения. При этом современный человек, являясь *homo historicus*, воспринимает себя и общество, в котором он живет, как продукт истории, результат исторического развития. Именно история позволяет современному человеку совместить миф и *ratio*. Не случайно, что ПИ, связанные с историческими деятелями или событиями, занимают столь важное место в КБ лингвокультурного сообщества.

Национально-детерминированное представление, являющееся означаемым ПИ, представляет собой, по сути, «свернутый» миф, оказываясь при этом недискретным и неподдающимся логическому анализу. Совокупность ПИ формирует набор «героев», представителей «добрых сил» и «демонов», «злодеев», предлагая деятельность первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых — образцом того, что делать ни в коем случае нельзя. Денотаты ПИ при этом обладают статусом, который условно может быть назван «сакральным».

Не случайно при попытке изменить культурную ориентацию лингвокультурного сообщества и социальное поведение его членов идет активная атака на входящие в КБ ПИ. Делается это обычно под флагом «демифологизации истории», «восстановления исторической правды». В реальности же происходит замена одного мифа другим. Денотаты ЛИ при подобной «демифологизации» практически не подвергаются секуляризации, т.е. «святой» в сознании членов лингвокультурного сообщества чрезвычайно редко становится обычным человеком, со свойственными ему достоинствами и недостатками, но превращается в могущественного «демона» или «мелкого беса». Этот процесс схож с тем, который имеет место при замене одной религиозной системы другой.

Разрушение национально-детерминированного представления, стоящего за ПИ, и инварианта восприятия последнего происходит прежде всего с помощью текстов, в которых ПИ фигурирует в сво-

ем экстенциональном употреблении. Обилие подобных текстов (особенно в СМИ) приводит к изменению интенционального употребления ПИ.

Изменения семантики и функционирования ПИ являются ярким показателем изменения культурной ориентации языкового сообщества и наглядно демонстрируют тесное взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры.

С. В. Гусев

Уральский государственный университет

ИЗОБРЕТЕНИЕ КОЛЕСА: ГЕРОИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА У ИСТОКОВ ПОЗНАНИЯ МИРА

Широкий спектр современных лингвистических и литературоведческих работ, посвященных творчеству Андрея Платонова, объединяет общая тенденция к философскому истолкованию художественного текста, в рамках которой тот или иной набор авторских смыслов представлен как неизменный, онтологический признак платоновского мироздания.

При таком подходе за единицу смыслового анализа принимают «онтологические схемы действия» (Л. В. Карасев), символы, а также языковые концепты, повлиявшие на формирование понятийного аппарата писателя. Воссоздание авторской модели Бытия является важнейшим звеном научного осмысления литературно-философского наследия А. Платонова. Однако для решения этой задачи требуется, на наш взгляд, выявить не только собственно бытийные, но и познавательные смыслы, которые составляют неотъемлемую часть философской доктрины писателя, рожденной в «работе до крови», «громе машин и потоках электричества». Иными словами, извечное стремление платоновских персонажей «устроить мир заново», «изобрести что-нибудь впрок» относится к познавательным смыслам, поэтому, исключая когнитивный аспект описания, мы рискуем существенно обеднить литературную философию Андрея Платонова.

Так, наивный, детский мифологизм платоновских героев проявляется не только в том, что они не пьют вина, постоянно плачут и вспоминают о матери. Перечисленные критерии легко выявляются на материале крупных произведений писателя (повесть «Котлован», роман «Чевенгур»), однако в более широком контексте они, не теряя своей актуальности, уже недостаточны для воссоздания наивной картины мира. Здесь наиболее характерным «знаком детства» становится «изобретательство», наивное техническое творчество, самозабвенный интерес к устройству предметов и механизмов. Ге-

рои Платонова, надо полагать, изобрели значительно больше устройств и приспособлений, причем широчайшего спектра: от собственной космогонии и межзвездных «эфирных» пространств до карусели, «гонимой мощностью ветра» («Усомнившийся Макар») и «вентиляторного вола» («Ювенильное море»), чем все жители русской литературы реалистического направления, вместе взятые. В отрыве от концепции «детского мифологизма» слова *изобретение, устройство* прочитываются в платоновских сочинениях как свернутые предикаты индивидуального и общественного пути познания мира, того пути, который метафорически представлен в названии повести «Происхождение мастера».

Возведя наивное техническое творчество в ранг экзистенциальных мотивов в творчестве Андрея Платонова, мы пытаемся воссоздать авторскую модель познания мира, истоки которого восходят к древнейшему культурному мифу — изобретению колеса.

Т. Н. Дорожкина
Уфа

ГРАНИ КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЙ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ СЕМАНТИКЕ УСТОЙЧИВЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Разделяя понимание культуры как совокупности достижений человеческих сообществ в сфере создаваемых ими материальных и духовных ценностей и рассматривая этот феномен в соотношении с национальным языком, следует признать, что, прежде всего, лексика отражает культуру — через призму словесного осознания. Лексика, закрепляя, сохраняя и аккумулируя культурно-историческую информацию, в то же время адаптируется к культуре, что проявляется в формировании тех или иных синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей, характеризующих каждую словесную единицу.

Эта зависимость отчетливо прослеживается и в эстетически мотивированном функционировании традиционно-поэтических слов с высокой степенью узуальности их символического значения. Не случайно писал, например, И. Анненский в статье «О современном лиризме», что символизм в поэзии — «дитя города», т. е. городской культуры, указав одновременно на словесно-смысловые гнезда, воплощавшие предметную символику урбанизма.

Традиционно-поэтические слова, неизбежно несущие в себе те или иные грани культуры, вместе с тем «оплодотворены» также художественными контекстами, в которых они употреблялись, никогда не выступая в «лингвистически девственном» виде.

В указанных отношениях между словами обычными и традиционно-поэтическими можно усмотреть определенный изоморфизм, однако последние как эстетически обусловленный феномен логосферы имеют также ярко выраженную специфику. Характерные для них особенности наглядно обнаруживаются в ряду таких лексических единиц, которые имеют длинный «шлейф» и собственно культурных, и литературно-поэтических традиций. К ним относится, например, слово *сад*, ключевое во многих поэтических текстах. Оно обозначает, во-первых, реалию, с древнейших времен выступавшую предметом воздействия, ухода и почитания (лат. *cultura* — возделывание, уход, воспитание, почитание); с античного периода это слово употребляется в академическом контексте: сад становится неперменной принадлежностью лицеев и академий; эта номинация значима и для целого спектра искусств — садово-паркового, литературы, живописи. Во-вторых, сад как явление первостепенной важности в материальной и духовной жизнедеятельности человека стал предметом осмысления в мифологии, фольклоре, лирике и эпосе разных времен и народов. Многие из этих текстов культуры оказались актуальными и для русской художественной речи (например, Библия, литература античности, Ренессанса), обусловили, наряду с поэтическими контекстами российской литературы, обширный ряд ассоциаций, которые могут связываться с традиционно-поэтическим значением слова *сад*: зелень, шелест, цветение, плодоношение; рост, движение, жизнь; природа; свобода; воспоминания, размышления; уединение; творчество; счастье, рай, любовь; страдание, смерть, кладбище; дом, родина, страна; вечность, возрождение.

Ассоциативно-смысловая насыщенность слова отдает его во власть контекста; при этом исключительно велика роль системных связей текста в целом, его соотнесенность с концептуальными установками творческой позиции автора. Именно это, наряду с богатством ассоциативных связей, выделяет традиционно-поэтические слова в ряду других лексических явлений речи.

Традиционно-поэтические слова в конкретных художественных текстах, прежде всего, в поэзии, выступают обычно как полисемы. Так, у А. Блока в поэме «Соловьиный сад» данное ключевое слово актуализируется в семантическом плане как сложно организованный смысл не только предметного, но и символического плана: сад — зелень, шелест, цветение, прохлада; сад — рай, жизнь; сад — граница; сад — покой, духовная смерть; сад — тревога духа. Семантическая организация текста на лексическом уровне строится как явный конфликт между системами организации смысловых единиц в данной индивидуальной структуре и семантикой слов в системе языка: слово *сад* здесь оказывается не равно самому себе и

обнаруживает в своей семантической структуре антонимические значения: покой — тревога, жизнь — смерть.

Иначе выстраивается содержание слова *сад*, также ключевого и полисемантического, в стихотворении О. Мандельштама «И я выхожу из пространства...»: сад — граница; сад — уединение; сад — размышления, творчество; сад — вечность, возрождение, бессмертие.

Эти наблюдения говорят о том, что в семантической структуре традиционно-поэтического слова одновременно может быть актуализировано несколько культурных и словесно-эстетических ассоциаций, сопряженных воедино и мерцающих друг через друга. Вместе с тем ключевые традиционно-поэтические слова фиксируют уникальность мировосприятия и концептуальной системы автора, активизируя доминантный для нее личностный смысл.

Р. И. Козлов

Уральский государственный университет

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА:

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ДЕМАРКАЦИОННАЯ ЛИНИЯ

Усиливающееся сближение двух смежных дисциплин — лингвистики и культурологии, обусловленное возрастающим интересом в общему предмету — человеку как субъекту духовной деятельности, порождает многочисленные методологические и более узкие метаязыковые проблемы; одной из ключевых здесь является проблема соотношения языка и культуры.

Ситуация взаимного подчинения предметов, естественная в условиях отсутствия единой методологической и концептуальной базы (ср. понимание культуры как наивысшего языкового уровня, в продолжении иерархии Э. Бенвениста, у Л. Мурзина, и понимание языковой деятельности как одной из составляющих культуры — системы деятельностей — у М. Кагана), сменяется попытками выработать общую модель соотношения языка и культуры, ориентированную на изучение субъекта, т. е. языковой и «культурной» личности. Сама возможность сосуществования в рамках одной научной парадигмы гипотезы Сепира-Уорфа и социолингвистической теории о социокультурном влиянии на формирование индивидуальной языковой системы говорит о существовании значительно более сложных отношений между этими феноменами, нежели это отражено в традиционных толкованиях. Так, вряд ли соответствует современным представлениям порожденная идеями оксфордской школы, в частности Л. Витгенштейна, трактовка культуры как некой (нейтральной) среды, в которой язык функционирует по имманентным

ему законам, до сих пор существующая в лингвистике текста.

Суммируя наименее спорные элементы разнообразных концепций, можно сказать, что как язык, так и культура понимаются одновременно как процесс и продукт духовной деятельности человека. На основании этого весьма общего тезиса можно также утверждать, что язык и культура имеют тождественный модус существования, будь то — в зависимости от метода исследования — «существование в форме текстов» (Л. Мурзин), «система предписаний» и стереотипов, регулирующих семиотическое (и в том числе языковое) поведение (Б. Успенский), знаковые системы (Ю. Лотман) или «объективные системы отражения (Л. Глотова).

Тезис о том, что «человек существует в мире текстов» (Ю. Караулов), ставший общим местом современной лингвистики, может получить различное истолкование. В связи с проблемой, сформулированной в заглавии, уместно привести следующие два: «Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование человека, в том числе на его язык как устройство для производства, преобразования и понимания текстов» (А. Супрун) и «Культура вообще существует в форме текстов — знаковых произведений духовной деятельности человека» (Л. Мурзин). Обобщая их, можно сказать, что совокупность текстов есть и реализация прежде всего когнитивной и коммуникативной функции языка (если понимать эту совокупность как среду, в которой функционирует и с которой взаимодействует индивидуальная система языка), и результат реализации этих функций.

Одним из «пограничных» явлений, обязанных своим существованием взаимодействию языка и культуры на уровне носителя-индивидуума, следует считать феномен так называемых прецедентных текстов (ПТ), т. е. текстов, имеющих сверхличностный характер, «значимых для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Ю. Караулов).

В настоящем сообщении предложена типология отсылок к ПТ, функционирующих в разговорной речи. Следует прежде всего отметить, что предлагаемый Ю. Карауловым список отсылок, включающий имена авторов и героев художественных произведений, а также их названия, очевидно, затрагивает более широкий круг языковых и культурных явлений; в их числе, например, концептосфера языка: так, включение в дискурс фамилии *Штирлиц* апеллирует не к конкретному тексту как образу «культурного героя», формируемого открытым множеством текстов, в том числе и фольклорных. (Ср. с использованием таких апеллирующих к концептосфере

собственных имен, как *Париж*, *Волга* и т. д.). Аналогичным образом имя писателя должно актуализировать весь комплекс индивидуальных знаний о его творчестве, возможно, также имеющий концептуальную природу.

В сообщении используется следующее (рабочее) определение ПТ, основанное на функциональных особенностях исследуемого феномена: текст, получивший сверхличностный характер, используемый для проведения аналогии между его денотатом — описываемой им ситуацией — и денотатом порождаемого текста путем включения в новый текст той или иной отсылки к прецедентному, которое позволило разграничить собственно ПТ от разного рода конвенциональных стереотипов, включенных в индивидуальную базу знаний, в том числе так называемых «культурных фактов». Функциональным критерием стало, таким образом, явление цитации. Степень искажения цитируемого ПТ легла в основание предлагаемой типологии:

1) ПТ вводится в дискурс целиком (прежде всего, малые жанры литературы и фольклора); вряд ли возможно называть подобные факты отсылками, однако следует подчеркнуть нетождественность денотатов ПТ и образуемого текста;

2) точная цитата, непосредственно воспроизводящая фрагмент ПТ (*Ну / устроили кавардак / тоже мне / все смешалось в доме Облонских //*);

3) искаженные цитаты (*Между прочим / гений и злодейство несовместимы //*), сохраняющие структуру цитируемого фрагмента, обеспечивающую узнавание;

4) пересказ содержания фрагментов ПТ (*А ты переведи разговор на это самое / на какую-нибудь русскую пианистку / и все / и тогда мы будем помнить только последнюю фразу //*).

Отдельного упоминания заслуживает факт так называемой отсылки (двойная текстовая реминисценция, в терминологии А. Супруна), при которой в дискурс вводятся отсылки различных типов имени писателя и цитаты, имени героя и названия текста и др., менее частотные комбинации (*Он... / как это у Стругацких / торчащая борода с застрявшими крошками //* — *Выбегалло //* профессор *Выбегалло //*).

Данная классификация предлагается не в качестве сколько-нибудь полной, а прежде всего как позволяющая сформулировать ряд проблем (например, каковы конституирующие признаки ПТ, за исключением конвенциональности? Каков языковой и культурный статус ПТ и как отделить их от так называемых вторичных текстов клише и штампов и ряда других смежных языковых явлений?), работа над решением которых позволит уточнить демаркационную линию между языком и культурой, проходящую по уровню текстов.

**ТЕКСТ: «ЦЕЛЬНОСТЬ (ЦЕЛОСТНОСТЬ)»
ИЛИ «ЦЕЛЬНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ»?**

Как известно, одной из главных общетекстовых категорий является его цельность (или целостность?). Поэтому научные направления, изучающие текст, специфику его разновидностей, не могут обойтись без понятия целостности текста. Так, целостность текста признается понятием психолингвистическим, оно постулируется герменевтикой, несомненно, предполагается семиотикой (в семантическом аспекте), важно и для функциональной стилистики. Во всех этих направлениях целостность текста соотносится с предельной коммуникативной целью — пониманием смыслового единства текста.

В литературе, посвященной изучению целого текста, заметно недифференцированное употребление терминов, обозначающих понятия цельности и целостности текста. См., например: «Целостность текста неопределима лингвистически: тот текст целостен... который воспринимается как осмысленное целесообразное единство», «можно определить целостный (цельный) текст как такой текст, который при переходе от одной последовательной ступени смысловой компрессии к другой... сохраняет для воспринимающего смысловое тождество» (А. А. Леонтьев); с психолингвистический точки зрения цельность / целостность есть латентное проекционное (концептуальное) состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реципиента и текста» (Ю. В. Сорокин); «цельность будет варьироваться в зависимости от потребителя текста», «понятием цельности, связанным с содержательным единством любого текста», «цельность — это психолингвистический феномен особого рода, который представляет собой возникающее в психике человека... интегральное, полностью не осознаваемое динамическое представление о некотором объекте» (Л. В. Сахарный).

В лингвистической трактовке обычно говорят о целостности как текстовой категории: «глобальные категории типа целостности», категория среднего уровня абстракции «тематическая целостность» (Т. В. Матвеева); «на разновидности свертхтекстовых целостностей: тематическую и модальную» «свертхтекст... характеризуется цельной модальной установкой (Н. А. Купина) (разрядка везде наша — М. К.). Представляется, что при функционально-стилистическом изучении текста целого научного произведения (монографии) необходимо уточнение и разграничение понятий цельности и целостности текста. Категория цельности текста отражает глубинное существенное свойство текста, осознаваемое лишь

психолингвистически, в процессе понимания и интерпретации; научному тексту присуща эпистемическая цельность, обусловленная тем, что в рамках целого произведения любой фрагмент текста выражает именно научное знание, так как всегда имеет эпистемически определенную характеристику — онтологическую, методологическую и аксиологическую.

Категория целостности текста понимается в коммуникативно-смысловом отношении: каждый структурно определенный, самостоятельный компонент текста имеет заданную автором коммуникативную значимость только в пределах данного произведения в целом. Степень целостности текста осознается в процессе научной коммуникации как автором, так и читателем благодаря «беспрпятственному выходу за рамки данного сообщения для привлечения максимально широкой информационной базы, на основе которой можно судить о полноте, непротиворечивости и убедительности излагаемой концепции (И. М. Колегаева). Целостность текста, несомненно, является объемной категорией, формирующейся на основе функционально значимой категории цельности текста.

Кроме того, в композиционно-смысловом отношении целесообразно говорить об эпистемическом единстве основного текста, в котором (если это высоконучный текст теоретического характера) формулируется проблема, выдвигается гипотеза, предлагается путь ее решения, находятся аргументы в разработанных предшественниками теориях, приводятся экспериментальные данные и т.д., т.е. автором создается единая научная концепция.

Л. Н. Мурзин, Н. Л. Мурзин

Пермский государственный университет

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СРАВНЕНИЙ

Сравнения занимают важное место в системе прагматических средств языка. Их описанию посвящено немало философских, психологических и филологических исследований. Однако описание сравнений в лингвистике еще далеко не исчерпано.

С логической точки зрения сравнение — это отождествление двух понятий. Отождествить понятие — значит признать, что все признаки понятия А являются признаками понятия В. Однако такой случай тождества имеет место лишь в математических или логических построениях. На деле мы отождествляем соответствующие объекты частично, т.е. уподобляем их по отдельным признакам, которые служат основанием для сравнений.

В психологических терминах сравнение есть поиск хранящегося в памяти представления, который имеет хотя бы один признак, об-

ший с уже извлеченным из памяти представлением. Это значит, что в последнем должен быть выделен (актуализирован) признак прежде, чем будет найдено представление, с которым производится сравнение. Так, прежде чем сравнить человека со свиньей, мы должны в нем выделить признак «грязный», «жирный» или, в принципе, любой другой, например «неблагодарный», как в известной басне И. А. Крылова «Свинья и дуб».

С лингвистической точки зрения, сравнение осуществляется в форме соединения (контаминации) двух семантических конструкций с одним и тем же тождественным предикатом — общей семой. Причем одна, из них является заданной, т.е. темой высказывания, другая выполняет функцию ремы, например, *Он был холоден* (Т), *как лед* (R). Очевидно, контаминация указанных конструкций осуществляется за счет тождества их предикатов.

В связи с особенностями деривационной истории сравнений стоит противоречия в их семантике. (1) Так как предикаты исходных конструкций тождественны, то рематический предикат лишь дублирует предикат тематический и, следовательно, его рематичность, («информационная новизна») оказывается мнимой. (2) Так как сущность сравнения сводится к уподоблению предметов действительных, т.е. к выделению общей семы, то у нас нет основания считать, что и номинативный компонент рематической конструкции является новым: содержание сравнительного оборота в целом, как это ни парадоксально, логически исчерпывается его тематической частью.

Оправдание сравнительных оборотов в языке лежит за пределами их логического содержания. Фактически носителем собственно сравнительной семантики является грамматический компонент, соединяющий части оборота, например, в русском языке союз КАК и другие. Но смысл его не является чисто формальным моментом: грамматический компонент символизирует утверждение, что в мире существует некий другой объект с теми же качествами (признаками), которыми обладает заданный. К этой экзистенциональной функции и сводится семантическая сущность типичных сравнительных оборотов в языке.

М. Ю. Мухин

Уральский государственный университет

КАТЕГОРИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО НАПРЯЖЕНИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Эстетическая значимость художественного текста, его принадлежность к сфере искусства, с одной стороны, и его формальная

составляемость из речевых единиц, имеющих более простую организацию, с другой, — противоречие, затрудняющее описание структуры текста. В первую очередь, семантические преобразования единиц языка, осуществляемые в соответствии с эстетической программой автора, т.е. индивидуально-авторская трансформация языковых выражений, определяют особенности идиостиля, его лингвистическую новизну.

Объединить разнородные факторы усиления смысла элементов речевого ряда при анализе художественного текста позволяет категория синтагматического напряжения. Предложенное В.Г.Адмони в конце 1960-х гг., это понятие соотносится с многозначным термином «актуализация», а также с явлениями расширения смысла, семантического расширения и т.п. «Напряжение, которое возникает в синтагматическом (т.е. речевом) ряду в процессе развертывания этого ряда как соотношение между предшествующими и последующими компонентами» (В.Г.Адмони), связано с действием трех факторов. Перефразируя и дополняя идею В.Г.Адмони, их можно определить следующим образом:

1) неординарная (окказиональная) сочетаемость элементов текста (как семантическая, так и формально-структурная);

2) так называемое «эмфатическое напряжение» — уровень эмоциональной насыщенности текста, соотносимое с категориями тональности текста и субъективной модальности;

3) «глубинное (батизматическое) напряжение», возникающее в результате наложения на лексическую семантику различных текстовых смыслов, влияния содержания композиционной структуры произведения, а также различных экстралингвистических (например, культурологических) факторов.

Так, в предложенном примере из романа В.В.Набокова «Камера обскура» синтагматическое напряжение создается следующим образом (отрывок приведен без сокращений):

«Он [Кречмар] себе представил, как жена ненароком воротится с дороги... Молодая художница, нужно ей помочь устроить выставку».

1-й фактор усиления смысла связан с неожиданным переходом от авторского повествования к внутреннему монологу героя. Столкновение разных типов повествования заставляет читателя искать субъекта речи. Эмоциональная насыщенность в данном примере имплицитна: это переживание героя, связанное с возможным обнаружением женой его любовной связи. Действие этого фактора косвенно выражено семантикой слова *ненароком*, во многоочии, символизирующем паузу в размышлении, и в неожиданном образном представлении ситуации встречи с женой и объяснения. Можно от-

метить влияние 3-го фактора синтагматического напряжения: во-первых, читатель уже знает из книги о возможности этой ситуации, во-вторых, она соотносится в читательском восприятии с определенным пресуппозитивным рядом подобных жизненных ситуаций, т.е. идентифицируется.

Таким образом, синтагматическое напряжение предлагается как универсальная текстовая категория, позволяющая описать различные способы семантической трансформации на уровнях как лексической, так и текстовой синтагматики. Модель анализа лексических контекстов и крупных отрезков художественного текста (как изучение взаимодействия трех факторов семантического расширения) была использована при исследовании романов В.В.Набокова «Машенька», «Камера обскура», «Дар», «Другие берега» и способствовала выявлению системы авторских приемов усиления смысла текстовых единиц.

Е. Г. Соболева

Уральский государственный университет

ВИДЫ ТЕКСТОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Современное состояние лингвистических учений о категории модальности позволяет с достаточной степенью уверенности утверждать, что мы имеем довольно полное описание модальности в рамках языковой системы. Определенно наметился переход к новому объекту исследования — модальности текста.

Ядром текстовой модальности следует признать доминирующую оппозицию реального — ирреального.

На уровне высказывания модальность является средством связи пропозиции (диктума) через модус с его носителем (говорящим). Тем самым модальность позволяет включить высказывание в процесс коммуникации. На уровне текста модальность соединяет содержание текста с метареферентным планом, т. е. с представлениями об авторе и адресате. Взаимодействие модальных планов говорящего и адресата позволяет выделить различные типы текстов.

Наблюдения над текстом разных функциональных стилей дают возможность констатировать существование двух основных видов текстовой модальности.

Первый вид текстовой модальности назван статическим. Эта разновидность текстовой модальности предполагает совпадающие модальные планы автора и адресата на всем пространстве текста. Так, жанр заявления (официально-деловой стиль) окрашен единой статической модальностью желательности как для автора этого заявления, так и для его получателя. При этом важно отметить, что в

тексте не происходит переключения с одного модального регистра, по терминологии Цв. Тодорова, на другой и что адресат понимает модальные смыслы текста точно так же, как и автор.

Статистическая модальность характеризует большинство жанров публицистического стиля: констатация факта (реальная модальность) свойственна жанру заметки во всех ее модификациях; возможность, гипотетичность встречается в жанре статьи. И в этом стиле читатель воспринимает тот же самый модальный смысл, который предполагается автором — журналистом.

Обращение к художественному стилю выявляет более сложную картину соотношения модальных планов. Дело в том, что одно из коренных отличий художественного стиля от других заключается в наличии не двух, а трех (и более) носителей модальных смыслов: в художественном тексте появляется модальный план героя, который внутри художественного мира устанавливает собственные отношения с происходящими событиями. Поэтому в художественном тексте мы сталкиваемся со случаями, когда модальные планы повествователя, читателя и героя не совпадают. Для примера вспомним повесть «Гробовщик» А. С. Пушкина: читатель почти до конца уверен, что события, описываемые в произведении, реальны, и лишь в конце узнает, что невероятное происшествие с Прохоровым — визит мертвецов — происходит во сне, нереально, т. е. модальные смыслы читателя и героя не совпадают.

Второй вид текстовой модальности, названный нами динамическим, предполагает отсутствие единой для повествователя, читателя и героя модальности. Каждый из носителей текстовой модальности обладает собственной «партией», и взаимодействие, переплетение этих партий рождает движение, динамику модальностей всего текста. При этом возможны различные вариации соотношений модальных планов носителей модальности в тексте. Виды таких соотношений рассмотрены на примере новелл писателей серебряного века.

В. М. Степанова

Тамбовский государственный университет

ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ

Нельзя не согласиться с мыслью Г. О. Винокура о том, что «язык как один из продуктов духовного творчества данного культурно-исторического коллектива, в общем случае — народа, стоит в одном ряду с письменностью, наукой, искусством, государством, правом, моралью, хотя и занимает в этом ряду своеобразное положение, так как одновременно он составляет и условие всех этих куль-

турных образований». Поэтому, изучая язык исключительно ради него самого, а не для того, чтобы при помощи языка получить доступ к прочим явлениям культуры, находящим выражение в языке, мы уже изучаем тем самым соответствующую культуру. Язык представляет собой систему дисциплин, живущую по законам лингвистики. Но звуки речи, формы и знаки не исчерпывают еще собой всего, что существует в реально действующем и обслуживающем практические общественные нужды языке. Языковой механизм приводится в движение не сам собой, а тем обществом, которому данный язык принадлежит. Для фактической жизни языка оказывается чрезвычайно существенным, как пользуется общество своим языком. Наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового употребления, а так как язык вообще есть только тогда, когда он употребляется, то в реальной действительности строй языка обнаруживается только в тех или иных формах его употребления.

Под употреблением следует понимать совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий языкового общения. Так создаются понятия для разных стилей языка — языка правильного и неправильного, торжественного и делового, официального и фамильярного, поэтического и обиходного и т. п. Одно и то же можно сказать и написать по-разному. Содержание, мысль при этом могут остаться вполне неизменными, но изменится тон и окраска самого изложения мысли, а это, как известно, существенно влияет на восприятие содержания и предопределяет разные формы реакции на услышанное или прочитанное. Эта проблема составляет содержание стилистики. Она имеет своим предметом только те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными. Можно утверждать, что в самом языке, а не в психологии говорящих и пишущих, кроме звуков, форм и знаков, есть еще нечто, а именно экспрессия, принадлежащая звукам, формам и знакам. Вопросам экспрессии языка, т. е. внутренним его качествам, действительно соответствующим изображаемому миру, выражаемому настроению, не уделяется, на мой взгляд, достаточно внимания ни в школе, ни в вузе. Язык становится в таком случае лишь набором звуков, форм и знаков, передающих идеи. Но не следует забывать, что, наряду с объективной структурой, в языке существует и своеобразное субъективное дополнение к этой структуре — экспрессия. И более того, без подобного субъективного дополнения в реальной действительности язык вообще невозможен. Отвергнув вопросы экспрессии

языка, мы разрываем цепочку «знак — смысл», поэтому многое из того, что несет знак, оказывается просто не осмысленным, не востребованным.

И прежде всего, поэтический язык, насыщенный экспрессией, ибо действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в действительном смысле поэтического языка. Вместе с неспособностью осознавать поэтический язык как особую языковую функцию сужаются и границы культуры. Кого не тревожит сегодня засоренность «великого и могучего» нашего языка не только словами иноязычного происхождения, но и языковыми штампами, лишенными выразительности, связанной часто и с отсутствием глубины мышления. Это, в свою очередь, приводит к «сдвигу» читательских интересов: место Толстого и Тургенева, Лескова и Гаршина стремительно заполняют так называемые бульварные романы? на смену культуре национальной приходит безликая массовая культура.

Этот вал не остановить, пока в школах русский язык будет преподаваться в отрыве от языка художественных произведений, прежде всего классических, пока литература будет изучаться как перечень идеологических проблем, вне языка, несущего и выражающего эти идеи; пока устная речь будет являть собою пресловутую смесь «французского с нижегородским», не имеющую ничего общего с национальным нашим языком.

Вот почему сегодня борьба за чистоту и выразительность русского языка — это и борьба за национальную культуру. При этом менее всего хотелось бы, чтобы школа отказалась от овладения семантикой языковых единиц, от усвоения грамматических законов в их логической системе (но ни в коем случае в виде свода правил, которые следует механически усвоить), создавая так называемый «коммуникативно ориентированный» курс, подчиненный законам речевого общения учащихся. Такой курс обедняет систему приобретаемых знаний о языке и не решит проблемы взаимосвязи русского языка как учебного предмета с литературой и предметами эстетического цикла в первую очередь.

Необходим интегрированный курс русского языка и литературы, курс русской словесности, направленный на более успешное приобщение учащихся к духовным, нравственным и эстетическим ценностям, содержащимся в русской и мировой литературе, через язык художественного произведения. Именно этот путь способен привести наше изрядно больное бездуховностью и безграмотностью общество к возрождению функциональных особенностей языка, к возрождению культуры.

ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ И НЕВОЛЬНОСТЬ

Скрытая семантическая категория «невольность осуществления» – субкатегория более общей категории «контролируемость/неконтролируемость». Как отмечала А. А. Зализняк, признак «контроль» более устойчивый, менее зависимый от контекста. Однако в художественном тексте какое-либо действие может быть оценено как невольное или волевое с разных точек зрения: того или иного персонажа (наблюдателя), самого субъекта осуществления, говорящего (всеведующего автора), а также читателя. Говорящий и адресат «видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей действительности» (Ю. Д. Апресян), но вот интерпретация этого фрагмента у них может быть совершенно различной. И следовательно, предложения с глаголами невольного осуществления приобретают «многослойную» семантику.

1. С позиции субъекта и говорящего (автора) действие героя целенаправленное, волевое, но подается таким образом, чтобы адресат (наблюдатель) воспринимал его как случайное, невольное, незапланированное, напр.: *Еремин умышленно поскользнулся, глянул, не идет ли следом соглядатай* (Ляшко). Глагол *поскользнулся* – маркированный, обозначающий невольное осуществление, но субъект совершил действие намеренно, сознательно. Эта намеренность подчеркивается автором путем введения спецификатора «умышленно». Со стороны стороннего наблюдателя (другого персонажа) событие должно восприниматься невольным, случайным. Снятие невольности в подобных случаях позволяет глаголам невольного осуществления сочетаться с целевым обстоятельством, с придаточным цели, что в обычных условиях недопустимо: *А может быть, сестры Аглаи и намеренно в чем-нибудь проболтались, чтобы и самим что-нибудь узнать от Варвары Ардалионовны* (Достоевский).

2. Действие волевое понимается производителем действия, и наблюдателем, но субъект хотел бы, чтобы это действие воспринималось как невольное, случайное: *В первый же день – вместо репетиций – многолюдное, горластое «совещание по поездке».* Меня буквально под руки, но как бы ненароком на него заводят (Плисецкая). Говорящий (наблюдатель) осознает «игру» и помечает двойное прочтение спецификатором невольности – *как бы ненароком*. Предложения подобного типа можно расценить как частный случай первого типа, так как субъект не достиг цели, наблюдатель не поверил в невольность.

3. Говорящий подает свое волевое действие как невольное, наблюдатели воспринимают его так же, но читатель, учитывая контекст, понимает, что это «игра», намеренность: — *Вы в близких отношениях с князем? — спросил бородатый студент. — Да как вам сказать, — прищурился Шипов, — хотя теперь чего уж... Проговорился я...* (Окуджава). Контекст показывает читателю, что Шипов специально упомянул князя, придавая значимость своей персоне.

4. Действие субъекта (говорящего) случайное, невольное, но воспринимается адресатами (наблюдателями) как сознательное, волевое, целенаправленное: — *Почему говорят, что Вы в Лондон не придете? Как это может быть? А потому, говорю, что КГБ красную точку над моей фамилией поставил.. И над фамилией моего брата Александра. В театральном списке (эту новость под строжайшим секретом поведал мне Петр Андреевич Гусев как раз сегодня: она у меня бритвой в горле встряла. Как сорвалась, сболтнула?..* (Плисецкая).

Таким образом, один и тот же фрагмент действительности может быть по-разному оценен по шкале невольность/намеренность в зависимости от того, кто оценивает его. Предложения с глаголами невольного осуществления получают сложную, многослойную семантику.

Т. Б. Трошева

Пермский государственный университет

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ТИПЫ РЕЧИ: ОПИСАНИЕ — ПОВЕСТВОВАНИЕ — РАССУЖДЕНИЕ

В литературе, посвященной анализу функционально-смысловых типов речи (ФСТР), отмечается существование смешанных типов, но нет однозначного мнения по поводу их сущности и сколько-нибудь точных данных о соотношении «чистых» вариантов описания, повествования, рассуждения и контаминированных типов в текстах той или иной жанровой и стилиевой принадлежности.

Типично мнение, что ФСТР в чистом виде встречаются нечасто, но при этом под смешанными типами понимаются различные построения, например, нередко такие, где фрагменты описательного характера являются необходимыми звеньями рассуждения. Анализ текстов свидетельствует о том, что все разновидности (подтипы) рассуждения (собственно рассуждение, доказательство, опровержение, подтверждение, обоснование и др.) могут включать элементы описания в качестве компонентов аргументативного высказывания — посылки или аргументов, доводов (например, в научных текстах

в этих функциях обычно выступает описание результатов эксперимента, наблюдения и т.д.). Мы считаем, что наличие элементов описания в аргументативном ФСТР не превращает чистый тип речи в смешанный, если эти элементы образуют композиционно-структурные части рассуждения.

Наличие в тексте множества ФСТР создает различные варианты сочетаемости:

1) следование друг за другом нескольких построений одного подтипа (или частичное наложение их друг на друга, например, вывод одного рассуждения — собственно рассуждения — является посылкой следующего рассуждения; или включение одного в другой);

2) чередование или совмещение различных подтипов одного ФСТР (например, доказательства и объяснения как разновидностей аргументативного ФСТР);

3) чередование различных типов речи — описания, повествования, рассуждения (безусловно, и других, выделяемых в современной лингвистической литературе, например, предписания, свойственного в первую очередь деловой речи). Именно чередование в пределах одного текста различных ФСТР создает иногда иллюзию отсутствия в речи чистых типов;

4) загрязненные типы речи, такие, как описание-повествование, описание-рассуждение, описание-повествование-рассуждение и т.п.

Таким образом, только одну из четырех разновидностей сочетаемости ФСТР мы относим к смешанным образованиям, придерживаясь точки зрения на загрязненный ФСТР как тип речи, обладающий одновременно признаками двух (или более) ФСТР (без явного доминирования одних над другими) в результате совмещения двух (или более) коммуникативных заданий.

Аргументативный компонент в гибридном ФСТР представлен, как правило, фрагментарно, только теми суждениями и теми отношениями, экспликация которых необходима для выполнения новой (загрязненной) коммуникативной функции данного микротекста. Именно сокращение логической цепи рассуждения иногда позволяет квалифицировать ФСТР как не аргументативный, а загрязненный тип речи. Логический эллипсис является структурным признаком гибридных форм, возникших с участием аргументативных компонентов. Например, изложение каких-либо сведений, завершающееся выводом без экспликации процедуры вывода является не рассуждением, а смешанным типом «описание-рассуждение» или «описание-повествование».

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ В.М.ШУКШИНА

Особенности использования языковых единиц в решении художественных задач в прозе В.М.Шукшина проявляется на разных уровнях, в том числе и синтаксическом. В произведениях Шукшина преобладают простые структуры, что связано, прежде всего, со стремлением писателя приблизить художественный рассказ к устному повествованию и с тенденцией современного синтаксиса к расчленению текста.

Однако и сложные предложения, функционирующие в текстах произведений В.М.Шукшина, имеют свою специфику. Доклад посвящен характеристике структурно-семантических особенностей сложных предложений в прозе В.М.Шукшина.

Специфика функционирования сложных предложений в прозе Шукшина связана с особенностями их употребления в разных типах речи (авторская, прямая, несобственно-прямая) и частотностью использования определенных разновидностей сложных предложений.

Естественная сфера употребления сложных предложений — авторское повествование. В авторском повествовании сложные предложения передают не только ход движения событий, но и ход размышлений персонажа или рассказчика: *Ванька не заметил, как наладился тосковать. Стоял часами у окна, смотрел, как живет чужая его уму и сердцу улица. Странно живет: шумит, кричит, а никто друг друга не слышит. Все торопятся, но оттого, что сверху все люди одинаковы, кажется, что они никуда не убегают: какой-то загадочный бег на месте («Ванька Тепляшин»)*. Использование сложных предложений в данном тексте создает эффект сближения повествователя и персонажа: повествователь как бы включается в размышления литературного героя.

Употребление сложных предложений в авторском повествовании обусловлено особенностями их смысловой структуры, которая намного богаче, чем смысловая структура простого предложения, и может передавать объектно-изъяснительные, пояснительные, причинно-следственные, сопоставительно-противительные оттенки значений.

Сложные предложения в прямой речи персонажей рассказов Шукшина являются средством создания речевого портрета литературного героя. При этом прозаический диалог приближен к спонтанному диалогу: *Укрыли меня одеялами, два матраса навалили сверху, а поперек пузырек велели под мышку зажать — туда, мол, пот будет капать. Ить вот рассудок-то у людей: хворают, называется! Ить подумали бы: идет такая страшная война,*

их как механизаторов на броне пока держут: тут надо прижухнуться и помалкивать, — вроде тебя и на свете-то нету. Нет, они начинают выдумывать черте-чего. Думает он, лежит, что у него — жизнь предстоит, что надо ее как-то распланировать, подсчитать все наличные ресурсы, как говорится?.. («Беседа при ясной луне»). Бессоюзные сложные предложения в развернутой реплике персонажа способствуют созданию простоты, доходчивости и естественности изложения.

В несобственно-прямой речи наиболее ярко раскрываются экспрессивные возможности сложного предложения. Несобственно-прямая речь требует особой творческой активности читателя, заставляет его сильнее почувствовать душевное состояние героя: *Ванька раньше никогда на судах не бывал, но знал, что существуют государственные обвинители, общественные обвинители... Суд для него — это судья. Он никак не мог постичь, зачем надо этому человеку во что бы то ни стало посадить его, Ваньку, на три года в тюрьму? Судья молчит, а этот — в который уже раз встает и говорит, что надо посадить, и все. Ванька онемел от удивления* («Мой зять украл машину дров!»). Герои рассказа при помощи сложных предложений акцентирует важную часть своих размышлений. Он пытается убедить читателя в абсурдности действий общественного обвинителя. В данном случае сложные предложения — средство создания контакта с читателем.

Среди структурно-семантических разновидностей сложных предложений преобладает бессоюзный тип. В. Шукшин использует бессоюзные конструкции для имитации говорения в речи автора и в речи персонажей в связи с тем, что именно бессоюзные сложные предложения являются показателем разговорности как структуры, имеющей минимум формальных средств для выражения грамматического значения.

В авторском нейтральном повествовании бессоюзные сложные предложения используются как форма монологического изложения. Преобладают бессоюзные сложные предложения в пейзажных зарисовках: *Был конец апреля. С карнизов домов срывались крупные капли, теплый ветер сдувал их, они мягко шлепались в стекла окон, медленно стекали светлыми слезами* («Дождь на заре»). Бессоюзные конструкции придают прозаическому тексту легкость, гармоничность, размеренность.

Однако в авторской речи бессоюзные предложения могут создавать особую экспрессию: *...Моя кровать — в углу, его — напротив. Между ними — стол, на столе — рукопись, толстая и глупая. Моя рукопись. Роман* («Воскресная тоска»).

Эллиптичность, краткость, структурный параллелизм бессоюз-

ных конструкции создают динамизм и подчеркнутую ритмомелодику, ведущую к экспрессивному эффекту.

Таким образом, сложные предложения в текстах произведений В. М. Шукшина стилистически маркированы, экспрессивны, помогают максимально приблизить автора к персонажам рассказов и в конечном итоге — к читателю.

И. Б. Ходырева
Волгоград

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ **А. И. СОЛЖЕНИЦИНА**

Ономастическая лексика в языке художественного произведения обладает информационной насыщенностью и во многом определяет смысловую и эмоциональную заданность конкретного образа и текста в целом. Индивидуальность авторской системы именупотребления проявляется в особом для каждого случая выборе, расположении и смысловом наполнении ономастических единиц языка (О. И. Фоякова). Именования в современной реалистической художественной прозе — показатель тесного взаимодействия объективного (социального, культурно-исторического) и субъективного (эмоционально-экспрессивного) планов.

1. Ономастическое пространство художественных текстов А. Солженицина представлено различными разрядами имени собственного: антропонимами, топонимами, хремотонимами, хрононимами, космонами и др. Ядром ономастической лексики в прозе писателя являются антропонимы (55%) и топонимы (30%).

2. Антропонимия и топонимия художественных текстов представляют собой заимствование из реального антропонимикона и топонимикона русского языка XX столетия: *Матрена Васильевна Захарова* («Матренин двор»); *Иван Денисович Шухов* («Один день Ивана Денисовича»). Действуют ономастические словообразовательные модели реальных имен собственных.

3. В системе ономоупотребления А. Солженицина преобладают «косвенно характеризующие» (М. В. Карпенко) имена собственные. Актуализируется обширный комплекс смысловых связей, ассоциативных значений и коннотаций. Возрастает роль читательского восприятия: *Рубин* — «национальная принадлежность», «коммунистические убеждения», «блеск интеллекта»; *Сологдин* — «соло», «бунтарь-одиночка» («В круге первом»).

4. Наблюдается активное участие имени собственного во фразеомообразующих процессах. Особую группу онимов образуют индивидуально-авторские апеллятивные перифразы, используемые для

изображения Сталина: *Хозяин, Пахан, Сам, Вождь, Отец, Единодержец, Батька, Мудрый Вождь, Самый Родной и Любимый, Вождь Всего Прогрессивного Человечества* («В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ»). Частотность ситуативных перифраз различна. Чем чаще апеллятивное наименование прикрепляется к основному имени собственному, тем скорее оно подвергается онимической фразеологизации: *Лучший Друг, Мудрейший из Мудрейших* («В круге первом»). Происходит переход индивидуально-авторских перифраз в разряд устойчивых воспроизводимых единиц, общепонятных носителям языка.

5. Происходит противопоставление языкового и художественно-ономастического значений: положительному языковому значению апеллятивных сочетаний типа Великий Вождь соответствует негативное художественно-ономастическое. Подобные ономастические единицы принимают статус имени собственного, приобретают отрицательный эмоционально-оценочный смысл, звучат иронически.

Е. А. Яковлева

Башкирский государственный педагогический университет

«УРБОТЕКСТ»: К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОРТРЕТА ГОРОДА

«Имя города — живой Текст, — весьма поэтично выразился географ Д. Н. Замятин. — В чистом поле строятся-пишутся дома-слова, прокладываются улицы-предложения, открываются площади-тире, возвышаются памятники-вопросы, волнуются скверы-скобки, расстилаются пригороды-парафразы, тянутся посадки-примечания, обрывающиеся пустой страницей». Город (лат. *urbos*) представляет собой сложное единство, включающее природные факторы, материальные объекты, создаваемые человеком, и самих людей (Гутнов, 1977).

Развивая мысль о самостоятельной сущности города, мы продолжаем древнейшую традицию наделения жителями мест своего обитания не только собственными именами, но и индивидуальными характеристиками: *Киев — мать городов русских, вольный Новгород, златоглавая Москва*. Можно вспомнить также старинные «дразнилки» *Орел да Кромь — первые воры*; или поговорки *Новгород Нижний — Москве сосед ближний*. Интуитивно чувствуя «личный» характер, особый склад города, используя языческое понятие «дух (гений) места», Ф. И. Тютчев создал в своих письмах и стихах узнаваемые «портреты» Праги, Варшавы, Москвы, Киева, Петербурга. Данный подход уже в наши дни был поддержан и развит В.Н.Топоровым, обратившимся в своих последних штудиях к феномену «петербургского текста» (Топоров, 1995).

Мы, в свою очередь, предлагаем видеть в Городе одну из активных сторон перманентно длящегося коммуникативного акта: город — урботекст — «коллективный горожанин». «Текущий» в пространстве и времени уникальный продукт мыслеречевой деятельности — урботекст — начинает формироваться буквально с первых дней основания города (мы имеем в виду различные названия и т.п. факты). С одной стороны, складывающийся городской язык объединяет жителей, разрешая проблему их коммуникации: с другой — в результате многообразной духовной и культурной деятельности горожан в урботексте происходит постоянное накапливание информации, поддающейся прочтению населением и жизненно важной для функционирования самого города. Впоследствии, отделяясь от своих постоянно сменяющихся во времени «авторов», урботекст осознается уже как вполне самостоятельная и уникальная сущность, проявляющаяся внешне в виде характерных языковых примет. Часть подобного текста сохраняется в качестве устных преданий (городской фольклор), часть — в виде письменных материалов (документы, граффити и т.п.).

Выделенный нами *in abstractio* урботекст обладает присущими всем текстам универсальными свойствами: относительной стабильностью, своего рода неизменяемостью в синхроническом аспекте, равенством самому себе, истинностью и т.д. (Лотман, 1992). В нем присутствует даже своеобразное «авторское начало» («образ места»), поскольку этот текст является материально выраженным отпечатком городского «гласа».

Сложная, мозаично складывающаяся языковая система Города (урботекст), может быть подвергнута исследованию в историко-языковом, семиотическом, психо-, этно- и социолингвистическом аспектах. Так, весьма плодотворным и логически обоснованным представляется нам подход к изучению, к примеру, культурно-значимого городского словаря (урбонимии - названий улиц, районов, парков и пр.) под углом «наивной» картины мира (Апресян, 1993), когда языковые факты дополняются сведениями из истории, национальной культуры, мифологии и других информативных источников.

Урботекст включает неповторимую номинацию, зачастую выполняющую роль «пароля» при разграничении коммуникантов на «своих» и «чужих»: в нем встречаются особые речевые жанры, продиктованные социально-экономическими, политическими и культурными условиями региональной жизни, часть из которых впоследствии формирует канву общегородского фольклора: можно выделить и своеобразную, отражающую многонациональный уклад (как, например, в Уфе) стилистическую манеру речи — устной и письмен-

ной; «сакральные» городские пространства, на которых разворачиваются наиболее важные коммуникативные действия; свой способ графического исполнения надписей; и, конечно, характерные особенности речевого поведения горожан. Специфической чертой урботекста Уфы в этом отношении можно считать включение регионализмов.

Итак, в городе, как в плавильной печи, на протяжении веков из множества различий и общностей, многочисленных вариантов речевых жанров, манер поведения, стилей и акцентов рождается нечто «цельно-единое» — конгломерат устно-письменного текста, некий конструкт, все составляющие которого глубоко социологизированы, поскольку они связаны не только с самой системой языка («язык как эргон») и с деятельностью («язык как энергейя» — В. Гумбольдт), но и вовлекают в сферу своего притяжения широкую внеязыковую городскую реальность (Бахтин-Волошинов, 1995).

Секция 6. ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Г. А. Авдеева

Нижнетагильский государственный педагогический институт

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ПОВТОРА В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Повторяемость определенных компонентов (фонетических, морфемных, синтаксических) традиционно привлекает к себе внимание исследователей поэтической речи (В. П. Григорьев, А. П. Журавлев, Н. А. Кожевникова, Л. П. Черкасова и др.). М. И. Цветаева была поразительно внимательна к морфемной структуре слова, и поэтические фигуры, основанные на морфемике, — яркая черта ее идиостиля. Эти фигуры усиливают контекстуальные связи слов внутри текста, выделяют наиболее значимые лексемы.

Приставка, хотя и не обладает такой семантической нагрузкой как корень слова, способна в некоторых случаях стать ведущим семантическим звеном синтагматических связей текста; по справедливому замечанию А. П. Журавлева, начальные звуки слова, как правило, несут значительно большую нагрузку, чем все остальные звуки. Многие стихотворения М. И. Цветаевой структурно организованы последовательным повтором префиксов: наиболее ярким примером такой организации может служить уже привлекавшее внимание исследователей стихотворение «Расстояния: версты, мили...».

Специальный анализ свидетельствует, что в поэзии М. И. Цветаевой отмечаются случаи повтора самых различных глагольных и именных префиксов. Ср. случай пятикратного повтора приставки *без-*:

...Удар, заглушенный забвенья, незнания
Беззвучною чашей.
Грех памяти нашей — безгласой, безгубой,
Безмясой, безносой.

Стихотворение «Взгляд» структурно организовано повтором приставок в словах *обескровлено, обезнадеежено, обезноено, обезжемчужено, обездоленных, обессмысленность, обезмуженная*. Показательно, что здесь, как и во многих других стихотворениях, М. И. Цветаева активно использует окказиональную приставочную лексику.

Во многих случаях приставочный повтор сопровождается повтором омонимичного предлога. Так, в стихотворении «Заочность» повторы приставки (*затворы, заочность, заустно, заглазно*, сюда же относится слово *завение* с этимологической приставкой *за-*) активно поддерживается повтором предлога (*за оком, за пределом души, за пределом тоски*), а также аллитерацией на *з* (*взаимность, зон, соблазном* и др.).

Показательно, что М. И. Цветаева отдает несомненное предпочтение отдельным значениям приставок, чаще всего это значения интенсивности, чрезмерности, предела действия, его исчерпанности и всеохватности.

Нередко повтор приставок сопровождается анафорическим построением строфы, что еще более подчеркивает эстетическую значимость приставки. Примером может служить стихотворение «Смерть — это нет...».

...Смерть — это так:
Недостроенный дом.
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутий крик.

В целом исследование поэзии М. И. Цветаевой показывает, что в ее приставочном повторе особенно активно используются слова со значением действия (глаголы, причастия, отглагольные существительные), а среди значений повторяемых приставок наиболее выделяется семантика предельности, чрезмерности интенсивности. Приставочный повтор в поэзии М.И. Цветаевой часто сопровождается другими фигурами: анафорой, повтором омонимичных предлогов, аллитерацией на входящие в состав приставок согласные.

И. И. Бакланова

Московский государственный педагогический университет

**РОЛЬ ГЕНЕРАТИВНОГО РЕГИСТРА РЕЧИ
В СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ К. Г. ПАУСТОВСКОГО)**

Одной из важнейших задач лингвистики является анализ организации текста с точки зрения его содержательных особенностей. На основании теории коммуникативных типов речи выделяются пять регистров речи: репродуктивный, информативный, генеративный, волюнтивный и реактивный (Золотова, 1982, 1994).

Наиболее общим по своему содержанию является генеритивный регистр. Генеритивный регистр обобщает информацию, соотнося ее с универсальным знанием. Предложения генеритивного регистра строятся из имен, обладающих генерализованными смыслами, и предикатов, имеющих длительные смыслы. Подобные предложения сообщают о долговременных или постоянных свойствах целых классов объектов и представляют собой ответы на вопросы типа «Что характерно для мира, о котором идет речь?».

Целью настоящей работы является выяснение функций генеритивного регистра в композиционно-синтаксической структуре текста. Работа выполнена на материале рассказов К. Г. Паустовского.

Функции генеритивного блока во многом зависят от места его расположения. Если блок генеритивного регистра расположен в начале смыслового отрезка текста, то он заключает в себе мотивировку содержания последующего фрагмента текста. *«Очевидно, общение с детьми развивает в человеке многие добрые свойства. «Утиль» был человек по внешности суровый, даже, как говорится, «страховидный» — косматый, заросший седой щетиной, с багровым от солнца и ветра облупленным носом. <...>»*.

Если блок, относящийся к генеритивному регистру, находится в конце смыслового отрезка текста, то он подытоживает фрагмент, указывая на общую закономерность, которая является выводом по отношению к предыдущему тексту: *«Особенно мне запомнилась маленькая старушка с дрожащим испитым лицом, в давно потерявшей черный цвет, порывшейся от времени, лоснящейся тальме. Такие тальмы носила еще моя бабушка, несмотря на вежливые насмешки всех ее дочерей — моих тетушек. Даже в те далекие времена тальмы вышли из моды («Наедине с осенью»»*).

Если блок генеритивного регистра является придаточной частью сложноподчиненного предложения, то он имеет значение комментария к сказанному. В этом случае смысловая функция генеритивного регистра, как правило, зависит от типа придаточной части.

Как показывают наблюдения, последовательность чередования регистров речи представляет важную характеристику структуры текста.

Рассказы К. Г. Паустовского условно можно разделить на две группы. Первая группа — рассказы с элементами автобиографичности; в них повествование ведется от 1-го лица.

Если предложения генеритивного регистра в указанных рассказах присутствуют в авторской речи, то они придают прозе философский характер. В этом случае в повествовании явно присутствует автор, который не только рассказывает, но и делает выводы и обобщения.

Вторая группа — это рассказы об известных и неизвестных людях, где повествование ведется от 3-го лица.

В этих рассказах личность автора уходит на второй план, и внимание концентрируется не на размышлении, а на повествовании. Поэтому примеров генеритивного регистра здесь может не быть вообще, как, например, в рассказе «Снег». Читатель рассказа поставлен в позицию непосредственного наблюдателя описываемых событий. Но если генеритивный регистр присутствует в этих рассказах, то отражает, в первую очередь, мысли самого персонажа. Именно поэтому примеры генеритивного блока в рассказах второго типа часто включены в прямую речь действующего лица.

В тех случаях, когда блоки генеритивного регистра в рассказах второго типа встречаются в авторской речи, то они, как правило, могут быть квалифицированы как описание внутренней речи персонажа.

Наши наблюдения показывают: генеритивный регистр не является обязательным компонентом структуры рассказа. Однако, встречаясь в текстах рассказов, он придает им философскую окрашенность, отражая размышления повествователя или персонажей художественного произведения.

Н. В. Гульяева

Уральский государственный университет

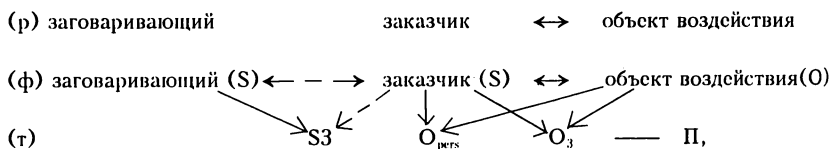
**АСИММЕТРИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ТЕКСТА И ТЕКСТА-ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ ЗАГОВОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЛЕЧЕБНЫХ И ЛЮБОВНЫХ ЗАГОВОРОВ)**

В свете антропологической направленности современных лингвистических исследований внимание ученых все чаще оказывается обращенным на изучение различных процессов речевой деятельности, в том числе процесса текстообразования. В этой связи представляется важной и показательной попытка анализа с точки зрения деятельностного подхода фольклорного текста, традиционно воспринимавшегося как сумма «застывших» смыслов. При этом наиболее интересна заговорная традиция, демонстрирующая яркую прагматическую ориентацию вербального ряда, призванного не только называть, но и направлять и концентрировать желаемое действие, что должно привести к магическому преобразованию действительности. Исследование заговорного текста в этом ключе поможет обнаружить корреляцию между «словом» и «делом» путем сопоставления структуры «готового» текста и интенций говорящего. Интенции говорящего в процессе его функционирования — в заговорно-заклинательном акте); «готовый» текст предполагает выключен-

ность из заговорной ситуации (такой текст, являющийся объектом анализа исследователя, будем называть виртуальным текстом). В соответствии с известной антиномией В. Гумбольдта текст-высказывание должен интерпретироваться как «энергейя», а виртуальный текст — как «эргон».

Соотношение виртуального текста и текста-высказывания выявляется, в частности, при анализе субъектно-объектной организации заговора (заговаривающий, имярек, объект воздействия). Особенности субъектно-объектной организации находят отражение в структуре заговорного текста, а именно в способе представления субъекта заговора (S_3), объекта заговора (O_3) и идентификации имярека и/или заговаривающего с тем или другим персонажем заговора.

При анализе русских народных любовных и лечебных заговоров отношения между виртуальным текстом и текстом, функционирующим в составе заговорно-заклинательного акта, предстают как асимметричные. Такая асимметрия проявляется, в частности, в доминировании в определенных сегментах текста либо «точки зрения» заговаривающего (уровень функционирования, так как функция заговаривающего выполняется в реальной ситуации), либо «точки зрения» персонажа (уровень текстовый, так как персонаж S_3/O_3 – текстовая роль). Например, субъектно-объектные отношения в инвариантном тексте лечебного заговора могут быть представлены в виде следующей схемы:

где (р) — реальный план, (ф) — план функционирования заговора, (т) — текстовый уровень, S_3 — субъект заговора (текстовая роль), O_3 — объект заговора (текстовая роль), O_{pers} — объект-носитель признака (текстовая роль), Π — посредник (текстовая роль), - - - — нерегулярно реализуемые связи, — отсутствие соотношенности минимум двух планов — (р), (ф), (т).

Таким образом, в реальном плане заказчик лечебного заговора является одновременно и предполагаемым объектом воздействия, поэтому в плане функционирования роли заговаривающего и заказчика выполняют разные лица.

На текстовом уровне заговаривающий чаще всего выступает как S заговора, а заказчик — как O_{pers}.

Упоминание в инвариантном заговоре-просьбе (представляющем

разновидность эпического заговора) имени собственного вводит в заговорный текст имярек как субъекта действия. При этом имярек как S_3 как бы находится внутри ритуального пространства и совершает некие действия, которые — одновременно с их осуществлением — комментируются говорящим, находящимся в момент высказывания в «бытовом» пространстве. Герой-персонаж, направляющийся к сакральному центру, и его двойник-говорящий, находящийся в одной и той же точке пространства, идентифицируется через обозначение и того, и другого единым именем. Обращение героя-персонажа к могущественному «третьему лицу» выполняет магическую функцию и приводит в заговорном тексте к мгновенному «перемещению» персонажа из чужого пространства в свое, фиксируя заключительный момент «просьбы» и заключительные слова собственно заговорного текста. Таким образом, «сюжетная часть заговорного текста ориентирована на динамическую «точку зрения» заговаривающего. Наличие эпической части заговора продиктовано мифом, здесь актуализируются собственно внутритекстовые связи; наличие зачина и закрепки определяется целевой установкой заговора. Указанные элементы обрамления ядра отмечают начало и конец речевого высказывания, закрепка, кроме того, «выводит» из пространства мифа в мир реальности.

Ю. В. Казарин

Уральский государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА И ТВОРЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ И СУДЬБЫ С. ЕСЕНИНА)

1. В современной филологии термин «творческое поведение» появился сравнительно недавно (см. работы А. К. Жолковского, Л. Е. Бежина, Л. П. Быкова и др.). Проблема творческого поведения в силу своей комплексности, невероятной сложности и интерпретационно-оценочной неоднозначности предполагает изучение многих аспектов не просто того или иного текста в составе той или иной историко-литературной парадигмы текстов, но и — главным образом — анализ особенностей личности автора (биографический аспект).

Объект нашего исследования — художественная (индивидуально-авторская) картина мира (далее ХКМ) и творческое поведение поэта (далее ТПП) как явления взаимосвязанные, взаимососоотносимые, как ХКМ поэта вообще в сопоставлении с ТПП в качестве отвлеченного, умозрительного инварианта или типа ТПП вообще. Предметом анализа явились поэзия и ТПП С. Есенина как одного из главных представителей имажинизма.

2. Наша работа основывается, во-первых, на «филологическом» подходе в изучении художественных текстов (достижения Тартуской школы текстоведения), а во-вторых, мы используем идеи и методы исследования ХКМ и ТПП, появившиеся в науке в последние годы. Наша работа предполагает анализ данной проблемы в следующих аспектах: — текстологическом; — антропологическом; — историко-литературном; — биографическом и др.

3. В процессе анализа нами установлено следующее:

а) существует явная взаимосвязь ХКМ и определенной модели ТПП имажиниста, а также конкретные «реализации» такой модели, например ТПП А. Мариенгофа и С. Есенина можно рассматривать как различные варианты ТПП-имажиниста с набором своих, присущих только данному ТПП дифференциальных и общих (категориальных) признаков;

б) ТПП С. Есенина является своеобразным ключом к глубинной интерпретации не только фактов биографии поэта, но и собственно специфики и развития его творчества;

в) ХКМ и ТПП С. Есенина не вмещаются в рамки ХКМ и ТПП-имажиниста и приближаются по «набору» категориальных признаков к модели ХКМ и ТПП русского поэта вообще (ср.: ТПП Ап. Григорьева, С. Есенина и нашего современника Н. Рубцова).

4. ТПП — категория текстовая и нетекстовая, в этом ее основная сложность. Однако именно такая специфика категории ТПП и ее взаимосвязь с категорией ХКМ, на наш взгляд, и вынуждает исследователя учитывать полный комплекс аспектов и проблем, сопутствующих созданию художественного текста, в ходе объективного изучения и исследования русской поэзии.

Н. М. Мухина

Уральский государственный университет

**«КОСМИЧЕСКОЕ» И «ИСТОРИЧЕСКОЕ» ВРЕМЯ
В ЭСТЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА
(СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ «КАМЕНЬ» И «TRISTIA»)**

Время как круговое движение (день — ночь, времена года, жизнь — смерть, сон — бодрствование и т.п.) определяется как «космическое» (Н. А. Бердяев). Именно в таком виде в основном представлено изменение времени в 1-м сборнике стихотворений О. Мандельштама «Камень». В текстах «Камня» идея прекрасного связана с поэтическим ощущением одновременности существования разных культурно-исторических эпох, что объясняет главенствующую роль в эстетико-концептуальной системе пространственных обра-

зов, пространственной организации текста. Идея времени, таким образом, остается здесь на втором плане.

В отличие от «Камня», сборник «Tristia» содержит стихотворения, непосредственно связанные своей фабулой с историческими событиями (первая мировая война, революция), соответственно идея времени приобретает в нем первоочередное значение. Время заявляет о себе как история, нарушающая гармонию восприятия жизни. Оно приобретает точку отсчета («начало оскорбленной эры», «великий сумеречный год») и из «космического круга» превращается в прямую линию «исторического времени» («время вспахано плугом»), уводящую поэтическое мировоззрение от красоты мира: *В ком сердце есть, тот должен слышать, время, // Как твой корабль ко дну идет... // Не видно солнца, и земля плывет* («Прославим, братья, сумерки свободы...»).

Итак, переход от гармонии к дисгармонии связан с появлением исторического времени, разрывающего целостность бытия, дробящего его на прошлое, настоящее и будущее. В стихотворениях это явление отражается так: «время-бремя», «конец бессмертия», сначала — «траур воспоминаний», а затем — «беспамятство». По Н. А. Бердяеву, «личность, раненная и поработанная историческим временем, ищет избавления от плена истории переходом в космический план существования». Именно такое преобразование лежит в основе эстетико-концептуальной системы сборника «Tristia», в котором идея космического времени, идея постоянной цикличности жизни как символа возрождения, перевоплощения, бессмертия приобретает высшую эстетическую значимость, с семантикой цикличности и ритмизации жизни, противопоставленной линейному движению истории, связаны многие образы стихотворений «Tristia», каждый из которых по-своему дополняет концепт «красота»: биение *сердца-часов*, сон и бодрствование, *лиры — черепахи*, кипение жизни города как повторяющейся песенки, счастье как *обруч золотой, заколдованный круг*, а также образ познания бытия в стихотворении, давшем название сборнику: *И я люблю обыкновенье пряжи: // Снует челнок, веретено жужжит... // Все было встарь, все повторится снова, // И сладок нам лишь узнаванья миг.*

Таким образом, в книге стихов «Tristia» для воплощения идеи прекрасного, трудно достижимого из-за нового знания лирического субъекта о времени историческом, поэту потребовался сознательный переход в «космический план». В соответствии с этим ведущую эстетико-концептуальную функцию здесь выполняют категории времени и временной организации текста.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ В РУССКОЙ ЧАСТУШКЕ:
ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ

1. Одной из уникальных манифестаций русской языковой культуры является частушка — «главный жанр крестьянской лирической поэзии последнего столетия» (М. Ф. Селиванов). Исследование частушки, особенно ее поэтики, началось давно, известен интерес к частушке П. Флоренского, М. Бахтина. Менее изученным оказался язык частушки, между тем его исследование могло бы способствовать решению таких вопросов, как диалектичен или недиалектичен фольклор и т. д.

В этих условиях важным представилось описание частушечных названий лиц, связанных с микротемой любви, — это названия любимого, любимой, соперницы и т. п. Источником материала послужили сборники частушек, в их числе «Библиотека русского фольклора. Частушки» (М.: Сов. Россия, 1990), а также частушки, записанные авторами в Тюменской и Курганской областях.

2. Исследование названий любимого, любимой и т. п. показало, что они многочисленны и многообразны; в составленный авторами предварительный словник, включающий только простые (несоставные) номинации, вошло около 140 единиц. Таковы, например, многочисленные названия любимого: *боля, болечка, болина, болиночка, боляня* и др.:

Болечка, болиночка,
В тебе моя кровиночка
Боля высушил меня —
На кого похожа я.

Многочисленны названия соперниц: *грубиянка, грубияночка; злодейка, злодеечка; конкуренка, конкуреночка; лиходейка, лихоедеечка; перебеечка; супостатка, супостаточка; соперница; супротивница*. Подавляющее большинство названий, около 3/4 составленного словника, являются вторичными номинациями, развившимися лексико-семантическим путем; это результаты метафоризации, сужения значения слова без метафоризации, метонимии, эллипсиса словосочетаний.

3. Метафорическим путем в числе прочих возникли такие широко употребляемые названия любимых, как *ягода, ягодка; ягодина, ягодинка, ягодиночка*. Всем этим словам в литературном языке и/или в говорах соответствуют прямые номинации. Сказанное, впро-

чем, не исключает и факты суффиксации внутри самого этого гнезда, начало которому положила метафоризация первых звеньев цепей.

В большинстве частушек приведенные слова выступают как мертвые метафоры, однако в некоторых текстах связь с прямым значением выступает как живая; в связи с этим можно говорить о нескольких этапах развития слов, напр., слово *ягодиночка*:

а) слово входит в состав положительно-оценочного сравнительного оборота:

Милый в новом пиджачке,
Сам — как ягодиночка;
Зазнобил мое сердечко,
Как на речке льдиночка;

б) слово выступает как метафора-приложение:

Меня мама била — ой!
О кроватку головой,
Таскала за кудриночки
За Васю-ягодиночку;

в) метафора, сохраняя женский род, употребляется в сочетании с местоимением *моя*:

Посиди-ка со мной рядом,
Ягодиночка моя,
Чтобы сердце не болело
У тебя и у меня;

г) слово развивает значение мужского рода и может употребляться в любом, в частности, в отрицательно-оценочном, контексте.

Ягодиночка мой,
Я тебя дороже:
На четыре годика
Я тебя моложе.

4. Метафорические названия лиц чаще всего восходят к различным названиям растительного мира, обладающим положительно-оценочным ореолом: *земляничина* — *земляничинка*; *малинка* — *малиночка*; *роза* — *розочка*; *цветок* — *цветочек* и т. п. Эти названия различаются и по степени употребительности, и по степени десемантизации. Так, *роза*, *розочка* могут употребляться в любом контексте:

За измену, лихорадка,
Тряси розу моего
Тряси четырнадцать недель
По четыре раза в день.

В то же время *малинка* и *малиночка* сохранили устойчивое положительное-оценочное значение:

Ох, какая я счастливая
На это имечко:
Коля — сват, Коля — брат,
Коля и малиночка.

5. Метафорические названия лиц составляют около 1/5 созданного словника, но употребительность многих из них в текстах настолько широка, что их можно квалифицировать как рифмообразующее средство; так, нами обнаружено очень много частушек, рифма которых строится на базе слова *ягодиночка*; очень часты рифмы: *ягодиночка — льдиночка*, *ягодиночка — тропиночка* и т. п. Это слово активизирует образование окказионализмов с финалью *-иночка*:

Трактор пашет, трактор пашет,
Трактор — тракториночка;
С колеса платочком машет
Милый ягодиночка;
Я пою, как соловей,
Пою, как соловьиночка;
У высоких елочек
Послушай, ягодиночка.

6. Названия лиц, связанные с микротемой любви, в том числе и метафорические, являются ярким жанровообразующим средством частушки и составляют важную часть ее словаря.

7. Особо стоят «разовые» характеристики лиц:

Неужели ты изменишь
Меня — розу алую;
Неужели променяешь
На траву лежалую?

Подобные метафоры функционируют лишь как элементы поэтики частушки.

**КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА
КОРОТКОГО РАССКАЗА И. А. БУНИНА КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ**

Рассмотрение композиционно-речевой структуры художественного текста с точки зрения ее системной организации как состоящей из элементов, функционирующих в едином целом — композиционно-речевой структуре — позволяет построить модель композиционно-речевой структуры текста короткого рассказа И. А. Бунина и описать ее как индивидуальную модель текста, представляющую собой реализацию текстовой личности автора.

Модель композиционно-речевой структуры текста короткого рассказа И. А. Бунина представляет собой динамическую полевую модель, состоящую из двух компонентов — ядерного и периферийного и реализующуюся в художественном тексте в зависимости от коммуникативной цели субъекта говорящего (автора). Каждый из компонентов модели потенциально состоит из нескольких элементов, один из которых является маркированным для конкретной речевой партии: для речевой партии повествователя — монологическое слово повествователя, для речевой партии персонажа — прямая речь персонажа. Другие элементы (несобственно-прямая речь, косвенная речь персонажа и повествователя, прямая речь повествователя) входят в структуру компонентов посредством процесса усложнения компонента. Элементы ядерного компонента иерархизируются в отношении доминантно/недоминантного элемента; элементы периферийного компонента иерархизируются в зависимости от близости/удаленности от ядра композиционно-речевой структуры художественного текста. Каждый из элементов выполняет специфические, присущие только ему функции в текстах коротких рассказов И. А. Бунина.

Изменения модели при ее текстовой реализации сводятся к трем процессам: усложнения, свертывания, включения. Процесс усложнения сопровождает каждую модификацию модели композиционно-речевой структуры. В зависимости от реализационного процесса выделяется основная реализация, модификации со свернутой структурой, модификации с включением интегративного компонента. Комбинация процессов создает вариативность модификации модели композиционно-речевой структуры текста.

Система модификаций (включая их варианты) составляет реализационную парадигму композиционно-речевой структуры текста короткого рассказа. Реализационная парадигма включает 6 форм, представленных 15 вариантами.

Модели композиционно-речевой структуры, модификации, доминанта и т.д. обеспечивают непрерывное движение динамически равновесной/неравновесной системы композиционно-речевой структуры как части текста. Эта непрерывно движущаяся динамическая система, воплощенная в динамической модели композиционно-речевой структуры художественного текста, ориентирована на реализацию текстовой личности автора. Это свойство художественного текста представляет собой «чистую» системную сущность, возникающую в композиционно-речевой структуре художественного текста вследствие взаимодействия речевой партии повествователя и речевой партии персонажа.

Композиционно-речевая структура короткого рассказа И. А. Бунина ориентирована на установление отношений между субъектом говорящим (автором) и субъектом слушающим (читателем) благодаря тому, что она, как принадлежность художественного текста, входит в художественно-речевую коммуникацию деятельности говорящего/слушающего. Деятельность говорящего состоит в выборе соответствующей модификации и ее варианта для воплощения собственного текстового «Я». Деятельность слушающего (читателя) состоит в наложении «жизненного мира» объекта, меня (читателя) на мир другого субъекта (автора), результат этого реализуется в категории интерсубъективности, что, в свою очередь, ведет к «чистой» сущности, воплощающей авторское «Я». Деятельность читателя, по терминологии Э. Гуссерля, состоит в процедуре феноменологической редукции. Читателю в его интерпретативной деятельности необходимо постичь (=добиться, совершив ряд шагов) «чистую» сущность художественного текста, воплотившую авторское «Я» и структурированную в композиционно-речевой структуре как динамической системе. Деятельность субъекта говорящего (автора) представляет собой структурирование своего «Я», а деятельность субъекта слушающего (читателя) сводится к деструктурированию этой сущности. Продукт деятельности субъекта говорящего в этом отношении — композиционно-речевая структура художественного текста, а для субъекта слушающего композиционно-речевая структура художественного текста являет собой объект его деятельности в сфере художественно-речевой коммуникации.

А. В. Снигирев

Уральский государственный университет

**АЛЛЮЗИИ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА»)**

Жанровые особенности сатирических произведений определяют

высокую насыщенность в них «чужих текстов», или «текстов в тексте» — по определению Ю. М. Лотмана. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина не является исключением. Предмет рассмотрения в докладе — категории «чужого текста» и способы их репрезентации в данном романе. На основе различных методологических подходов к исследованию были выявлены категории «чужого текста», различные по функционированию: аллюзия и реминисценция. Данные категории рассматриваются как типологические понятия, включающие в себя понятия видовые: биографическая и социальная цитата для аллюзии, структурная, культурологическая цитата и цитата как таковая для реминисценции.

В биографиях художественного образа из романа «История одного города» градоначальница Грустилова и реального Императора Всероссийского Александра I — слишком много точек соприкосновения, чтобы говорить о случайности. Мы можем констатировать то, что А. К. Жолковский называл хронологическо-биографической перекличкой, или биографической цитатой. Однако Салтыков-Щедрин не ограничивается только этим в обрисовке образа Грустилова. Изображая реальные действия и факты жизни Александра I, выбирая именно их в качестве исходной базы, писатель искажает их с помощью гиперболы. Так, за неудачами по службе раннего Александра I следуют в романе голодные солдаты и т. д. Биографическая цитата актуализирует текст, благодаря чему читающий соотносит роман с уже существовавшей реальностью. Однако, обращаясь к эмпирической реальности, автор цитирует не только факты истории. Так, в главе «Органчик» упоминается «критический анализ недоимочных реестров», который комментируется как «очевидный анахронизм». Так, несмотря на историческую ориентацию своего романа, Салтыков-Щедрин вводит в него реалии современной жизни, делая роман одновременно псевдо-историческим и актуальным. Наиболее распространенный в произведениях Салтыкова-Щедрина прием — обращение к имени, уже существовавшему в литературе и вошедшему в культурную парадигму. Имя несет в себе не только семантику обозначения конкретного персонажа, но и добавочную, обобщенно-культурную. Имя не только действует вместе с персонажем, но и становится символом. Так, имя Пимена в романе выступает в двух ипостасях: как символ летописца и как образ деятеля. Структурные цитаты, повторяющие прежде всего структурное построение, стиль существующих произведений, постоянно вставляются автором и имеют основой, прежде всего, старославянские памятники письменности. Нетрудно вывести фразу глуповского летописца: «Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земле...» — слова из «Слова о полку Игореве».

Читатель постоянно обращается тем самым к отечественной истории, и возникает общий исторический план — от древних истоков до современности, которая присутствует в ткани повествования, но маркируется как анахронизм. Наиболее часто встречающийся вид реминисценции в тексте — цитата как таковая. Подавляющее большинство цитат в романе заимствовано автором из фольклора. При этом автор ограничивает круг персонажей, употребляющих цитаты. Носителями их стал народ как таковой. Фольклор в качестве речевой характеристики образа приводит к предельному обобщению последнего: произносятся пословицы, поговорки, запева песни, глуповцы изрекают не индивидуальные мысли и переживания, а уже закрепленные в традиции и до предела обобщенные. В то же время как реминисценция выделяет то общечеловеческое, что есть в романе и вводит последний в общекультурный пласт, аллюзия выделяет в произведении прежде всего актуальный, связанный с определенным временем и местом план.

М. В. Тростников

Московский государственный педагогический университет

КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЭТИКЕ И. БРОДСКОГО

Предметом анализа является следующий поэтический текст из цикла «Часть речи».

...и при слове «грядущее» из русского языка
выбегают мыши, и всей оравой
отгрызают от лакомого куска
памяти, что твой сыр, дырявой.
После стольких зим уже безразлично, что
или кто стоит в углу у окна за шторой,
и в мозгу раздается не неземное «до»,
но ее шуршание. Жизнь, которой,
как дареной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.
От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.

Использованные автором в данном стихотворении приемы, особое значение среди которых имеют контекстуальный эллипсис, основанный на умолчании (стихотворение начинается с середины фразы, мысль движется скачкообразно, предоставляя читателю возможность самому заполнять смысловые лакуны) и цепочке местоименных и кореферентных замен («что» — «кто» —

«вам» — «твои» — все эти слова не имеют конкретно названного референта; последний либо мыслится обобщенно, либо индивидуален для каждого читателя); а н ж а б м а н как сквозной прием организации текста, что приводит к оригинальному интонационному рисунку («что или кто стоит в углу у окна за шторой» — ожидаемый союз оказывается местоимением), запутанное т е м а - р е м а т и ч е с - к о е ч л е н е н и е , принцип *обманутого ожидания* («от всего человека вам остается часть → речи»), — позволяют вам определить грамматический уровень как основной образосозидающий уровень данного текста..

Ключевое понятие текста — «часть речи» — может быть декодировано как инвариантное воплощение сущности человека, то вечное, что остается, если убрать все второстепенное, внешнее, наносное, то, что собственно, и делает человека человеком. Это понятие является константой, т. е. независимой от изменения переменных величиной.

Движение есть изменение положения предмета в системе пространственно-временных координат. Соответственно понятия «время» и «пространство» являются антиподами понятий «инвариант» и «категория». Правоммерно выделить поэтов, которым свойственно пространственно-временное сознание, и поэтов, которым свойственно «инвариантное» или «категориальное» сознание. Поэты второго типа, к которым принадлежит и Бродский, оперируют глубинными понятиями «вечное», «исконное», «изначальное», что позволяет говорить об отсутствии системы пространственно-временных координат в их образной системе.

Итак, «художественное время» поэзии Бродского может быть определено как время эпическое, внутренне замкнутое и самодостаточное, как время, соотносимое не с реальным линейным временем, а с временем литургическим, церковным, основные черты которого: цикличность, константность, внутренняя замкнутость и самодостаточность.

А. А. Фомин

Уральский государственный университет

О КЛАССИФИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ А. ГРИНА)

На начальном этапе исследования собственных имен того или иного произведения или совокупности произведений важное место принадлежит такому приему анализа, как классификация.

При этом в основу классификации должны быть положены существенные для данного материала признаки, отражающие специфику литературной ономастики. По нашему мнению, эта специфика

ка обусловлена тем, что литературные онимы являются важным элементом сложного эстетического целого — художественного текста и отражают качества, присущие тексту в целом, как индивидуально авторские (творческая манера, жанровые особенности произведения). Процесс номинации персонажей (реалий) в художественном тексте может осуществляться различными способами и характеризоваться большей или меньшей творческой свободой писателя. Классификация, основанная на учете таких способов номинации, имела бы универсальный характер, так как она обращена к одной из наиболее существенных черт литературной ономастики — ее производности, творимости.

Литературный оним представляет собой сложное двуединство означающего (звуковая или графическая форма имени) и означаемого (устойчивое представление о персонаже или реалии;) общее для читателей содержание, обозначенное данной звуковой формой, т. е. десигнат имени). Поэтому наряду со звуковой формой имени писателем может твориться и его десигнат, содержательная сторона. Автор может и вообще отказаться от создания нового имени, используя уже имеющийся оним, достаточно известный читателям — носителям языка.

Таким образом, выделяются три основных литературных онимов:

1) имена, которые ни в каком отношении не создаются автором текста, а заимствуются им из общего культурно-языкового арсенала. Имена собственные данного типа являются своеобразными знаками, позволяющими читателю ориентироваться в художественной реальности произведения, соотнести действие с определенными пространственными, временными или культурными координатами. Для А. Грина характерно широкое использование подобных онимов;

2) имена, создаваемые только в аспекте их содержания (десигната), тогда как звуковая форма имени берется автором в готовом виде (источник такого «заимствования» может быть различным: ономастикон определенного языка, произведения другого писателя и т. д.; различными могут быть также эстетические и стилистические функции подобной номинации: аллюзия, скрытая полемика и пр.). Так, главный герой романа «Бегущая по волнам» именуется *Томас Гарвей* (обычная для многих ономастических систем двухчленная формула: имя + фамилия). Имя *Томас* (Thomas) входит в английский ономастикон, являясь одним из самых распространенных у англоязычных народов (см.: Словарь английских личных имен. М., 1973. С. 335); фамилия *Гарвей* представляет транслитерацию соответствующей английской фамилии *Harvey* (Garvey), восходящей, в свою очередь, к английскому мужскому имени *Harvey* (Там же. С. 180) и также встречается нередко (см., напр. Советс-

кий энциклопедический словарь. М., 1980. С. 279). Таким образом, для номинации порождаемого авторской фантазией персонажа писатель использует готовые звуковые формы, уже имеющиеся в английском языке;

3) имена, у которых автором создается и звуковая форма, и десигнат. Значительное количество онимов третьей группы ярко демонстрируют писательскую манеру А. Грина, его склонность к «изобретению» ономастических единиц, к имятворчеству.

О. А. Черепанова

Уральский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ФЕЛЬЕТОННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФЕЛЬЕТОНОВ М. ЗАДОРНОВА)

Основная тональность любого фельетона — сатирическая.

Сатирическое звучание фельетонного текста определяется идейно-художественным замыслом писателя-фельетониста, творчество которого направлено на эстетическую критику общественных явлений..

Языковые средства — это один из приемов создания комического и его разновидности — сатиры. Языковые средства, используемые в соответствии с поэтической функцией языка и опорой на такие принципы, как принцип противоречия, контраста, неожиданности, отклонения от нормы (узуса), порождают языковую игру и комический (или сатирический) эффект.

Сатирические фельетоны М. Задорнова построены при активном использовании таких приемов языковой игры, как ирония, принцип речевой маски, каламбур, словообразовательная игра, нарушение логических оснований построения текста, нарушение законов семантической сочетаемости знаков, комическая обработка устойчивых сочетаний и прецедентных текстов, комическое развертывание языкового образа.

Для фельетонов М. Задорнова характерно совмещение различных приемов языковой игры в пределах одной текстовой единицы, заключающей в себе комический смысл. Данные приемы функционируют в дву- или трех- компонентных комбинациях. Последние, сочетаясь с такими приемами, как ироническая предикация, ироническая номинация и ироническое сравнение, предопределяют основную тональность фельетонов М. Задорнова как ироническую.

Конкретное содержание отдельных текстовых единиц — результатов языковой игры (неузальных слов, словосочетаний, предложений, ССЦ) — позволяет М. Задорнову более лаконично, неординарно и выразительно (по сравнению с другими жанрами литературы) передать авторскую концепцию и оценку.

Секция 7. ДОСТИЖЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ

В. В. Бакеркина, Л. Л. Шестакова
Институт русского языка РАН

К ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Обновление, переосмысление, переоценка в условиях новой общественно-политической реальности широкого пласта русской лексики, связанной со сферой политики, актуализирует задачу ее многоаспектного лингвистического, в том числе лексикографического, описания. Отдельные работы, осуществленные в этом направлении в последние годы (Словарь перестройки. СПб., 1992.; Словарь русских политических метафор. А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, М., 1994. и др.) представляют для исследователя и рядового носителя языка несомненный интерес. Однако они не покрывают всего, довольно обширного пространства подсистемы русской политической лексики и, полагая, требуют своего продолжения в виде других словарных изданий аналогичной тематической направленности.

Основная цель разрабатываемого в настоящее время в Институте русского языка РАН Словаря русской политической лексики (СРПЛ) — дать лексикографическую интерпретацию совокупности политически релевантных лексико-фразеологических единиц русского языка (слов, значений слов, словосочетаний). В основе подхода авторов к реализации обозначенной формы описания политической лексики лежит стремление к адекватности этой формы современному знанию о политике, объективности в отражении политической ментальности российского общества, изменений в нем стереотипов и критериев оценки социально и политически значимых понятий и явлений.

Источниками для формирования словника СРПЛ послужили словари толковые и энциклопедические (в первую очередь политические), труды, выступления политических деятелей разной ориентации, материалы средств массовой информации. Корректировка словника осуществлялась путем привлечения современной политологической литературы.

Ориентированность на словарь малого объема определила включение в словник СРПЛ актуальной и употребительной политической лексики, т.е. преимущественно единиц, составляющих ядро

современного политического лексикона. Это, во-первых, образующие центр ядра обозначения ключевых политических понятий (*власть, государство, демократия* и т. д.). Во-вторых, большой ряд примыкающих к ним номинаций с политической семантикой, объединяющихся в разные тематические, лексико-семантические группы: названия политических партий, движений, течений и т. п., наименования политических акций, действий, обозначения форм государственного устройства, организации власти, ее носителей и т. д. (*аграрии, анархизм, баллотироваться, бастовать, выборы, гегемонизм, держава, инаугурация, конституционализм, парламент, федерация, президент, губернатор*).

Авторы сочли целесообразным включить в словник также единицы общенародного языка с широкой семантикой, вовлекаемые в сферу политического языка и активно используемые в ней (ср.: *группа возрастная, съёмочная, группа школьников и группа парламентская, депутатская, группа давления, группы по политическим интересам* и т. п.).

В структуре словарной статьи СРПЛ выделяются следующие зоны: 1) заголовочная единица; 2) грамматическая информация; этимологическая справка; 4) пометы; 5) дефиниция; 6) иллюстрации; 7) составные термины, собственно фразеологизмы. Выделение именно этих зон и характер их наполнения определяются особенностями лексического материала, соотносимого со столь специфической сферой коммуникации, как политика. Например, существенную часть единиц русского политического лексикона составляют заимствования или исконные единицы с иноязычными элементами. Поэтому с целью облегчить пользователю освоение материалов словаря, обеспечить ему знание истоков той или иной политической лексемы в словарную статью вводятся краткие грамматические сведения о слове и этимологический комментарий.

Центральный раздел словарной статьи — дефиниция. Являясь по своей основной типологической характеристике толковым словом, углубленно описывая тематически ограниченный языковой пласт, СРПЛ может приближаться в своей дефиниционной части к словарю толково-энциклопедическому: Элементы энциклопедизма могут содержаться также в этимологической и иллюстративной частях, в оформлении составных терминов. Наличие последних в более широком составе, чем в традиционных толковых словарях, определяется связью политического лексикона с одной из специальных сфер общения. В некоторых случаях такие сочетания составляют весомую часть словарной статьи, выступая важным средством характеристики описываемого слова. (Например, в статью **ВЛАСТЬ** включены устойчивые сочетания: *абсолют-*

ная власть, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, первая власть, вторая власть, третья власть, четвертая власть, вертикаль (пирамида) власти, кризис власти, паралич власти).

В целом словарная статья в выбранном варианте призвана не только дать достаточно полное для этого типа словаря толкование политической лексемы, но квалифицировать ее также по целому ряду параметров: грамматическому, этимологическому, стилистическому, сочетаемостному.

Н. Ш. Галлямова

Башкирский государственный университет

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕБНОГО КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОГО СЛОВАРЯ

1. Успехи последних лет в области прагматики, коммуникативной и когнитивной лингвистики, теории речевой деятельности и теории речевых актов обусловили — среди прочих достижений — становление нового этапа в развитии лексикографии. Изменение современного лингвистического мировоззрения, введение в объект лингвистики, в ее парадигму, языковой личности (Караулов, 1987) привело к осознанию необходимости словарей нового типа — антропоцентрических, ориентированных прежде всего на говорящего человека и его языковое знание. «Под знаком языковой личности встает принципиально новая проблема — «человек и словарь», «словарь в личности и личность в словаре...» (Там же. С. 27).

2. Если языковой аспект, долгое время остававшийся в лексикографии ведущим, в принципе осмыслен (в лингвистических словарях различных типов), то антропоцентрическое направление только начинает складываться, требуя как теоретического осмысления, так и практического воплощения в словарях этого нового типа. Предметом нашего рассмотрения является учебный коммуникативный словарь «Общаемся на русском языке», разработанный на кафедре русского языка и методики преподавания Башгосуниверситета.

При разработке основ словаря авторы исходили из ставшего аксиоматичным положения о том, что обучать общению на том или ином языке невозможно на чисто лингвистической основе, с опорой лишь на системное описание структуры языка. Невозможно успешно обучать речевому общению, не имея четкого представления о природе данного явления, не зная его механизмов и закономерностей развития. Коммуникативно ориентированное обучение, целью и средством которого является общение на изучаемом языке, должно строиться на основе учебной модели процесса речевого общения.

Предлагаемое учебное пособие лексикографического (словарного) типа представляет собой первый опыт построения такой модели.

3. Пособие «Общаемся на русском языке» является учебным пособием нового типа.

Во-первых, это пособие коммуникативно ориентированное: его цель — помочь в обучении нерусских учащихся речевому общению на русском языке (объектом описания здесь выступают компоненты процесса коммуникации: речевые интенции, осуждаемые проблемы и предмет высказывания, сферы и ситуации речевого общения).

Во-вторых, это пособие лексикографического типа. От обычных учебных пособий пособия лексикографического типа отличаются систематизированным представлением значительного по объему учебного материала в виде перечня объектов описания: левой части (словника), комментирующей части (раскрытия содержания, или толкования объектов, в том числе способов их речевой реализации) и иллюстрирующей части (функционирование в речи, речевой материал).

Таким образом, каждый из описываемых компонентов представлен в виде систематизированной совокупности слагающих его единиц. Так в пособии словарного типа сочетаются основные признаки, характерные для жанра «словарь», и элементы обычного практического пособия.

4. Пособие «Общаемся на русском языке» включает в себя четыре раздела. В первом разделе описаны и систематизированы коммуникативные целевые установки (речевые интенции) общающихся, а также способы их речевой реализации.

Во втором разделе представлены метакоммуникативные единицы языка, т. е. специальные языковые средства, обслуживающие речевое общение (установление речевого контакта, управление процессом общения, размыкание коммуникативного акта) и обеспечивающие связность и логичность высказывания (различного рода композиционные и логические скрепы: для выделения частей высказывания, присоединения аргументирующей части, комментирующие истинность информации, разные способы рассмотрения предмета речи и пр.).

В третьем разделе перечислены темы, обсуждаемые проблемы, наиболее типичные и значимые для речевого общения школьников.

В четвертом разделе пособия даны ситуации устного общения, наиболее типичные в рамках следующих сфер общения: социально-бытовая, учебная, общественная, трудовая, художественно-творческая, спортивная, сфера игр и увлечений, семейная сфера и сфера межличностного общения.

**«ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ» ЯЗЫКОВОГО ОПИСАНИЯ
КАК ДОСТОИНСТВО ИЛИ НЕДОСТАТОК В ЛЕКСИКОГРАФИИ СЛОВА
И ОПРЕДЕЛЕНИИ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

1. Лексикографическое описание слова предполагает учет синтагматических связей последнего и при необходимости дает возможность определить корпус наиболее частотных контекстов его употребления. Внимание к контексту, «интегральность» описания, которые нельзя не признать перспективными, могут, однако, привести к размыванию границы между толкованием слова (значения слова) и определением общей семантики предложения.

2. В словаре С. И. Ожегова дается семь значений глагола *остаться/остаться*: 1) продолжить пребывание, нахождение где-нибудь (*Остаться на зиму в деревне*); 2) сохраниться, не исчезнуть (*Осталось чувство обиды*); 3) оказаться, стать (*остаться в долгу, остаться без обеда*)... 6) придется, пришлось [с пометой «безличное»] (*Ему осталось только согласиться*).

Эти значения по природе своей представляются разноплановыми, при этом чужеродным является последнее из названных. Большинство значений, действительно, значения слова, шестое же есть значение контекстоориентированное.

3. Значение «придется, пришлось», будучи модальным (вынужденного действия), реализуется лишь в контексте определенной логико-семантической основы, а именно с причинно-следственными отношениями. Напр.: *Все уже было решено, он узнал об этом последним. Поэтому/так что ему осталось только согласиться*. Приведенный в толковании пример, извлеченный из контекста, вызывает вопрос о причине возникновения данной ситуации.

4. Языковые описания, подобные шестому описанию, встречающиеся в лексикографии слова, неправомерны, поскольку являются характеристикой не семантики слова, а семантики предложения в целом, причем предложения определенной логико-семантической и синтаксической структуры.

Кроме того, данное в словаре толкование игнорирует важные ограничения в функционировании этого значения, в построении предложений этого значения, в первую очередь, ограничения видовые и видовременные: *ему пришлось* в толковании интерпретирует действие, обозначенное формой совершенного вида, как реальное, имевшее место, а *ему оставалось только...* с формой несовершенного вида в толкуемом примере не сообщает нам о реальном действии. Напр.: *Ему оставалось только согласиться, и все кончилось*

бы благополучно, но он отказался и возник конфликт. Здесь вынужденность интерпретируется говорящим как мнимая.

Одним из доказательств того, что шестое значение не ограничивается сферой слова, является невозможность замены анализируемого глагола предложенным способом (*Ему оставалось только согласиться*. **Ему пришлось (только) согласиться*). Ему оставалось... имеет в presupпозиции наличие других возможностей, предполагаемых реакцией характеризуемого субъекта, отторгнутых в конкретной ситуации. В варианте *Ему пришлось...* эта presupпозиция потеряна.

Второе ограничение функционирования данного значения связано с повествовательностью/вопросительностью предложения, т. е. с коммуникативной ориентацией. Повествовательное предложение более соответствует предложенному в словаре толкованию. Иное дело — вопросительная форма: *Что нам оставалось делать?* — не означает *Что нам пришлось делать?*

5. Модальные значения, подобные данному, в силу «многослойности» своих коннотаций требуют сферы реализации большей, чем слово, и должны быть описаны иначе, чем значения других типов, действительно свойственных слову как единице языка.

Т. И. Ивашкевич

Астраханский государственный педагогический институт

ОПЫТ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЗНАНИЕ; КОМПЕТЕНЦИЯ»

Лексика современного русского языка организована в особую систему, элементарной ячейкой которой является семантический класс, а категорией высшего порядка — семантическое поле, иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных инвариантным значением, принадлежностью к одному смысловому пространству.

Одним из принципов вычленения и описания смысловых классов лексически заключается в учете особенностей как значения (семантики), так и сочетаемости (дистрибуции) слов. Именно таким путем выделяются ДСК и ДСП, представляющие собой объединение классов лексики различной частеречной принадлежности с одинаковой синтаксической и типовой лексической сочетаемостью.

Дистрибутивно-семантическое поле «знания; компетенция» представляет собой объединение классов глагольной лексики с классами иной частеречной принадлежности. Описание глагольной микросистемы не будет достаточно полным, если мы не укажем классы фразеологических единиц, а также именной лексики, в функциональ-

ном, смысловом и дистрибутивном отношениях примыкающих к данной глагольной микросистеме.

Так, например, к глаголам *понимать, смыслить, разбираться, ориентироваться, петрить, мараковать...* (в чем?) примыкают:

1) фразеологизмы *набить руку, наметить глаз, собаку съесть...* (в чем?);

2) *ни в зуб ногой, ни бе ни ме ни кукареку, ни бум-бум...* (в чем?);

3) класс имен существительных, обозначающих опытность в общественной практике: а) *специалист, дока, мастер, виртуоз...* (в чем?); б) *профан, новичок, младенец...* (в чем?);

4) субстантивированные классы, обозначающие способность человека к умственной работе: *гений, талант, бездарь, тупица...* (в чем?);

5) класс имен прилагательных, характеризующих способность человека к умственной работе: а) *опытный, компетентный, искушенный...* (в чем?); б) *сведущ, слаб, дремуч, силен...* (в чем?).

Перечисленные языковые средства характеризуются не только функционально-смысловой близостью, но и общей моделью управления (в чем?), открытой для наименований различных сфер компетентности, знаний, умений.

Принадлежность приведенных микросистем к одному смысловому пространству и лингвистическую реальность последнего подтверждает возможность следующих синонимических взаимозамен: *Он разбирается в этом // Он набил руку в этом // Он виртуоз в этом // Он собаку съел в этом.*

Совокупность глагольной и именной лексики, а также фразеологических единиц, близких в функционально-смысловом отношении и имеющих единую модель синтаксической сочетаемости с типовым лексическим наполнением называется дистрибутивно-семантическое поле (ДСП). Лексические классы в рамках такого ДСП образуют семантическую парадигму, поэтому можно назвать такие объединения лексики ДСП парадигматического типа.

Приведем образец статьи предполагаемого идеографического словаря с дескриптором «знание; компетенция»:

$$N_1 + V_f + \text{в } N_6 \text{ (в этом):}$$

Он разбирается, смыслит, понимает, петрит, маракует, соображает... (в чем?).

1. *Я кое-что м а р а к у ю в засолке рыбы и сетях* (Паустовский К. Героический юго-запад).

2. *Голова у него золотая. Вишь, как он п е т р и т в лошадей!* *Мозговит* (Шолохов М. Тихий Дон).

3. Шмарович прекрасно разбирался в старине, и его обмануть было нельзя, хотя подделок фарфора было много, особенно Поповского (Гиляровский И. Москва и москвичи).

4. Что касается «Русской мысли», то там сидят не литераторы, а копченые сизы, которые столько же понимают в литературе как свинья в апельсинах (Чехов А. Письмо к А. Суворину).

5. — Видите, как старичок выражается, — указывая на отца большим пальцем, говорил Васька, — анархист самый вредный, он в социализме ни уха ни рыла не смыслит (Толстой А. Хождение по мукам).

6. Он понимал толк в лошадях, в скотине, в лесе — во всем, что важно или интересно для русского человека (Тургенев И. Певцы).

О. А. Михайлова

Уральский государственный университет

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, ПОНЯТИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

1. Проблема соотношения понятия и значения была предметом пристального внимания в работах Э. В. Кузнецовой. Общетеоретическое положение для нее состояло в том, что логические понятия являются мыслительными коррелятами лексических значений слов. Представление же — это результат первого этапа познания, но оно вместе с понятием образует основополагающий компонент структуры лексического значения — сигнификат. Поскольку лексическое значение фиксируется в толковых словарях, возникает вопрос: какие элементы словарной статьи манифестируют понятие, а какие связаны с представлением?

Понятие имеет сложную структуру, включая общие и в совокупности специфические для предметов и явлений некоторого класса признаки. Признаки понятия соотнесены с элементами лексического значения. Так, в понятие «дерево» входят признаки: 1) растение, 2) многолетнее, 3) имеющее ствол и ветви, 4) покрытое листьями. В словарной статье БАС дается такое определение значения слова *дерево* — «многолетнее крупное и мелкое растение с твердым стволом и ветвями, образующими игловидную или листоносную крону». В содержании понятия «бархат» можно выделить следующие признаки: 1) ткань, 2) имеющая плотный короткий вертикальный ворс на лицевой стороне и дополнительную основу. Лексическое значение этого слова представлено следующим образом — «ткань (обычно шелковая) с густым мягким ворсом на лицевой стороне». Сопоставив определения понятия и значения в этих и многих дру-

гих случаях, мы обнаруживаем в толковании значений не только существенные признаки — результат обобщенного отражения действительности, но также и признаки, связанные с чувственным отражением предмета, с представлением о предмете. Как правило, эти признаки не являются инвариантными, они имеют альтернативную или вероятностную природу и манифестированы в толковых словарях ограничительной частью дефиниции.

2. Большинство исследователей лексического значения признает наличие в нем денотативного и сигнификативного компонентов (Э. В. Кузнецова, наряду с сигнификативным, выделяла эмпирический компонент). Доминирующее положение того или иного компонента позволяет разграничить предметные (конкретные) и признаковые имена. В предметных именах четко выражено денотативное значение, в признаковых именах превалирует сигнификативное. Однако следуя общему положению, мы должны признать наличие в предметных именах сигнификативного, а в признаковых — денотативного компонентов значения и, следовательно, попытаться выделить их, опираясь на словарные толкования.

В конкретных именах денотативный и сигнификативный компоненты представляют собой разные, но диалектически взаимосвязанные уровни освоения предметной сферы. Они взаимопроникают как чувственное и логически осознанное. В основе лексического значения лежит понятие, значит, сигнификатом конкретных имен является та часть значения, которая совпадает с содержанием понятия, и эти признаки должны обнаруживаться у всех предметов данного класса. Денотативный компонент значения предметных имен обязательно связан с внешними свойствами, с чувственно-наглядным образом предмета. В денотативном компоненте закреплены признаки неинвариантного характера, в разной мере присущие членам данного класса. Об этом свидетельствует способ подачи в толковом словаре: денотативный компонент оформляется посредством дизъюнктивного ряда («крупное или мелкое», «игловидная или листовая» — в словарной статье «дерево»), вероятностного элемента («обычно шелковая» — в дефиниции «бархат»). Именно эти признаки осуществляют связь первой и второй сигнальных систем в психике человека, в них отражаются наши представления о предметах.

Признаковые имена имеют иную природу по сравнению с предметными. Обозначая свойства, отношения вещей, они обладают сигнификативным характером значения. Такое значение гомогенно, недискриптивно, имеет реляционный характер. Поскольку в основе семантики этих имен лежит понятие признака, имплицитующего по логике вещей определенную субстанцию, которой он может быть приписан, постольку в структуре их значения выделяется не только

номинативная ценность, но и свернутая модель логических отношений двух понятий — предмета и признака. В дефинициях толковых словарей это находит отражение в ограничительном компоненте, очерчивающем круг сочетаемости. Такого рода особенности сочетаемости определены экстралингвистической связью предметов и соответствующих признаков. Обозначение круга референтов, связанных с определенным признаком, и представляет денотативную часть значения признаковых имен.

Таким образом, в предметных и признаковых именах выделяется сигнификативный компонент значения, связанный с понятием и отраженный в словаре основной частью толкования, а также денотативный компонент, соотносимый с представлением о предметах реальной действительности и зафиксированный в дефиниции в виде различных ограничительных компонентов.

В. П. Москвин

Волгоградский государственный педагогический университет

К ПОСТРОЕНИЮ ТЕМАТИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА «КОЛИЧЕСТВО» В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Категория количества является традиционным объектом исследовательского внимания лингвистов, именно поэтому средства выражения данной категории к настоящему моменту неплохо описаны; в этом плане отметим работы представителей киевской школы функциональной семантики, и прежде всего — коллективную монографию «Категория количества в современных европейских языках» (Киев, 1990). К необходимости внесения некоторых довольно существенных поправок в общепринятую схему членения поля количества автор пришел в процессе работы над построением соответствующей дескрипторной зоны идеографического словаря.

Рубрикация тематического раздела идеографического словаря отражает членение соответствующего семантического поля. Так, в разделе «Количество» мы посчитали необходимым выделить следующие рубрики (и соответственно словарные статьи): «Группа людей» (*бригада, группа, коллектив, отряд* и др.), «Группа животных» (*гурт, караван, косяк, отара, рой, свора* и др.), «Неопределенно большое количество» (*масса, много, множество, полно*, и мн. др.), «Неопределенно малое количество» (*мало, кот наплакал, наперечет* и т. д.), «Определенное количество» (напр., наименования различного рода вместилищ в контекстах типа *банка молока, бочка капусты, вагон угля* и проч.), «Достаточное количество» (*довольно, достаточно, хватит* и др. кому, чего), и т. д.

Позиционный анализ показывает, что микрополя неопределен-

ного большого и неопределенного малого количества, традиционно трактуемые как далее нечленимые, подразделяются — каждое на два класса, первый из которых представлен позиционно не закрепленными единицами, второй — единицами, использующимися преимущественно (либо исключительно) в функции сказуемого. При этом в первом классе оказалась в основном лексика, в то время как во втором преобладают фразеологические единицы.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем фрагмент подготовленного нами идеографического словаря — две словарных статьи, объединенных общим дескриптором «Неопределенно большое количество».

1.

Армада (целая а. зданий), *армия* (а. рабочих, мастеров, строителей), *арсенал* (а. бутылок), *батарея* (целая б. бутылок), *воз* (в. новостей), *ворох* (в. новостей), *гора* (г. книг), *груда* (г. писем), *дождь* (д. вопросов), *изобилие* (и. грибов, ягод), *короб* (целый к. известий), *куча* (к. дел, денег, книг), *лес* (л. рук, штыков, труб, вышек), *масса* (м. впечатлений, народу, денег), *много* (м. народу, посетителей), *множество* (м. народа, людей, случаев, всяких запасов), *обилие* (о. впечатлений, о. дичи в лесу), *полк* (целый п. посетителей), *полно* (п. народа), *пропасть* (п. народу), *прорва* (п. денег), *разливанное море* (р. м. огней, шампанского), *рой* (р. воспоминаний), *тьма* (т. народу, дел), *тьма тем*, *тьма тьмы*, *уйма* (у. дел, народу, вещей; в поэтической речи: *хор* (х. светил); о множестве движущихся объектов: *град* (г. булыжников), *дождь* (д. конфетти), *лавина* (л. танков), *поток* (п. автомобилей), *река* (р. людей), *туча* (т. саранчи, т. стрел); в поэтической речи: *хоровод* (х. звезд) — с родительным падежом.

= — *И куда это такая прорва народу едет?* (Гайдар А., Школа). *У нас найдешь красавиц рой; Их нежны речи и лобзанье* (Пушкин, Руслан и Людмила). *Тьмы тем злых пожеланий и проклятий летели сюда на эти звуки* (Лесков, На ножах). *Буря на море — и думы, Хор возрастающих дум...* (Фет, Буря на небе вечернем).

2.

Без числа, вагон и маленькая тележка, видимо-невидимо, выше головы, гибель, девать некуда, до Москвы не перевесишь, до пропасти (Грибов в лесу до пропасти), *до черта, жуть сколько, как грязи, как песку морского, как собак нерезаных, куры не клюют, навалом, невпроворот, непочатый край, по горло, полон рот, пропасть, сила, страсть, страсть сколько, страх сколько, туча, тьма, тьма тьмушая, ужас сколько, хоть завались, хоть косой коси*

(грибов в лесу — хоть косой коси), *хоть лопатой греб*и (Ягод здесь — хоть лопатой греб*и*), *хоть отбавляй, хоть пруд пруди, через край* — с родительным падежом; преимущественно в функции сказуемого.

= *Прав было маловато, зато обязанностей вагон* (Катаев, Трава забвения). *На другой день народу в театре было видимо невидимо* (Макаренко, Педагогическая поэма). *Да вы принарядитесь: народу ведь гибель будет* (Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского).

Структура словарной статьи идеографического словаря на лексико-семантической основе описана нами еще в 1989 г. (См.: Вестник Киевского университета. 1989. № 3.). Она включает: 1) список единиц в алфавитном порядке с указанием типовой лексической сочетаемости; 2) модель управления, характеризующую синтагматику единиц класса; 3) иллюстративную часть, представленную цитатными примерами использования соответствующих единиц в речи.

Е. И. Плотникова

Уральский государственный педагогический университет

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ В «ТОЛКОВОМ ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ»

Основную массу глаголов субъектного движения представляют в словаре (как и в языке вообще) глаголы трех лексико-семантических подгрупп одной широкой ЛСГ движения: глаголы однонаправленного движения, удаления и достижения. Их сходство обусловлено тождеством категориально-лексической семы («однонаправленное перемещение субъектов в пространстве»). В то же время глаголы эти различаются наличием в их семантике дифференциальных сем («неконкретизированное движение», «удаление», «достижение»). Данными семами разводятся глаголы прежде всего по степени конкретности обобщенности представляемого действия. Поэтому глаголы однонаправленного перемещения, одинаково ориентированного относительно исходного и конечного пунктов, передающие значение движения более обобщенно, являются в подавляющем большинстве своем одновидовыми (несовершенного вида) бесприставочными глаголами. Они передают различные указания на скорость движения (*идти* — *брести* — *мчаться*) и среду перемещения (*лететь*, *ползти*, *бежать*). Многие из глаголов входят в синонимические пары и ряды, но не образуют антонимических пар.

К глаголам однонаправленного движения близки по своим характеристикам глаголы еще одной группы — разнонаправленного

движения, тем более что в определенном контексте они тоже могут передавать значение однонаправленного движения — только повторяющегося (*х о д и т ь каждое утро на работу, л е т а т ь раз в месяц в командировку, е з д и т ь на праздники к родителям*).

Глаголы удаления и достижения, в свою очередь, имеют более конкретный характер значения, так как обозначают движение, ориентированное относительно исходного пункта (глаголов удаления) и конечного пункта (глаголов достижения). Конкретность значения определяет наличие у большинства глаголов видовой пары (*у х о д и т ь — у й т и, д о л е т а т ь — д о л е т е т ь*), а также наличие антонимических пар (между членами двух групп: *д о м ч а т ь с я — у м ч а т ь с я, п р и к а т и т ь с я — о т к а т и т ь с я*).

От всех перечисленных глаголов отличаются образующие пятую группу глаголы непоступательного движения, обозначающие движение колебательное и вращательное. Интересно отметить, что таких глаголов немного, употребительность, большинства из них невелика, однако ряд глаголов представляют собой абсолютные синонимы — явление редкое для языка (*в е р т е т ь с я — в р а щ а т ь с я — к р у т и т ь с я; р е а т ь — в и т ь с я — т р е п е т а т ь — в е я т ь — п л е с к а т ь с я — п о л о с к а т ь с я*).

М. С. Поспелова

Волгоградский государственный педагогический университет

ОПЫТ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ОДНОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО КЛАССА

1. Модель семантико-синтаксического описания лексики, разработка которого связана в отечественном языкознании с именами Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. А. Мельчука, дает возможность не только группировать слова в соответствии с их смысловыми особенностями, но и определить синтагматический потенциал каждого класса слов, связав данные классы с соответствующими структурно-семантическими типами предложений.

2. Наше исследование ставит своей целью выявить некоторые системные отношения в составе лексических единиц (глаголов), выражающих ситуацию покрытия. Глаголы покрытия уже исследовались как в целом, так и их отдельные микросистемы. Однако на интересует именно идеографическое описание. Под ситуацией покрытия понимаем расположение на поверхности материального объекта слоя какого-либо вещества (либо материала). Это воздействие может носить: 1) целенаправленный характер: *Валентина н а к р ы л а тумбочки вышитыми белыми салфетками* (Николаева, Жатва); 2) нецеленаправленный характер: *Но след их вьюга з а м е л а* (Некрасов, Русские женщины).

3. Макросистема глаголов нецеленаправленного покрытия представляет собой ЛСГ, имеющую в своем составе лексемы: *заволочь, закрыть, заплести, залепить, затянуть, покрыть, обволочь, обвить, облепить и облечь*. Данная группа является объединением слов одной части речи, «имеющих в своих значениях единый общий компонент — базовый глагол *покрывать*, который обладает наиболее общим значением «закрывать, накрывать кого-, что-л. чем-л., положенным сверху, накрывать кого-л. собою» (Сивкова). Толковый словарь дает следующие значения данных глаголов:

<i>заволочь</i> ¹	Закрывать чем-нибудь стелющимся, растекающимся. <i>Туман заволок долину.</i>
<i>закрывать</i> ²	Сделать недоступным, закрытым для кого-, чего-нибудь. <i>Туман закрыл дорогу.</i>
<i>заплести</i> ²	Покрывать чем-нибудь выющимся, оплести. <i>Хмель заплел изгородь.</i>
<i>затянуть</i> ¹	Обволакивая чем-нибудь, покрыть целиком. <i>Дым затянул солнце.</i>
<i>обволочь</i> ¹	Облечь со всех сторон (о чем-нибудь стелющемся, распространяющемся по поверхности). <i>Туман обволок низины.</i>
<i>обвить</i> ²	Облепить что-нибудь собой, охватить. <i>Плющ обвил террасу.</i>
<i>облечь</i> ²	Распространиться по чему-нибудь, окутать. <i>Тучи облегли небо.</i>
<i>облепить</i> ¹	Прилипнуть со всех сторон к кому-, чему-нибудь. <i>Грязь облепила колеса.</i>

4. В идеографическом словаре данный класс может быть представлен следующим образом (нами использована методика В. П. Москвина):

$$N_1 + V + N_5$$

Заволочь (Туман з. долину), *закрывать* (Туман з. дорогу), *заплести* (Хмель з. изгородь), *залепить* (Снег з. окна), *затянуть* (Дым з. солнце), *обволочь* (Туман о. низины), *обвить* (Плющ о. террасу), *облечь* (Тучи о. небо), *облепить* (Грязь о. колеса), *покрывать* (Травы п. землю).

Палуба заволоклась белым облаком пара (Горький). *Туман уже совершенно обволок аул* (Тихонов). *Плотная пелена снега все чаще закрывает море* (Чаковский). *Когда оттепели мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили*

стрельчатые окна (Булгаков). *Вся палуба и пристанские сооружения были покрыты обильной росой* (Паустовский).

Структура словарной статьи представлена формулой синтаксической структуры предложения, списком лексем, входящих в данный класс, составительскими и цитатными примерами.

Н. В. Пятаева

Стерлитамакский государственный педагогический институт

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ДИАХРОНИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ

Результатом сравнительно-сопоставительного исследования двух синонимичных этимологических гнезд (ЭГ) с исходными общеславянскими корнями *em- и *ber- — «брать, взять» (*em- и *ber- — условные обозначения корней на фоне других существующих вариантов), занимающих исключительно важное место в словообразовательной и семантической системе русского языка, явилось следующее:

- был реконструирован весь корпус этих лексических гнезд от праславянского до современного состояния с обращением к индоевропейскому источнику;

- этимологические гнезда, продолжающие корни *em- и *ber-, описаны в виде диахронического словообразовательного словаря, представляющего восстановленные словообразовательные гнезда (СГ) лексики с рассматриваемыми корнями по отношению к последовательным синхронным срезам в истории русского языка: праславянский уровень, русский язык XI—XVII вв. с разграничением периодов XI—XIII, XIV—XVI и XVI—XVII вв., русский язык конца XVII — начала XIX вв., современный русский язык;

- были восстановлены некоторые утраченные (незафиксированные историческими словарями) лексемы методом заполнения «пустых клеток» в структуре прерванных словообразовательных цепочек, принадлежащих восстановленным СГ;

- сопоставление моделей семантического развития лексики синонимичных лексических гнезд в разные периоды их существования дало возможность уточнить некоторые спорные этимологии, а также реконструировать значения отдельных слов, которые относятся в исторических словарях русского языка к разряду лексем с неясной семантикой.

Диахронический словообразовательный словарь представляет собой ЭГ, построенное на основе следующих принципов:

- 1) вершина гнезда — реконструированный для праславянского уровня языка этимон;

2) на первой ступени деривации производные расположены в таком порядке: глаголы, образованные суффиксальным способом, отглагольные существительные, отглагольные прилагательные, причастия, префиксальные глаголы, сложные слова; внутри указанных групп слова расположены в алфавитном порядке;

3) знаком // отделены фонетические и графические варианты лексемы;

4) рядом со словом дается цифровое обозначение времени его первой и последней фиксации в исторических словарях русского языка;

5) диалектная лексика помещена с пометой (д);

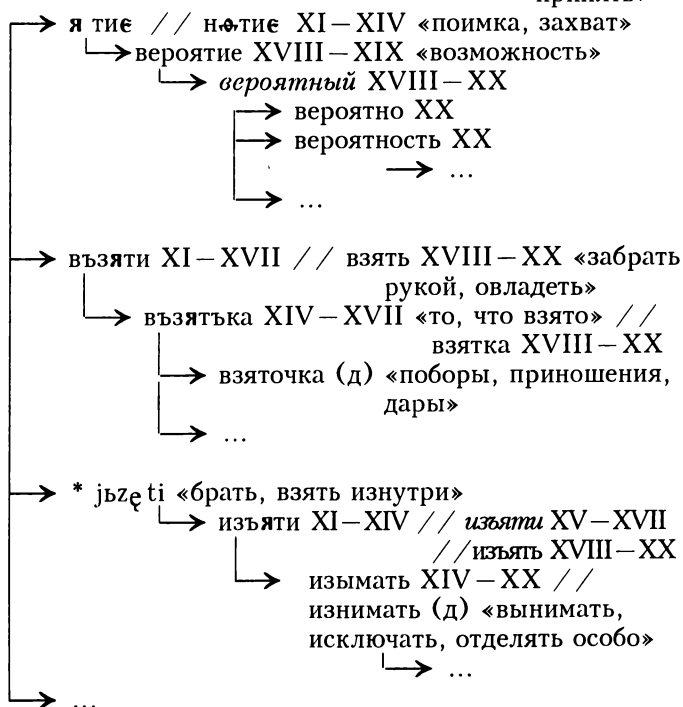
6) подчеркнутые лексемы образуют самостоятельные СГ в русском языке XVIII—XX вв.

В качестве примера приведем небольшой фрагмент ЭГ *ем-:

и.-е. *ем- → праслав. *ję ti

*ję ti «брать, взять»

→ я тие // нѣти XI—XVII // ять XVIII—XIX «взять, поймать, принять»

**УЧЕБНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СВЕТЕ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Содержание термина «лексикография» — отрасль прикладного языкознания (практика составления словарей) и теоретического языкознания (наука о типологии и принципах составления словарей) — в полной мере относится к учебной лексикографии. Здесь просматривается не просто отражение достижений теоретической лингвистики, а органический сплав общих подходов к исследованию языка и их лексикографической реализации в соответствии с лингводидактическими концепциями обучения языку.

Всю совокупность созданных и прогнозируемых учебных словарей можно рассматривать как лексикентрические и антропоцентрические. В первом случае в центре внимания язык вне отношения к его носителю — человеку, во втором — человек с его реальными коммуникативно-деятельностными потребностями.

Первый, наиболее разработанный этап учебной лексикографии связан с системно-структурным, семасиологическим описанием лексики и ориентирован на «само устройство лексической системы языка» (Л. В. Щерба). Типология этих словарей опирается на основные понятия и категории лексикологии.

Ономасиологический подход к функционально-семантическому описанию лексики на основе теории семантических полей связан с разработкой идеографических словарей. Так, идея создания идеографического словаря ЛСГ была высказана Э. В. Кузнецовой. Словарь рассматривается ею как одно из средств реализации функционально-семантической методики обучения языку, конечная цель которой — привитие навыков свободного перехода от известного смыслового содержания к его языковому оформлению. Идеи Э.В. Кузнецовой блистательно воплощены и развиты Екатеринбургской лингвистической школой в серии словарей ЛСГ глаголов. (См. также монографию Ю.Н. Караулова, работы Л. М. Васильева, В. В. Морковкина, словари Ж. П. Соколовской, О. С. Баранова, Л. Г. Саяховой).

Тематический словарь (ТС) Л. Г. Саяховой, Д. М. Хасановой под ред. В. В. Морковкина можно рассматривать как учебную модель лексической системы русского языка: организуя учебный лексический материал в рамках ситуативно-тематической ограниченности и в системе языка (в системе оппозиций и сочетаемости), ТС способствует взаимосвязи системного и коммуникативного принципов описания лексики в учебных целях. Этот словарь связан с

динамической, речевой ономаσιологией, рассматривающей единицы языка в их отношении к процессу общения.

В лингводидактической концепции обучения речевому общению смыкаются общедидактические и психологические принципы развивающе-деятельностного подхода к обучению, положения психолингвистической теории речевой деятельности, идеи коммуникативно-прагматической и функционально-семантической лингвистики. Центральным в этих подходах является понятие языковой личности.

Создание антропоцентрических словарей ассоциативных полей, словарей коммуникативной и культурологической ориентации становится насущной задачей учебной лексикографии. Намечается двоякий путь к коммуникативной ориентации учебных словарей: 1) усиливается динамический аспект лингвоцентрических словарей: выход системного ядра лексики и грамматики в коммуникацию, внимание к функционированию языковых единиц, их сочетаемости; объектом описания становятся строевые, коммуникативные единицы языка (коммуникативы), эмотивные средства языка; 2) создаются собственно коммуникативные словари, объектом описания которых являются компоненты процесса речевого общения (темы, ситуации, интенции) и способы их языкового выражения.

Особое внимание в функционально-коммуникативной лексикографии привлекает понятие «речевая интенция». Выступая как смыслообразующая основа любого высказывания, интенция определяет содержание коммуникативного акта, обуславливает его речедетельную силу. Описание семантических и прагматических аспектов речевой интенции осуществляется в Учебном интенциональном словаре (об основах словаря см. в тезисах Галлямовой Н.Ш.).

Культурологическая концепция обучения языку как хранителю духовности народа, его истории и культуры требует нового поколения учебных словарей культурологической ориентации, цель которых — формирование этнолингвокультурной личности.

Анализ лингвистических и лингводидактических основ учебной лексикографии, динамики объектов описания позволяет предположить перспективность и актуальность следующих направлений ее исследования и развития: 1. *Язык и словарь*: системные словари с выходом в коммуникацию (основание: внутриязыковая системность лексики и функционирование ее единиц в речи), объект описания (ОО): слово в разных аспектах и другие единицы лексической системы. 2. *Языковая картина мира и словарь*: идеографические, тематические словари (основание: системность лексики, обусловленная внеязыковыми факторами, — системой понятий и тематическим членением действительности). ОО: функционально-семантическое поле, предметная тематическая группа. 3. *Человек и сло-*

варь: а) ассоциативные словари (основание: структура языковой личности). ОО: ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативное поле; лексикон, тезаурус, прагматикон (Ю. Н. Караулов); б) коммуникативные словари (основание: коммуникативные потребности человека, коммуникативная лингвистика). ОО: коммуникативно-семантическое или интенционально-семантическое поле. 4. *Культура и словарь*: культурологические, страноведческие словари (основание: взаимосвязь языка и культуры). ОО: национально-культурный компонент значения языковых единиц, лексический фон, лингвокультурологические поля (культураны).

А. А. Чувакин

Алтайский государственный университет

ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ В ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ-СПРАВОЧНИКЕ ЕГО ТВОРЧЕСТВА

Представление языка писателя в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества определяется рядом факторов, из которых ниже рассмотрим два. Первый: энциклопедический тип словаря-справочника. Подготавливаемый филологами Алтайского государственного университета совместно с коллегами из академических институтов РАН и вузов словарь справочник «Творчество В. М. Шукшина» будет принадлежать к изданиям именно энциклопедического типа. Творчество В. М. Шукшина предстанет в труде как творчество «человека говорящего», в контексте развития социокультурных, литературных, языковых процессов в обществе в целом и в сибирском регионе в частности, в контексте развития художественно-речевой коммуникации. Систематизация и описание творчества Шукшина вырастает на базе комплексной, филологической методики и основывается на признании в качестве носителя творческого начала «человека говорящего» со всеми богатствами проявления его личности (рациональным — иррациональным, сознательным — бессознательным, созидющим — разрушающим, целесообразным — волевым и др.); на движении исследовательской мысли от частичного — только литературоведческого или только лингвистического — к целостному; на придании в осмыслении творчества первенствующего значения не внешнесобытийному, а сущностно-экзистенциальному; на усмотрении стержня творчества Шукшина не в ответах на «вечные» вопросы, а в поиске ответов, находящем свое выражение в диалогичности шукшинских текстов — внутренней и внешней. Второй: состояние исследования языка писателя. Лингвистическое шукшиноведение к настоящему времени инвентаризировало, описало и осмыслило большой объем языково-

го материала произведений писателя: наиболее значительное место здесь занимает ономастика, региональная лексика, фразеология; выявлены принципы и приемы создания художественно-речевой структуры прозы Шукшина: установлены и описаны доминирующие элементы композиционно-речевой структуры прозаических текстов писателя — речь повествователя и речь персонажа, а также типы, виды, формы речи в их взаимодействии и др.; соотнесены тексты оригиналов и переводов на другие языки. Эти объекты рассматриваются в разных аспектах, в том числе, например, в аспекте разговорности как языко-стилевой доминанты прозы писателя; полифоничности прозы, основанной на принципе неподавления персонажей друг другом и повествователем; прозаически-театральной манеры письма автора; категории образа автора как фундаментальной категории идиостилистики и нек. др.

Сказанное определяет характер представления языка В. М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике «Творчество В. М. Шукшина». Язык писателя подается прежде всего в специальном разделе «Язык В. М. Шукшина», который включает в себя два блока словарных статей: описывающие лингвопоэтические уровни языка прозы — фонетический, лексический, синтаксический и т. д. (с необходимой конкретизацией отдельных явлений — антропонимов, диалектизмов и др.); описывающие художественно-речевую структуру текстов произведений Шукшина и ее элементы — речевую партию персонажа, речевую партию повествователя, монолог, диалог, внутреннюю речь, несобственно-прямую речь и др., а также тексты художественной, публицистической, кино- и театральной прозы как художественно-речевое целое. Основными параметрами описания материала в рассматриваемом разделе выступают такие, как отношение объекта описания к «общей» коммуникации; классификация; способы преобразования средств нехудожественной коммуникации в коммуникацию художественную; способы введения объектов в тексты писателя; парадигматические и синтагматические нагрузки объектов в тексте. Естественно, что энциклопедический тип издания предполагает включение в раздел статей обобщающего характера — о месте языка Шукшина в истории языка русской литературы; о лингвистическом шукшиноведении. Описание языка Шукшина в статьях «литературоведческих» разделов о поэтике творчества, символах, образах и мотивах творчества и др., а также в статьях о произведениях Шукшина выступает не лингвистическим «довеском», а составляет базисный элемент описания: исходной реальностью, с которой имеет дело филолог — исследователь творчества писателя, является текст его произведения. Таким образом, в структуре словарных статей этих разделов присутствуют во взаи-

модействии и с возможным выдвижением — литературоведческий, лингвистический, философский, эстетический и другие компоненты.

Рассмотренный выше характер представления языка писателя в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества позволяет предложить возможным ответ на сформулированный Ю. Н. Карауловым вопрос: «Так что же должно стать предметом нашего словарного описания — язык-1 (в первом, узком смысле) писателя... или язык-2, т.е. «мир» его произведений и его личности?» (Караулов, 1994).

Секция 8. СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЯЗЫК ВЛАСТИ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК) И ЯЗЫК СОЦИУМА

В. М. Амиров, Л. М. Майданова
Уральский государственный университет

СЛОВО КАК ОРУДИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАЖИМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Многочисленные предвыборные кампании, прокатившиеся по России, показывают, что наши политические деятели неплохо научились манипулировать словом, чтобы навязать избирателям желательные для кандидата действия. Многократное повторение, что есть два и только два реальных претендента на пост президента России, в значительной мере определило исход выборов 1996 г. После выборов, как известно, многие избиратели с удивлением увидели, что у них был и третий вариант, но это прозрение было уже запоздалым.

Искусство вколачивания нужной идеи в массовое сознание с помощью особого употребления слов известно давно. И непревзойденным мастером такого воздействия был В. И. Ленин. Например, думская выборная кампания 1906 года показывает, что РСДРП прекрасно освоила эту словесную игру, основанную на многократно повторяемых противопоставлениях, формулировках, словоупотреблениях, приводящих к тому, что в сознание адресата внедряется система ключевых слов, смысловых конденсатов (ср. «конденсированные символы» у А. Д. Пароятниковой), начинающая выполнять роль информационного фильтра, который обеспечивает рождение нужных воздействующей стороне решений.

В. И. Ленин выделяет три главные партии, борющиеся за власть, и определенным подбором слов создает образ каждой из них (Полн. собр. соч. Т. 14). Например, информация о кадетях излагается в постоянном сопровождении закавыченных слов. Кадеты — это «партия *«народной»* свободы или конституционно-*«демократическая»*: «партия *«демократических»* реформ»; «кадеты хотят такой *«народной свободы»*, которая должна быть подчинена, во-первых, верхней палате, т.е. помещикам и капиталистам, во-вторых, монархии»; кадеты борются «только *«мирными»* средствами». Разумеется, рядом следует характеристика РСДРП, и те же слова употреблены без кавычек: «Социал-демократы добиваются перехода всей

власти в руки *народа*, т.е. *демократической* республики. Полная *свобода* нужна социал-демократам, чтобы бороться за социализм, за освобождение труда от капитала».

Интересно читать в этих текстах о том, что в наши дни оценивается как безусловное общественное благо, а тогда у В. И. Ленина обставлялось множеством уничижительных и пренебрежительных оговорок. Трудовые партии стоят за «примирение рабочих и капиталистов посредством превращения всех трудящихся в мелких хозяев, уравнилельно наделенных землей или обеспеченных кредитом». Мы сейчас понимаем, что это очень и очень неплохо, но мелкие хозяева в соседних фрагментах текста упорно именуются «мелкими хозяйчиками», они характеризуются как нечто неустойчивое, мелкотравчатое, с целями будничными и приземленными. Понятно, что такой фон вполне разумные идеи превращает в суждения, не заслуживающие особого внимания.

Обращение к истокам позволяет лучше понять развитие языка политической агитации в наши дни.

Н. Г. Блохина

Тамбовский государственный университет

О СОСТОЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК И РЕЧЬ СОЦИУМА

Всякие изменения в обществе накладывают отпечаток на инструмент общения — на язык: большим изменениям подвергается лексический состав, в меньшей степени, но все-таки также изменяется грамматика — морфология и синтаксис.

Россия переживает в настоящий момент глубокие политические и экономические переустройства. На этой основе в обществе сложилось два направления: общество разделено на два лагеря — сторонников новых демократических взглядов и сторонников, отстаивающих старый коммунистический режим.

Обостренная политическая борьба между сторонниками двух разных идеологических и экономических взглядов нашла отражение в языке. В лексический состав языка, во-первых, вернулся целый пласт, который, казалось, после 1917 г. ушел в историю языка навсегда. Для говорящих на русском языке стали вновь привычными словами *государственная дума*, *губернатор*, *волость* и т. д. Пришли в русский язык иноязычные слова и тоже стали понятны всем и привычными такие слова, как *мэр*, *спикер*, заменив слова *председатель* и т. д. Газетные статьи на политические темы пестрят штампами, речевыми клише — словами, словосочетаниями, устойчивыми речевыми формулами, что характерно как для самого по-

литического текста, так и для газетно-публицистического жанра.

Основным жанром газетных статей на политические темы являются интервью, в которых не только обсуждается какой-либо предмет, явление, событие, но дается им оценочная характеристика. Низкая, пока еще не усвоенная цивилизованная политическая культура дискуссий между оппонентами, чаще переходит прямо на отрицательную оценку оппонентов друг друга, чего нельзя встретить в политическом дискурсе европейских стран, в развитых странах Запада вообще.

В цивилизованных странах оппоненты дают оценку партиям, движениям, не переходя на личностную оценку спорящих, российские политики рекламируют себя, а не партии. У русскоязычных оппонентов в политическом дискурсе преобладает эмоциональное начало над рациональным. (В политических дебатах участники могут адресовать друг другу оскорбительные слова, назвать, например, *жуликом* и т. д.) Политические деятели часто по-разному трактуют одно и то же слово: слова *хаос*, *порядок*, *свобода* у представителей демократического направления и у коммунистов имеют разное значение. *Хаос* для коммунистов означает демократическую свободу, и слово *порядок* демократы воспринимают как тоталитаризм.

Тематически публицистический жанр характеризуется также национальными проблемами. Если, например, сравнить тему дискуссий последних лет в России и, скажем, в Германии, то они отражают современную политику каждой страны: в России — создание новой государственности, переход к рыночной экономике; в Германии — развал социалистической системы ГДР и объединение двух государств, преобразование экономики.

Речь социума в России характеризуется снижением общей речевой культуры. В современную речь проникло много иностранных слов, которые функционируют во всех сферах человеческой деятельности: экономической, политической, культурной, научной и бытовой. На наш взгляд, проникновение иностранной лексики не во всех случаях оправданно. Борьба за чистоту родного русского языка должна осуществляться на всех уровнях: во властных структурах, в сфере научной деятельности, образовательной, культурной и т. д.

Самым страшным пороком русской речи (особенно устной, хотя и в письменную речь стали проникать нецензурные слова) является засорение ее нецензурными словами, звучащими в устах от мала до велика. Нужен государственный закон по упорядочению культуры речи. Возрождение нравственных начал послужит основанием для поднятия культуры народа, в том числе и языковой культуры.

Все акты оценочной номинации протекают при непосредственном взаимодействии с прагматическими факторами, отражающимися в сигнификате в виде того или иного отношения именуемого к обозначаемому. Такое отображение прагматического отношения создает оценочность языковых единиц за счет особого субъективно-модального компонента значения. Языковые сущности приспособляются в процессах номинации к идентификации элементов действительности или к сообщению об их признаках.

Оценочные средства, употребляющиеся в языке пропаганды, можно разделить в данном аспекте на несколько групп.

1. Имена, называющие признаки (в реалии выделяется и оценивается наиболее важный, характерный признак).

2. Имена, называющие качества (в каком-либо процессе, явлении или лице выделяется то качество, которое необходимо выделить для читателя).

3. Имена, называющие процессы (описываются и оцениваются процессы, развивающиеся во времени. Эту оценку должен «принять» адресат).

4. Имена абстрактных понятий (выделяется моральная сторона характеризующей проблемы, оцениваемого человека и т.д.).

5. Функциональные и реляционные имена лиц, обозначающие их по роду занятий, отношений к другим лицам или предметам (характеристика определенных социальных групп относительно их отношений с другими социальными группами, получившими уже оценку).

6. Имена результатов процессов или состояний (выражение отношения к какому-либо процессу общественной жизни, имевшему место в прошлом, оценка результата происходившего когда-то процесса).

Соотношение числа употреблений разных оценочных средств в разные временные периоды меняется, что связано с динамикой факторов глобального контекста.

О. И. Богословская, Г. Г. Попова
Пермский государственный университет

НЕОЛЕКСЕМЫ — АББРЕВИАТУРЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

В настоящем сообщении представлены результаты исследования неологизмов — аббревиатур в языке современной печати (на мате-

риале газеты «Московский комсомолец» за 1996 год) в аспекте актуальной проблемы соотношения и роли экстра- и интралингвистических факторов в развитии неогенных процессов современного русского языка.

Общее число исследуемых неологизмов — 209 единиц. При этом 56 аббревиатур зафиксированы новейшими словарями, однако почти половина из этих неолексем в наших материалах имеет другое значение. Число неологизмов, не отмеченных словарями, — 160 единиц.

Семантический анализ материала позволил выявить 5 количественно неравных тематических групп, охватывающих все сферы жизни современного российского общества: «Экономическая и финансовая деятельность» — 59 слов, «Государственное устройство, политическая структура общества» (в том числе «Правоохранительные органы» и «Военизированные объединения») — 74 слова, «Область материальной и духовной культуры» — 40 слов, «Наименования научно-исследовательских учреждений, министерств, ведомств, промышленных и сельскохозяйственных предприятий» — 20 слов, «Область науки и техники» — 16.

Исследование материала показало, что появление и функционирование в языке неологизмов — аббревиатур обусловлено как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами.

Воздействие первых проявляется как следствие исторического развития общества, изменения его социально-экономического статуса и т.д. В частности, в наших материалах большую группу аббревиатур составляют слова, появление которых обусловлено именно экстралингвистически: *АРБ* — Ассоциация российских банков; *бомж* — без определенного места жительства; *ОБНОН* — Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков; *ФНПР* — Федерация независимых профсоюзов России и др. Это неологизмы, обозначающие новые понятия и реалии конца XX века.

Среди факторов интралингвистических важную роль играет закон «экономии языковых усилий» (А. Мартине), а также стремление к созданию необычных, запоминающихся конструкций и характерный для газеты поиск дополнительных средств создания стилистической окраски слов. Указанная закономерность проявления в случаях такого рода: вместо описательной конструкции *Московская государственная дума* предпочтительнее лаконичное *Мосгордума* или вместо *Московская кольцевая автомобильная дорога* — *МКАД* и т.п.

Думается, что можно говорить о тесном взаимодействии внешних (экстралингвистических) и внутренних (интралингвистических) стимулов развития языка.

Словообразовательный анализ показал, что продуктивность структурных типов аббревиатур- неологизмов неодинакова. Наиболее активно сейчас себя проявляют инициальные способы словообразования: 1) буквенные — 61 слово (*ВВЦ* — Всероссийский выставочный центр, *ВГТРК* — Всероссийская государственная телерадиокомпания и др.); звуковые — 40 слов (*НИЦ* — научно-исследовательский центр, *СНГ* — Содружество независимых государств и др.); 3) буквенно-звуковые — 26 слов (*НПО* — научно-производственное объединение, *ОПГ* — оперативно-поисковая группа и др.). В целом число аббревиатур инициального типа составляет 127 единиц.

Достаточно представительной оказалась группа аббревиатур, состоящих из сочетания начальной части слова с целым словом — 69 единиц (*видеопрокат*, *телесигнал* и т.д.). В исследуемом материале не зафиксировано ни одной аббревиатуры, образованной из сочетаний начала первого слова с началом или концом второго или только с концом второго.

Остальные группы аббревиатур представлены небольшим количеством лексем: слоговые — 10 единиц (*зампред*, *спецназ* и под.); смешанного типа — 2 (*Конфоп* — Конфедерация общества потребителя, *Фонд ОМС* — Фонд обязательного медицинского страхования); состоящие из начальной части слова с формой косвенного падежа имени — 1 (*Миннауки* — Министерство науки).

Отмечена тенденция к созданию аббревиатур, обладающих фонетико-морфологическими свойствами обычных слов. «Неаббревиатурные аббревиатуры», по Д.И. Моисееву, маскируются под обычное слово, вплоть до полной омонимии.

В исследуемом материале фиксируются факты создания двойных аббревиатурных образований для наименования одного понятия (*ЦИК* — *Центризбирком* — Центральный избирательный комитет).

В современных газетных текстах отмечены также случаи образования неологизмов — аббревиатур по окказиональным словообразовательным моделям (типа «Зю» — оригинальное обозначение фамилии Зюганова, «Яблоко» — аббревиатурная запись названия политического блока и др.). Обладая определенной стилистической нагрузкой, они служат средством для выражения оценочности и эмоционально-экспрессивной выразительности, играющих важную роль в газетно-публицистическом стиле.

В целом результаты нашего исследования, проведенного на материале газеты «Московский комсомолец», позволяют утверждать, что аббревиация — весьма продуктивный способ образования неолоксем в современном русском языке, характеризующийся значительным разнообразием структурных типов аббревиатур, а также их экспрессивно-стилистическими возможностями (окказиональные

аббревиатуры). Последнее — убедительное свидетельство неисчерпаемых возможностей словообразовательной системы русского языка.

Ю. Ю. Бровкина

Алтайский государственный университет

**К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ АНОМАЛИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ)**

Цель нашего исследования — выявление языковых аномалий в текстах рекламных объявлений. Под аномалией мы понимаем нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы. Так как процесс становления печатной рекламы находится в развитии, языковые и речевые ошибки встречаются в ней достаточно часто.

Мы проследили тенденции образования различных видов аномалий в текстах рекламных объявлений. При выделении аномалий была использована классификация Ю. Д. Апресяна, который разделил их на две большие группы: намеренные (выполняющие какие-то полярные функции в соответствии с замыслом автора) и ненамеренные. Намеренные аномалии, к сожалению, встречаются в текстах объявлений редко, хотя их употребление желательно, так как они придают необходимую в рекламных целях образность. Гораздо чаще можно найти ненамеренные аномалии (языковые и смысловые). К языковым относится неверное словоупотребление, нарушение грамматических норм и т. д.; к смысловым — лексические и логические ошибки, неточное словоупотребление, каламбур и т. д. Ненамеренные аномалии принято делить на деструктивные (невольные или нерегулярные языковые ошибки сделанные то ли из-за недостаточного знания языка, то ли под влиянием эмоций, то ли подсознательно, то ли случайно) и конструктивные (источники обновления и развития языка).

Мы пришли к выводу, что ненамеренные деструктивные аномалии можно разделить на три группы.

1. Аномалии, содержащие неточности в словоупотреблении, не искажающие восприятия текста рекламы.

Пример из газеты «Алтайская правда»:

*Хозяин не станет
обсма тривать глобус —
он в Цори купит
почти задаром:
трактор, металл,
а также автобус и аксессуары.*

2. Аномалии, содержащие языковые неточности, искажающие восприятие рекламного текста (пример из еженедельника «Аргументы и факты»):

*Поэтом можешь ты не быть,
И быть богатым не обязан,
Но знай: разбогатели сразу
все, кто успел ее купить!
Оборудованье для малого бизнеса ЭКО-93М
по производству
спирта и водки.*

3. Аномалии, не содержащие языковых неточностей, но допускающие несколько интерпретаций (толкований) или перегруженные в смысловом плане.

Автозмали «Sikkens» из Голландии. Любыецвета и оттенки в течение одного часа (из газеты «Алтайская правда»).

К конструктивным языковым аномалиям можно отнести ошибки, возникающие из-за того, что создатели текстов, стремясь сделать объявления короче, ставят в один ряд неравноправные понятия. На языковом уровне данная аномалия проявляется в неверной постановке знаков препинания. Кроме того, нормой для текстов объявлений стали выражения типа *из меха заказчика, на шасси заказчика*.

Мы установили также, что часто одна аномалия влечет за собой другую, ошибки на уровне языка ведут к искажению смысла.

О. С. Иссерс

Омский государственный университет

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ «СВОЙ КРУГ»
В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

Структурирование социума путем построения оппозиции «свой — чужие» имеет давние социокультурные традиции. Политическая ситуация конца 1980-х — начала 1990-х гг. в России способствовала актуализации этой семантической оппозиции. Условной точкой отсчета можно считать события 1991 г. в Вильнюсе, когда советский ОМОН в репортаже известного телеведущего А. Невзорова был обозначен как «наши». С развитием демократических преобразований, формированием различных политических течений и партий семантика «своего круга» стала регулярно обнаруживать себя в политически заостренных текстах.

«Удобство» этой категории с точки зрения манипуляции сознанием заключается в том, что оратор каждый раз заново очерчивает «свой круг», отделяя «наших» от «чужих».

Приемы формирования семантики «своего круга» весьма разнообразны. В самом общем виде можно выделить две речевые тактики: 1) обозначить «чужих»; 2) указать на «своих». Рассмотрим оба пути.

1. «Чужие» могут быть «названы поименно»: *Враг сидит в Белом доме, там половина министров — негодяи* (Жириновский).

2. «Чужие» могут быть своего рода абстракцией, чучелом (straw-man, как называют американцы), позволяющим обнаружить положительный и отрицательный полюсы. При этом положенные в основу поляризации признаки могут быть различными: Москва — провинция, теоретики — практики, старые кадры — новые кадры, столичный генералитет — войсковой генерал и т. д. Ср., например, у А. Лебеда: *В Москве я могу и не вписаться в столичный генералитет. Все это не по мне, я не гожусь на роль человека окружения.*

3. «Чужие» могут быть маркированы при помощи ярлыка. В основу наименования кладется какой-нибудь частный признак объекта (*выпускники Кембриджа*), яркая метафора (*мальчики в розовых штанишках*) или сходство в звуковой форме слова (паронимическая аттракция: *демократы — дерьмократы*).

Для обозначения круга «своих» используются как сходные, так и специфические приемы.

1. «Свои», как и «чужие», могут быть названы прямо.

2. Создание «своего круга» может осуществляться косвенно, через имплицитные компоненты высказывания, в которых содержится намек на принадлежность к определенному социуму. Г. Бурбулис: *Лишь тот политик способен управлять сегодня, кто реально видит действительность.*

3. Популярен прием конструирования «своего круга» с размытыми границами, так, чтобы каждый мог причислить себя к нему. «Свои» — это сторонники здравого смысла, морали, так называемое «моральное большинство»; «чужие» — аморальное, нереалистически мыслящее, алогичное меньшинство. При этом «большинство» вполне может быть фикцией, а не фактом.

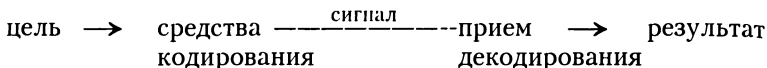
Наблюдения показывают, насколько многообразны способы внедрения в сознание объектов речевого воздействия идеи «ты — один из нас». Они являются действенными не только в политическом дискурсе, но и в рекламе, в деловой и бытовой коммуникации. Это позволяет считать семантическую категорию «свой круг» одной из базисных категорий речевого воздействия.

ЖАНР ДЕЛОВОЙ БЕСЕДЫ:

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕФЕРЕНТА

КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТОРА

Коммуникация — процесс передачи информационного, эмоционального или интеллектуального содержания от отправителя к получателю.

Понятие «профессиональная коммуникация» включает, на наш взгляд, общие принципы и конкретные методики общения, язык общения, его логику, лексику, семантику, психологию, прагматику и праксеологию. Таким образом, профессиональную коммуникацию можно определить как разнообразные формы межгруппового взаимодействия, использующие языки для специальных целей.

Возникает необходимость ввести новое понятие — «профессиональный коммуникатор». Профессиональный коммуникатор — это профессионал, сознательно строящий свое речевое поведение. В сфере деловых отношений такой профессионал является референтом, так как основная функция референта — владение оперативной информацией и осуществление всех видов деловой коммуникации.

Коммуникация в своей развитой модели представляет собой двусторонний поток информации и многосторонний процесс передачи информации. В этой модели оценивается качество передачи информации, ее достаточность, содержание, форма.

Деловая беседа — один из жанров, которым оперирует в своей профессиональной деятельности референт. Коммуникативная техника деловой беседы имеет следующую структуру:

1. Постановка цели.
2. Выбор собеседника.
3. Прояснение позиции в разговоре.
4. Прояснение расхождений в понимании цели разговора и его предмета.
5. Объяснение и доказательство.
6. Обоснование общей цели при возможных расхождениях в средствах и методах ее достижения.
7. Понимание позиции оппонента, его права на собственное мнение.
8. Корреляция отношений прав на мнение и ответственности за позицию.

9. Оценка эффективности, рентабельности, экономичности и целесообразности различных методов.

10. Достижение паритетного соглашения.

11. Взаимосогласованное решение.

12. Возврат к исходной цели и установление достижения (или недостижения) ее по результатам, срокам, другим конкретным показателям.

13. Уточнение методов достижения цели.

14. Уточнение и конкретизация цели.

Референт сознательно строит модель деловой коммуникации, планируя для себя инварианты речевого поведения.

Инвариант речевого поведения — это стереотипные выражения, которые в языковом сознании говорящих представляются в качестве универсальных, оптимальных для использования в повторяющихся коммуникативных актах. Эти стереотипные выражения (или их варианты) наполняют структуру модели деловой беседы.

Н. А. Кузьмина

Омский государственный университет

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ
И АКТИВНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЕ**

Во второе издание своей «Лексикологии русского языка» Э. В. Кузнецова ввела обширный раздел, посвященный социолингвистической систематизации лексики. Анализируя словарный состав в динамическом аспекте, оценивая соотношение внутреннего и внешнего факторов, Э. В. Кузнецова замечает: «Главным фактором всегда остается «кровная» связь языка с обществом», то есть «состояние общества, содержание общественного сознания, уровень общественных потребностей. Содержание общественного сознания определяется, в свою очередь, самой изменившейся действительностью, прежде всего социальной».

Это было написано в 1989 г., когда изменения в структуре общества и в общественном сознании не были еще столь ощутимы. Стилистические же процессы в языке на современном этапе его существования настолько активны и динамичны, что, бесспорно, заслуживают самого пристального внимания лингвистов.

Известно, что наиболее оперативно и последовательно реагируют на изменения в строе и функционировании языка средства массовой информации. Собственно языковые стилистические процессы в газете непосредственно мотивированы изменением ее коммуникативно-прагматических установок, к которым мы относим следующее.

1. Изменение иерархии функций газеты. Среди традиционно выделяемых пяти основных функций (информативной, аналитической, пропагандистской, организаторской и развлекательной) сегодня на первый план выходят первая и последняя. «Информируй, развлекая! Развлекай, попутно информируя!» — таков девиз большинства современных газет.

Информация становится товаром, которому необходима соответствующая «упаковка», чтобы он пользовался спросом. Возможно, поэтому объективно-нейтральная подача материала все чаще заменяется оценочной. Прагматический принцип современной газеты — ирония, позволяющая отстраниться от сообщаемой информации, а одно из регулярных средств выражения иронической экспрессии — сниженное слово.

2. Антиофициоз, по мнению некоторых лингвистов, можно считать ключевой коммуникативной установкой современной газеты. С ним непосредственно связано стремление выделиться на фоне многочисленных существующих и возникающих изданий посредством скандализации социума.

3. Изменение характера совокупного адресата газеты, его коммуникативных потребностей и коммуникативных ожиданий. Современный потребитель средств массовой информации — это человек достаточно молодой, имеющий низкий социальный и образовательный статус, причем человек пассивный, не стремящийся к самообразованию и самовоспитанию, индивидуалист как психологический и как социальный тип. Соответственно меняется и круг адресантов — авторов газетных материалов, среди них заметно увеличивается доля непрофессионалов.

Следствием описанных коммуникативно-прагматических установок являются некоторые активные стилистические процессы в современной публицистике. Это, прежде всего, тенденция к разговорности — colloquialization и даже жаргонизация современной письменной речи, о чем пишут практически все лингвисты. Причем ненормативная и нередко нецензурная лексика далеко не всегда оправданы коммуникативным заданием или жанровыми установками.

Два активных в последнее время стилистических процесса можно назвать детабуизацией и дисфемизацией публичной речи. Первый в большей степени затрагивает принципы отбора материала: средства массовой информации все чаще обращаются к таким объектам, публичное обсуждение которых не было принято в обществе. Социальные и психологические корни такого явления очевидны: это своего рода реакция на запреты, причем согласно так называемому «эффекту маятника»: чем строже вчерашний запрет, тем острее сегодняшний отклик.

Наконец, еще один, как кажется, весьма характерный и для центральной, и для региональной публицистики процесс можно назвать нарушением стилистического единства жанра, стилистическим «раскогласованием» или стилистическим контрастом (Т. Г. Винокур).

Можно ли сказать, что язык сам справится с этой опасностью, как справился, например, в 1920-е годы, или же следует руководить процессом — трудно прогнозировать. Ясно одно: попытка прямого вмешательства в язык, рекомендации «что такое хорошо и что такое плохо» обречены на неудачу. Важнейшую роль в нормализации языка призваны сыграть средства массовой информации, которые должны выступать в качестве своего рода «фильтра, который задерживает элементы, наиболее контрастные, противоречащие принятым в литературной речи образцам». (Русский язык и советское общество. Лексика. М., 1968. С. 61).

Т. Б. Мульганова

Волгоградский государственный педагогический университет

**СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ
ТЕКСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ (ВЫВОДОВ) СУДМЕДЭКСПЕРТА**

1. Прагматический аспект текста является сегодня одним из основных аспектов его изучения, наряду с гносеологическим, микролингвистическим, психологическим (З. Я. Тураева, 1980). Внимание современных исследователей направлено как на изучение содержательных компонентов прагматики текста как языкового знака в целом, так и на выявление прагматической специфики текстов различных функциональных стилей и жанровой принадлежности. В связи с этим прагматический анализ текста судмедэкспертизы (СМЭ), в котором своеобразно сочетаются черты научного и официально-делового стилей, представляется весьма актуальным.

2. Специфика жанра СМЭ обуславливает прагматическую направленность данного текста: воздействовать на интеллектуальную сферу психики адресата (представитель органов дознания, следствия, суда) с целью принятия им определенного мнения, суждения адресанта — **выводы** судмедэксперта, являющихся результатом проведенного научного (медицинского) исследования.

3. Главная прагматическая установка текста СМЭ представляет собой единство частных прагматических установок каждого из трех разделов СМЭ: паспортного, исследовательского, резюмирующего, однако наиболее полно она реализуется в резюмирующем разделе, а именно — **выводах** судмедэксперта.

4. По своей структуре **выводы** эксперта являются сложным речевым актом, основной структурной единицей которого является

констатирующее высказывание, которое, в зависимости от характера лежащей в его основе пропозиции (убеждение в истинности происходящего) или нейтральная реализация происходящего, в которой признак отношения говорящего к фактам действительности отсутствует), подразделяется на ассерции и констатации.

5. Особенностью ассерций, функционирующих в тексте **выво-дов** эксперта, является их обязательное подразделение на две группы: положительные и отрицательные ассерции, с учетом существующей в судебной медицине практики подразделять категорические выводы (суждения) эксперта на таковые (В. Н. Крюков, 1990).

6. Особенностью констатаций является их возможное подразделение на две группы: простые констатации (выражающие экзистенциональное суждение, в котором отношение говорящего к сообщаемому отсутствует) и вероятностные констатации (т. е. осуждения с различной степенью предположения). Смысловой компонент вероятности реализуется главным образом наречием *вероятно*.

7. **Выводы** эксперта — это имплицитные констатирующие высказывания, в которых глагол-предикат (*думаю, полагаю, считаю*), как правило, опущен, но легко эксплицируется посредством введения его в семантическую структуру высказывания. Нередко вместо него (в вероятностных констатациях) выступает его заменитель — краткое страдательное причастие среднего рода *не исключено, что...* (ср.: *не исключаю, что...*).

8. Преобладание в количественном отношении ассерций и простых констатаций над вероятностными констатациями в исследуемом массиве текстов выводов эксперта есть прямое следствие прагматики данной части документа: в судебной практике предпочтение отдается категорическим суждениям (выводам), ибо они имеют наибольшее доказательное значение (В. Н. Крюков, 1990).

Е. Б. Протасов

*Международный независимый
эколого-политологический университет*

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКЕ ПРОПАГАНДЫ

Общей закономерностью использования языка в особых целях является идеолого-пропагандистская заданность, которая приводит в действие механизм направленного семантико-прагматического моделирования смыслового содержания языковых единиц на всех уровнях языка. Это означает актуализацию одних смысловых оттенков и нейтрализацию других, проявление колебаний, смещений, сдвигов в семантике слова, словосочетания, в смысловом содержа-

нии предложения и текста. В связи с функциональной заданностью коммуникации в сфере пропаганды язык, отражая эту заданность, начинает видоизменяться, приспосабливаться к целям и задачам идеологического воздействия на аудиторию. Оттенки значений слов, не имеющих политического «ореола», актуализируются (например, в слове «русский» в его пропагандистском употреблении). Семантико-прагматическое моделирование смыслового содержания языковых единиц осуществляется посредством нарочитого, преднамеренного изменения денотативного и коннотативного значения слова, его эмоциональной окраски. Направленное семантико-прагматическое моделирование смыслового содержания языковых единиц реализуется посредством использования ассоциирования, имплицитирования и стереотипизации. Наиболее часто эксплуатируется лингвистическое явление скрытой (имплицитной) или явной (эксплицитной) оценочности. Анализ эксплицитных и имплицитных оценочных средств дал возможность выделить два лексико-семантических поля: ЛСП положительной оценки и ЛСП отрицательной оценки, каждое из которых состоит из нескольких лексико-семантических групп. Субъективное содержание оценки характеризуется действием идеологического фактора. Выбор синонима из синонимического ряда позволяет передать ту или иную степень эмоциональности говорящего, его отношение к аудитории или предмету речи. Идеологическая ориентированность в пропагандистских текстах выражается также с помощью штампованных языковых средств. Последние по своей природе являются продуктом стереотипной формы мышления. Стереотипы в некоторой степени действуют подобно условным рефлексам. Стереотипы духовной деятельности человека выражаются с помощью языковых штампов, т.е. определенных «нормированных» языковых средств, обозначающих «нормированные» ситуации разных видов человеческой деятельности. События политической жизни классифицируются в легко определяемые и узнаваемые «формулы». Новый опыт интерпретируется на основе старого, не всегда подходящего для новой ситуации. Сложные ситуации упрощаются, становясь стереотипными. Экстралингвистическая заданность идеологического плана в общении отражается на синтактико-семантической структуре предложения и проявляется в актуализации одних семантических оттенков и подавлении других, в действии имплицитных смыслов, что ведет к смысловому варьированию содержания предложения. Идеологическая заданность в общении «включает» функционирование средств идеологической ориентированности в языке, с помощью которых выдвигается субъективное содержание в смысловой структуре предложения и текста.

Таким образом, язык пропаганды пользуется широкими возмож-

ностями общенародного языка, скрытых способов фиксации мысли, передачи намерения и «точки зрения» как пропагандиста, так и «инициатора текста» (т.е. той политической партии, группировки, которую представляет в данном случае адресант).

С. П. Староверов

Уральский технический университет

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ЯЗЫКА ВЛАСТИ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «НОВЫХ ФИЛОСОФОВ»**

Повышенный интерес современной философской мысли к языку связан с заложенной еще Л. Витгенштейном традицией рассматривать мир как текст, а объекты мира как другие лингвистические категории.

Появившиеся в середине 70-х годов во Франции работы так называемых «новых философов» (А. Глюксман, Г. Лярдро, Б.-А. Леви и др.) связаны, в первую очередь, с вопросом о власти и пресловутым «дискурсом Властителя». Б.-А. Леви писал: «Властитель... всегда относится к реальности, в которой слово обладает статусом вещи... После Ришелье, основавшего Французскую Академию и осуществившего редактирование толкового словаря грамматики, поэтики и риторики, считается, что регулирование языка — это лучшая пропедевтика регулирования душ». Таким образом, Б.-А. Леви рассматривает язык не столько в метафизическом, сколько в коммуникативно-прагматическом аспекте.

С целью уточнения философских категорий нам хотелось бы вспомнить о введенном Ю. Н. Карауловым понятии ассоциативно-вербальной сети, под которым ученый подразумевает «устойчивую и приемлемую для всех носителей совокупность семантических, синтаксических, морфологических и многих других... связей между словами... Языковая личность, даже в диалоге, оперирует не словами, не предложениями или фразами, но всегда фрагментами текста — либо реального, либо потенциального, либо, наконец, прецедентного» (Ю. Н. Караулов).

Однако Б.-А. Леви считает, что в условиях авторитаризма (а, по мнению «новых философов», любая политическая система в той или иной степени авторитарна), в ассоциативно-вербальной сети образуются существенные изменения. Всякая коммуникация оказывается «несвободной» для одного из коммуникантов. Поэтому Леви ставит вопросы: «кто владеет языком?» и (что в принципе одно и то же) «кто владеет текстом?». Именно Властитель владеет языком, он всегда им владел и всегда будет владеть. Возникает ситуация, когда субъект не имеет собственного языка, он всегда говорит

языком Властителя. Властитель — это тот, кто, используя язык в качестве структуры, упорядочивает и, в конечном счете, унифицирует действительность. Язык как власть оказывается во владении Властителя, и язык становится властью Властителя. Следовательно, в мире нет ничего, кроме власти. Человек оказывается опутанным ассоциативно-вербальными сетями языка-власти безо всякой надежды вырваться из этого плена, ибо никакой альтернативы языку, безусловно, не существует. Имеется лишь замкнутый на себе автореферированный текст, и любая форма коммуникации изначально ущербна — это лишь разговор текста-власти с самим собой, несмотря на все иллюзии коммуникантов относительно полноценности своего общения.

Несмотря на известную туманность формулировок, Б.-А.Леви продемонстрировал попытку философскими, а не собственно лингвистическими средствами рассмотреть актуальные проблемы лингвистики от частных (коммуникативные сбои) до общих (лингвистика текста и состояние языка в современных культурных, социальных и политических условиях).

Е. А. Тихомирова

Белорусский государственный университет

МЕТАФОРЫ В ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОМ ТЕКСТЕ

Значительная часть современного политического дискурса на русском языке характеризуется «прокурорской позицией» — жесткостью оценок поведения противников, негативной экспрессивностью по отношению к тому, с чем автор выражает несогласие. Эксплицитная оценочность идеологизированного текста позволяет исследовать роль метафор, трансформирующих политическую задачу в текст.

Идеология предполагает существование ценностных оппозиций: демократия — власть номенклатуры (президента), права человека — их нарушение, коммунизм — антикоммунизм, патриотизм — предательство Родины... В оппозиции включаются и названия политических объектов, которые, как отметила А. Вежбицкая, являются важными инструментами пропаганды. Так, Г. Явлинский отверг попытку расшифровки «Явлинского БЛОК», объяснил вынужденность неидеологизированной номинации невозможностью из самоуважения политического названия в то время, когда партия В. Жириновского именуется себя либерально-демократической.

В тексте ценностные оппозиции могут выражаться биноминативными и метафорическими конструкциями, напр.: *Правовое государство — это государство, в котором не только приняты за-*

коны, защищающие права человека, но и сформулированы механизмы их соблюдения (Е. Боннер); *Мать-Россия*; народы — младшие братья; эпоха развитого постмодернизма и т. д. Метафора направляет развитие текста, призванного эмоционально дискредитировать противника и успокоить читателя относительно позиции автора, напр.: *...нобелевский тракторист, политический Чикаго сумел изнасиловать великую страну; мы никого не насилуем, мы только соблазняем* (В. Жириновский).

Метафоры часто возникают благодаря цитированию элементов наиболее употребляемых оппонентом выражений, напр.: *Михаил Сергеевич, сумевший так «начать», а затем «углубить», что мать-Россия до сих пор лежит ничком* (В. Жириновский). Цитирование концептуальных метафор используется не только для унижения, но и в целях пародирования: *И началось — «общечеловеческие ценности», «общевропейский дом»...* (В. Жириновский).

Определяя разворачивание текста, концептуальная метафора может быть контрарнацией двух или более широко известных высказываний. Например, «Крах четвертого Интернационала» В. Жириновского начинается аллюзией на фразеологизм и известный со школы читателям среднего и старшего поколений лозунг К. Маркса и Ф. Энгельса: «Уже полвека над миром бродит идея международнойности», и далее автор «насыщает» текст цитатами-метафорами из языка номенклатуры эпохи застоя: *прийти к власти, взять курс, Кормчий, помощь пошла, ожило коммунистическое движение, поплыть по течению, выйти из коминтерновской шинели, мир уходит от...* Значение этих клише снижается с помощью метафор разговорной или просторечной стилистической окраски: *бредовая идея, выпрыгнуть из штанов, не бросился латать трещины, Россия должна бегать мирить*. Позиция своей партии также выражается глаголами движения, но в контексте с ослабленной метафоричностью: *Мы уйдем отовсюду — они сами придут к нам, вернее приползут...*

Концептуальный милитаризм странным образом сближает дискурсы представителей партий с различной политической ориентацией. Сопоставим тексты статей В. Жириновского в книге «Последний вагон на север» и К. Шевченко в прокоммунистической «Центральной газете» г. Минска. В. Жириновский именует демократов чудовищами, сатанистами, ведьмами, жабами, иродами, и эти номинации коррелируют с кровожадными идолами и шабашами националистических сект, по К. Шевченко. В негативном метафорическом контексте возрастает роль имени собственного. В. Жириновский унижает противника употреблением уменьшительной формы имени (вслед за Иваном Грозным): *Андрейка, Гаврила, а*

К. Шевченко использует памятный с застойных времен прием написания имени со строчной буквы во мн. ч.: *сергеи ковалевы и елены боннер*. Имя и отчество без фамилии функционируют в текстах обоих авторов в резко отрицательных контекстах.

Адресатами, потребителями своих речевых произведений оба автора мыслят людей среднего и старшего возраста, поэтому они широко используют традиционные метафоры-«советизмы», употребляя их и в серьезных, и в иронических контекстах, чтобы добиться от читателя прежде всего эмоционального принятия своей позиции. Набор риторических приемов, используемых В. Жириновским, разнообразнее, метафорические контексты в его статьях выполняют больше функций, чем у К. Шевченко. Это обеспечивает В. Жириновскому более широкий круг читателей.

Э. В. Чепкина

Уральский государственный университет

ИМИДЖ ЖУРНАЛИСТА В КОНФЛИКТНОЙ СТРАТЕГИИ БЕСЕДЫ

На материале газетных и телевизионных интервью мы рассматриваем приемы построения журналистского текста при реализации конфликтной стратегии общения, которая широко практикуется в современных российских СМИ, реализуясь в нескольких вариантах.

Во-первых, это может быть беседа с должностным лицом на актуальную тему, когда журналист задает неудобные, неприятные для интервьюируемого вопросы из желания, например, предать гласности нелицеприятные стороны деятельности его ведомства. В данном случае нарушается этическая норма тактического и деликатного общения, но журналист рискует репутацией воспитанного человека во имя истины, которую имеет право знать его аудитория. Тактичность более важная в ситуации межличностного общения, здесь отступает на второй план ради более значимых в социальном плане ценностей.

Довольно часто журналисты демонстрируют и конфликтную манеру общения ради репрезентации себя как смелого человека, не боящегося острых ситуаций. Здесь обычны случаи неоправданной неделикатности, попытки «читать в душе» собеседника и навязывать ему заранее придуманный план разговора. «Я лучше вас знаю, что вы об этом думаете» — такова глубинная семантика отношения журналиста к интервьюируемому.

Третий вариант конфликтного общения представляют собой скандальные ситуации, когда цель журналиста — эпатировать публику. В этом случае он задает собеседнику вопросы, касающиеся личной

жизни, зачастую тех ее сторон, которые не принято, согласно традиционным этикетным нормам, обсуждать публично. Открыто обсуждаются слухи, сплетни. Общение носит фамильярный характер, жестко навязываемый интервьюируемому. Такой стиль общения может возникать и неподготовленно, например во время программы в жанре ток-шоу, очень популярном сегодня. Здесь нередки случаи, когда в адрес героя передачи звучат резкие, бестактные оценки из зрительного зала, ему задаются вопросы риторического характера — не с целью запроса информации, а исключительно для выражения порицания жизненной позиции, рода занятий или, например, сексуальной ориентации приглашенного в студию гостя.

В целом конфликтное общение, отражаемое в сфере СМИ, свидетельствует об освоении более свободных и раскрепощенных форм поведения человека, в том числе в сфере официальной коммуникации. Свобода самовыражения неизбежно открывает внутренний мир личности более широко, со всеми ее достоинствами и недостатками. И телезритель, радиослушатель, читатель газеты явно видит в журналистах и их собеседниках не только умение корректно обсуждать острые проблемы общественной или частной жизни, но нередко и невладение этикетными нормами общения или небрежение этими нормами ради эпатажа, скандальной славы, потрафления вкусам невзыскательной публики.

Секция 9. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ, ОБОЗНАЧАЮЩИМ НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, В СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Во многих языках существуют устойчивые сочетания (сложные наименования и фразеологизмы), содержащие указание на национальную принадлежность обозначаемого предмета или явления. Например, в русском языке это *китайская стена, китайская грамота, русская рулетка, русская пляска, уйти по-английски, сидеть по-турецки* и т. п. Аналогичные сочетания были извлечены нами из толковых, переводных и фразеологических словарей русского, английского, немецкого, французского, чешского, польского, болгарского и сербохорватского языков (около 150 сочетаний).

Что и как характеризуют языки подобным образом? Что обозначается как принадлежность собственной материальной культуры и менталитета, а что — чужих? Какие нации более других отпечатались в языковом сознании своих соседей, а иногда и весьма удаленных народов?

Наиболее часто встречающимися определениями являются следующие: английский (23), французский (20), а из относящихся к азиатским народам — китайский и турецкий (по 27), а также татарский (13). Далее с большим отрывом следуют русский (12), испанский (11), немецкий (8); итальянский, венгерский и японский отмечены как редкие (2-5). Определение *немецкий* встречается нечасто, в основном у англичан и чехов.

К наиболее типичным сочетаниям относятся составные наименования ботанической и зоологической терминологии (*китайская роза, турски невен* — «полынь» (серб.-хорв.)), названия кушаний (французская булка, *ruské vejce* — «яйцо под майонезом» (чеш.), *russian dressing* — «приправа из майонеза» (англ.)), среди них *кофе по-турецки* — выражение бытующее практически во всех рассматриваемых языках), а также названия бытовых предметов (китайский фарфор) и названия болезней (*испанка* — «грипп определенного вируса», отмечено в рус. и чеш. языках).

Достаточно редко маркируется подобным образом широко известные достопримечательности страны. Здесь можно отметить выражение *китайская стена*, отмеченное во всех языках и употребляемое как в прямом, так и в переносном смысле.

Отмечены также названия некоторых национальных обычаев (действительных или мнимых). Это сочетание *сидеть по-турецки* (рус., пол.), а также *уйти по-английски*. Последнее функционирует во всех исследованных языках, но в немецком есть *sich auf französisch empfehlen* т. е. *уйти по-французски* с тем же значением, а сами англичане считают, что уходят не прощаясь именно французы.

Особенно интересны фразеологизмы как сочетания, имеющие образное значение и поэтому в большей степени передающие восприятие одного народа другим. Ряд фразеологизмов характеризует язык и, естественно, маркирует оппозицию «родной — чужой» как «понятное — непонятное». Ср., с одной стороны, *русским языком говорить*, т. е. говорить понятно, нем. *auf (gut) deutsch* — «просто, понятно», англ. *inplane English* — «прямо, откровенно» и, с другой стороны, нем. *das kommt mir spanisch vor* — «это кажется мне непонятным», чеш. *tatar* — «человек, который говорит непонятно». Символом чего-то непонятного выступает и *китайская грамота* (в рус., пол., франц., языках).

Немногочисленны, но показательны фразеологизмы, обозначающие отрезок времени — длительный или неопределенный. Они отмечены в чешском языке: *Jednou za uherský rok* (дословно *однажды за венгерский год*) — очень редко, раз в год по обещанию; в польском *poramieasz ruski miesiac!* — *век не забудешь!* Алогизм словосочетаний *венгерский год* и *русский месяц* вносит в значение дополнительную экспрессию.

Обращают на себя внимание фразеологизмы, отражающие представления о чужом национальном характере (реже — о внешности). К ним относятся, например, пол. *angielska flegma* — *невозмутимое спокойствие*, англ. *to catch a Tartar* — *встретить противника не по силам*, франц. *chinoiseris administratives* — *канцелярская волокита*, чеш. *turecký pořádek* — *беспорядок*. Если обобщить эти значения, то мы увидим, что в языковом сознании других народов англичанин — тощий и невозмутимый, испанец — мечтательный, француз — вежливый и безалаберный. Но особенно многосторонне характеризуются азиатские народы. Китаец — непонятный, притворщик, занимается на работе волокитой. Турок — с одной стороны, жестокий, грубый, сильный, необузданный, а с другой — глупый, безалаберный да к тому же нищий. Примерно такие же представления связаны и с татаринном, что, вероятно, объясняется исторической памятью народов о татаро-монгольском и турецком

иге. Как видим, языковые представления не очень отличаются от обычных стереотипов восприятия, приписывающих, например, всем англичанам невозмутимость, а французам — легкомыслие.

Существуют также факты, говорящие о связи языкового сознания и собственной национальной культуры. В ряде языков (преимущественно славянских) существуют слова, обозначающие национальное самосознание: чеш. *žeství*, болг. *българщина*, пол. *pol-skosc*. Ряд сочетаний называет предметы этнографии (*русская печь*) и исторические реалии (чеш. *žesky lev* — *герб Чехии* — *чешский лев*).

Ван Цзиньлин

Чанчуньский университет, Китай

АНТРОПОНИМЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОБРАЩЕНИЯХ

С исторической точки зрения происхождение китайских антропонимических единиц относится к более древней эпохе, чем русских, причем их структура различна: русские антропонимы включают три компонента официальных имен: имя, отчество и фамилия, а китайские официальные состоят из двух частей: фамилия и имя. В китайском языке отсутствует отчество. В двух языках возникновение имен предшествует возникновению фамилий. Фамилия как символ социального положения у различных общественных групп у русских и у китайцев появилось в разное время.

У древних китайцев, кроме фамилии и имени существует еще такие разновидности имени, как *цзы*, *хао* и т.п., которые отсутствуют у древних русских. Древняя антропонимическая система китайцев намного сложнее, чем современная. У современных китайцев обязательны фамилия и имя, остальные разновидности, кроме *сяомин* (уменьшительное имя), свойственны определенным общественным группам (официальные варианты имен: *сюэмин*, *юаньмин*, *юмин* имеются чаще у знаменитых общественных политиков и деятелей: *бимин*, *имин*, *хаумин* (названия псевдонимов артистов и общественных деятелей) имеют писатели, артисты и т.п.)

В русском языке в качестве обращения допускаются полное имя, сокращенное имя, отчество, фамилия, имя+отчество, имя+фамилия, сокращенное имя+фамилия, профессия, должность, ученое звание, ученая степень+фамилия; профессия+имя+фамилия; ученая степень+ученое звание+фамилия, должность+ученое звание+фамилия, должность+ученая степень+фамилия, клички, прозвища и т.д. Причем здесь придерживается строгий порядок расположения этих компонентов в названии.

В китайском языке в роли обращения выступают имя, фамилия + имя, уменьшительное имя, *лао*+фамилия, *сяо*+фамилия, фамилия+*лаоши*/*шифу* (учитель, мастер), фамилия+*сяньшэн* (господин), фамилия+*сяоцзе* (барышня), фамилия+*лао*, фамилия+должность или ранг, фамилия+имя+*тунчжи* (товарищ), имя+*тунчжи*, фамилия+*тунсюэ* (соученик), фамилия+звание, фамилия+имя+звание, прозвище, имя+термин, называющий родственника одного поколения, фамилия+термин родства, обозначающий восходящее поколение и т.д.

В русском языке использование фамилии в разных сочетаниях в обращении имеет абсолютное официальное значение, а в китайском языке сочетания с фамилией в обращении выделяют на три группы: 1) фамилия + имя, фамилия + имя + *тунчжи*, фамилия + имя + звание имеют официальный характер; 2) фамилия + *лаоши*, фамилия + *шифу*, фамилия+звание, фамилия + *тунчжи*, фамилия + *сяошэн*, фамилия + *сяоцзе* имеют нейтральный характер, выражая уважение и вежливость; 3) фамилия + *лао*, *лао* + фамилия, *сяо* + фамилия, фамилия + термин родства, обозначающий восходящее поколение, имеют неофициальный, пренебрежительный, фамильный оттенок.

Н. В. Золотарева

Уральский государственный экономический университет

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Основному лексическому фонду любого языка противопоставлен достаточно обширный и сложный по составу пласт слов, употребление которых ограничено и специализировано (Кузнецова Э.В., 1989). Подобные ограничения чаще всего связаны с различиями в условиях общения, т. е. зачастую они имеют социальную природу, так как различия условий общения порождают особые социолингвистические варианты литературного языка (различные функциональные стили). Специфика коннотативно-окрашенной и стилистически-окрашенной лексики определяется нередко сложной внутренней семантикой слов. Коннотативно-окрашенные и стилистически маркированные слова составляет примерно 10% общелитературного словарного фонда любого языка. Предметом рассмотрения в докладе являются глаголы речевого воздействия.

В лексико-семантическую группу глаголов речевого воздействия входит достаточно большое количество стилистически маркированных слов. В русском языке это такие разговорные слова, как *агитировать*, *выговаривать*, *клонить*, *кляузничать* и т. п. На английский язык подобные глаголы часто переводятся с помощью сло-

восочетаний, например агитировать — to try to persuade (*пытаться убедить*), выговаривать — to express strong disapproval (*выражать сильное неодобрение*) и т. п.

Определенную коннотативную окраску имеют в равной степени такие русские и английские глаголы, как напр.: *взмаливаться* (to beg), *грозить* (to threaten), *насмехаться* (to ridicule) и т. п.

В свою очередь, английские стилистически маркированные слова могут не иметь эквивалентов в русском языке.

Коннотативно-окрашенные и стилистически маркированные слова отражают социально-психологические оценки и ассоциации различных явлений.

Мао Юйфэн, Т. Н. Сивкова

Харбин. Уральский государственный университет

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ И ИХ КИТАЙСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

1. Русский язык принадлежит восточнославянской группе славянских языков, резко отличается по своему строю от китайского языка и представляет большие трудности для китайских учащихся, изучающих его как на родине, так и в условиях русской языковой среды. При обучении русскому языку как иностранному большое значение имеют сопоставительные исследования изучаемого и родного языков, приобретают актуальность вопросы языковых контактов, контрастивные описания лексических систем языков. В этом плане научный и методический интерес представляет сравнительное изучение глагольного фонда русского и китайского языков.

2. В семантическом пространстве русского глагола наряду с глаголами речи, мысли, чувства, поведения, трудовой деятельности, движения и других лексико-семантических групп (далее ЛСГ) своеобразное место занимают ЛСГ «глаголов звучания, издаваемого живыми существами» и ЛСГ «глаголов звучания, издаваемого неживыми существами». На данном этапе нами проанализирована первая ЛСГ. Это глаголы: *гоготать* 咯咯叫, *звучать* 发声, *каркать* 乌鸦呱呱地叫, *квакать* 青蛙呱呱叫, *куковать* 布谷, 布谷地叫, *лаять* 狗吠吠叫, *мяукать* 喵喵喵叫, *петь* 唱, *ржать* 马嘶, *свистеть* 打口哨, *скулить* 哀嚎, 失声, *храпеть* 打呼噜, *чирикать* 唧唧叫, *шипеть* 吱吱地, 嘘嘘地, *щебетать* 鸟儿唧唧叫 и др., всего 50 глаголов.

3. Семантическим своеобразием глаголов данной группы является наличие в их содержании указания на специфического субъекта осуществления действия звучания. Позиция субъекта звучания в

контексте глаголов часто замещается крайне ограниченным числом имен существительных. Так, например, в контексте глагола *куковать* употребляется только одно существительное — *кукушка* 布谷鸟, лексическими партнерами глагола квакать являются существительные *лягушка* 青蛙, *жаба* 癞蛤蟆, субъектную позицию при глаголе *хрюкать* замещают существительные *свинья* 猪, *поросенок* 小猪.

4. Контекстологический анализ глаголов ЛСГ «звучания, издаваемого живыми существами» показал, что в субъектной позиции при глаголах могут быть представлены имена существительные, в семантике которых есть семантический компонент «лицо» / «человек» — *Иван Павлович, хозяин, паренек, сосед* и т. п., а также личные местоимения — *он, она, они*; существительные, в семантическом составе которых есть следующие семы: «животное» — домашнее или хищное (*собака, лошадь, котенок, волк, рысь* и т. п.), «птица» — домашняя или хищная (*курица, петух, гусь, беркут* и т. п.), «семейство грызунов» (*белка, сурок, мышь, мышка* и т. п.), «насекомое» (*кузнечик, сверчок, саранча* и т. п.).

5. Лингвистическим и методическим интересам отвечает «Толковый тематический словарь русских глаголов», созданный в Уральском университете им. А. М. Горького под руководством профессора Л. Г. Бабенко. В двуязычном словаре русские и китайские глаголы звучания могут быть представлены так:

ВЕРЕЩАТЬ, несов., без доп. 唧唧叫 吱吱叫 聒尖声叫
Издавать резкие, пронзительные,
визгливые, скрипящие звуки.

В траве верещал кузнечик 乱草丛中蚱蜢唧唧地叫着.

6. При переводе русских глаголов звучания на китайский язык, как и глаголов других ЛСГ, важно выяснить то, что соответствует русскому глаголу: 1) в китайском языке есть лексический эквивалент; 2) в китайском языке нет лексического эквивалента, — и тогда необходимо установить, на каких уровнях — синтаксическом, морфологическом, словообразовательном — достигается адекватность перевода. (В сообщении будут представлены некоторые итоги семантического и сочетаемостного анализа исследуемых глаголов.)

Таким образом, в настоящее время чрезвычайно перспективно и актуально сопоставительное изучение как близкородственных, так и неродственных языков. Результаты контрастивных исследований покажут сходство и различия в словарных фондах языков, могут быть использованы в лексикографической и переводческой практи-

ке, а также в методике преподавания русского языка как иностранного.

А. Ю. Москвин

Нижегородский лингвистический университет

ОБ ОДНОЙ КЕЛЬТСКОЙ ПАРАЛЛЕЛИ К РУССКОМУ СЛОВУ *лапа*

Новоирландское слово *lara* — «лапа, плавник» является центром словообразовательной группы *laraп*, *larog* — «лапка», *larac-han* — «ребенок, плохо научившийся ходить», *lapadail* — «гребля». Оно представлено в гэльском языке в форме *lapadh* — «лапа, коготь». Этимологии этих слов в кельтологической литературе не указываются.

В раннеирландском языке существует лексема *lue* со значением «пятка», широко представленная в классических ирландских памятниках. Словарь Ирландской академии наук DIL 442 приводит его в форме *lца* — «heel, foot, hoof». Его значение подтверждается латинской глоссой *calx* в Sg 50^a—20. Там же высказывается предположение о том, что в древности это слово могло быть двусложным, но не приводится его этимология.

Мы предлагаем реконструировать общекельтскую форму этого слова как **lora* и сравнить его с русским *лапа*, восходящим к достаточно широко представленному в славянских языках корню **lara* (ЭССЯ XIV:27), родственного балтийским формам в лит. *lora*, латыш. *lara/лера*.

Эта лексема, как было уже давно установлено (J. Schmidt. KZ 19:272), точно соответствует герм. **lofo* (гот. *lofa* — «ладонь» в сочетании *slap lofin* (Иоанн 18:22) «пощечина» = др. сканд. *lofi* с тем же значением, равно как и курдскому *lapk* (Фасмер II:458), видимо, изолированному в ирландских языках.

Германисты (De Vries 363) расширяют эту группу дополнительными словами из ср. англ. *lof* «großes Ruder», ср. н.нем. *lof* «luvseite» («наветренная сторона судна»), нидерл. *loef* «Hilfruder» языков, а также суффиксальным производным в др.сканд. *loef** «Handbreite».

Данный общеиндоевропейский корень с расширением *-t-* находим в русском *лопата* = лит. *lopeta* — «заступ», латыш. *lap(u)sta*, др. прусс. *lopto* — «лопата», к которому в числе родственных форм Фасмер (II:518-9) приводит др. ирл. *lue* из **lopet* — «рулевое весло», др. в.-нем. *laffa* — «ладонь, лопата, весло», др.фриз. *lappre* — «лопата».

Ирландский словарь DIL 444-5, также не указывая на этимологию этого слова, приводит его в форме *lui* в значениях «хвост жи-

вотного» (LB 127^a 33) и «рулевое весло», которое глоссируется лат. gubernacula в тексте Thes. 1.498.31. По Buck 734 и Lehmann F62, последнее слово связывается с валл. llyw и корнским leu — «кормило», и восходит к инд.-евр. корню *plō/plē — «плыть». Указывается в литературе его реконструкция как *lorpet — или *lorpiu на общекельтском уровне представляет собой хорошую пару реконструкции др. ирл. lúa из *lora, если принять во внимание, что звук [p], как правило, исчезает в незаимствованных гойдельских словах, давая компенсирующее удлинение гласного.

Возможно, следует разделить lui (хвост животного») от lui («рулевое весло») и поставить вопро о его соотношении с lúa — «лапа» (сходство по форме и длине). Даже если это излишне, взаимовлияние двух схожих по звучанию слов более чем возможно.

Вопрос, в каком соответствии находятся н.ирл. lara и р.ирл. lúa, пока остается открытым. Если это слово не заимствование, то написание р в раннеирландских текстах (leabhar Gabhala, LV) должно явиться орфографическим вариантом написания b. Действительно, в этом языке есть слово luba/laba/lara, неоднократно глоссируемое согр, т. е. «тело». Слово это, очевидно, кельтского происхождения, но его этимология пока также невыяснена. Не исключено, что новоирл. lara может иметь одновременно значение р.ирл. lúa — «пятка», а фонетическую форму р.ирл. luba/laba — «тело».

Говоря о древности славянского слова, ЭССЯ XIV:27 делает вывод, что аблаутный ряд ǣ / ѡ / * имеет здесь «доапофонический» вид, что следует понимать как «звукоподражательный». В качестве примеров приводятся нем. Tarpe — «лапа», откуда глагол ertappen — «ухватить, поймать», итал. patta. Это предположение, на наш взгляд, не является маловероятным.

Большие сомнения в свете вышеизложенного у нас вызывает закономерность реконструкции Де Фриза (Altn. Et. W.:366) изолированного скандинавского lorpa «grosse plumpe Hand» как *lumrop- и проводимые им связи с англ. limp — «вялый, свисающий», др.сканд. lafa — «вяло свисать», греч. λαπαρος — «вялый». Скорее всего, здесь лучше видеть о. герм. *larpo-, однокоренное с *lofo-. Отсутствие перехода по закону Гримма может объясняться влиянием звукоподражания.

А. А. Мосягин

Уральский государственный университет

К ПОНЯТИЮ СИСТЕМНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

В русском языке, как и в других неизолирующих языках, взаимосвязь между явлениями омонимии и полисемии существует чаще

всего лишь в том случае, если омонимия возникла на базе распада полисемии.

В немногочисленных исследованиях на эту тему на материале китайского, японского и английского языков было показано, что явление омонимии/полисемии по отношению к изолирующим языкам является реляционной парой, описывающей некое новое диалектическое свойство языка, ранее не попадавшее в поле исследования (А. А. Драгунов, А. А. Пашковский, Т. Н. Никитина и др.). Этапы исследования в этом направлении можно сформулировать следующим образом.

1. Указание на важность синтагматических отношений в определении семантики словосочетания.

2. Утверждение о высокой степени идиоматичности словосочетаний в изолирующих языках (китайский, японский и другие языки).

3. Введение понятия семантической деривации.

4. Построение типологии регулярной многозначности для конкретного изолирующего (японского) языка.

5. Введение оппозиции «прагматика — семантика» (в русле оппозиции «речь — язык»).

На последнем этапе проблема вышла за рамки собственно филологии и смыкается с семиотикой естественных языков. На каждом этапе также существуют свои проблемы и переходные концепции (биномы, омографы, гетерогенные синонимы-омофоны и др.).

Понятие системной стабилизации описывает переход окказионального употребления в лексическую единицу языковой системы по регулярным правилам. В докладе ставятся следующие проблемы:

- а) построение типологии регулярной многозначности для конкретного языка и создание универсальной типологии;

- б) выявление различий между этими правилами для построения новой грани исследования ЯКМ;

- в) диахроническое исследование системной стабилизации в различных языках.

Практическая важность данных исследований, используя слова Е.В. Струговой, заключается в том, чтобы «пополнить список семантических деривационных типов... в ряде случаев уточнить классификационные характеристики многих слов, поскольку установление отношений многозначности... исключит положение, когда одной части речи приписываются свойства другой».

Несомненную важность представляет установление межъязыковых корреляций по упомянутой типологии. Теоретическая часть этих изысканий позволит продвинуться в понимании феномена языка, практическая часть неопределима для теории и практики перевода.

Положения доказываются на широком иллюстративном материале китайского, японского и английского языков.

И. Ю. Свинцова, Т. М. Терещенко

Волгоградский государственный педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАНЦАМИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

1. В целях эффективной организации обучения иностранных учащихся грамматическому строю русского языка необходимо учитывать фактор отражения русского языка в зеркале родного языка учащегося. Методически грамотный подход к преподаванию складывается только тогда, когда в максимальной степени учитываются особенности адресата: степень владения иностранцем родным языком, специализация (филолог — нефилолог), мотивация и т.д.

2. Обучение русской грамматике необходимо начать с преодоления психологического барьеров, связанного с мнимой трудностью овладения русской грамматикой, так как многие языковые трудности представлены тем или иным образом в родном языке учащегося. Задача преподавателя состоит в выявлении общих точек соприкосновения и максимального расхождения языковых единиц. Необходимо правильно ориентировать лингвистическое восприятие похожих языковых ситуаций различными средствами.

3. Очень часто в процессе преподавания русского как иностранного за основу сопоставления единиц принимается факт общности наименования: сопоставление опирается на общекатегориальные определения, на содержание значения инварианта, которые берутся из академических грамматик сопоставляемых языков. На самом деле, оперируя данными терминами, можно только соотнести, а не сопоставить. Опора на общность наименования морфологических категорий является ошибочной.

4. Сопоставление грамматического строя русского и иностранного языков может идти от общности формальной или содержательной. Тип языка в данном случае играет решающую роль: сопоставление близкородственных языков целесообразно проводить, опираясь на форму, тогда как далекие языки связаны больше семантически. При этом следует учитывать взаимозависимость данных аспектов. Поэтому не дает большого эффекта использование данных сравнительно-исторического языкознания в практике обучения русскому языку как иностранному, так как главный упор делается на формальное соответствие языков, а семантические соответствия и расхождения учитываются слабо.

5. Основой для сопоставительного изучения грамматики русско-

го языка и других языков может быть такое рассмотрение грамматических единиц, при котором открывается не их инвариантное, языковое значение, но стоящее за каждой единицей номинативное значение, конкретный смысл, который проявляется в конкретном контекстуальном окружении. Проблемность преподавания русского языка определяется трудностями обнаружения синтагматических условий для проявления тех или иных значений, в многозначности смыслов языковых знаков. На синтаксическом уровне в зависимости от комбинации компонентов, коммуникативного задания, лингвистической ситуации возникают новые смысловые варианты.

6. При сопоставлении русского и иностранного языков необходимо учитывать, что большинство русских грамматических средств носит не единичный, а комплексный характер, т.е. передает содержание нескольких категорий.

7. Необходимо учитывать тот факт, что сопоставляемые с русским языком синонимичные конструкции могут быть не только параллельными, но и выходить на многоуровневость. Отсутствие полной формальной адекватности языковых единиц дает учащимся возможность поиска реализации содержания на других языковых уровнях.

8. Правильно организованный сопоставительный анализ повышает культурный уровень обучаемых, формирует многомерное восприятие действительности языка и мышления, а также способность к реалистическому восприятию универсального и национального в языках.

Сун Генин

Харбинский университет

Т. Н. Сивкова

Уральский государственный университет

РУССКИЙ ГЛАГОЛЫ ПОВЕДЕНИЯ И ИХ КИТАЙСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

1. Вопросы сопоставительного изучения семантики и сочетаемости русских и китайских глаголов разрабатывается пока медленно. Тем не менее следует отметить интерес исследователей к русскому глаголу. Глагол — самая емкая в смысловом отношении часть речи. Не случайно он является организующим центром подавляющего большинства предложений русского языка. В языке художественной литературы начиная с А. С. Пушкина глагол получил широкое распространение: он позволяет создать динамическую картину окружающей действительности, полно и точно описать человека, его чувства, эмоции, его поведение и поступки, отношение к другим людям, вещам и т. д.

2. Такой сложный и ответственный процесс, как перевод на другой язык, преследует две основные задачи: 1) найти в тексте перевода наиболее близкий оригиналу эквивалент, учитывая при этом не только значение глагола, но и его типовой контекст, стиливую отнесенность; 2) правильно понять и разобрать контекст, употребления глагола. При сопоставительном анализе глаголов поведения с лингвистическими и переводческими целями нас больше интересуют семантические и сочетаемостные соответствия между сопоставляемыми глаголами.

3. Глаголы поведения 行为的动词 представлены в русском языке в 10 лексико-семантических группах (далее — ЛСГ): 1) глаголы неестественного поведения 不自然行为的动词: *важничать*; разг., *гримасничать*, *оригинальничать*, разг., *скромничать* и др.; 2) глаголы самовольного поведения 任意放肆行为的动词: *бесчинствовать*, *самодурствовать*, *самоуправствовать*, *упрямиться* и др.; 3) глаголы неискреннего поведения 不真诚行为的动词: *лебезить*, разг., *подлизываться*, разг., *ханжить*, разг. и др.; 4) глаголы несерьезного поведения 不认真行为的动词: *донкихотствовать*, *обезьянничать*, разг., *ребячиться*, разг. и др.; 5) глаголы безответственного поведения 不负责任行为的动词: *бездельничать*, *лениться*, *тунеядствовать* и др.; 6) глаголы безнравственного поведения 没有道义行为的动词: *беспутствовать*, *кутить*, *сплетничать* и др.; 7) глаголы бесцеремонного поведения 不讲礼节行为的动词: *буянить*, *грубить*, *хулиганить* и др.; 8) глаголы неуравновешенного поведения 不平静行为的动词: *бешенствовать*, *петушиться*, разг., *паниковать* и др.; 9) глаголы нечестного поведения 不真实行为的动词: *мошенничать*, *плутовать*, *хитрить* и др.; 10) глаголы излишне расчетливого поведения 过份节俭行为的动词: *жадничать*, разг., *скупиться*, *экономничать*, разг. и др. (Лексико-семантические группы русских глаголов. Словарь-справочник. Свердловск, 1988. С. 75-58).

4. Общим для всех русских глаголов поведения является то, что все они называют поведение, отклоняющееся в чем-то от общепринятых норм поведения, содержат негативную оценку и могут быть, по мнению О. П. Ждановой, исследователя данной ЛСГ, противопоставлены по степени отрицательного качества: вести себя, поступать «крайне плохо», «очень плохо», «достаточно плохо» или лишь «в незначительной степени плохо» — *зверствовать* 惨无人道把下兽行, *жульничать* 诈骗, *подхалимничать* 阿谀奉承, *скрытничать* 不肯开口.

5. В двуязычном словаре русские и китайские глаголы поведения могут быть представлены следующим образом:

Лебезить, несов, перед кем и без доп. Вести себя неискренно, притворно, угождая, заискивая перед кем-л., льстя кому-л. с целью расположить к себе кого-л.; угождать, подхалимничать.

Он лебезил перед начальством, чтобы получить повышение по службе.

巴 结

他为了升取便
在领导面前巴结。

6. В сообщении будут представлены результаты анализа семантики и сочетаемости русских глаголов поведения, каково их лексическое окружение в формальном и семантическом планах. Исследование русских глаголов поведения и их китайских эквивалентов показало, что сходство между языками на «глубинном» лексико-семантическом уровне большее, чем «на поверхности», т. е. в плане формальных средств выражения.

7. Таким образом, для достижения тождественности перевода русских глаголов поведения на китайский язык необходимо знать общее и различное в семантике и употреблении этих глаголов, выявить сдвиги в понятийной соотнесенности сопоставляемых глаголов, установить ограничения на перевод, систематизировать их и представить в виде индикаторов перевода — наша будущая задача.

Чжоу Тун

Харбинский университет

Т. Н. Сивкова

Уральский государственный университет

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВА В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. Большую роль для современной лингвистики и дидактики играют контрастивные описания русского и китайского языков. Отсутствие фундаментальных исследований лексики сравниваемых языков, в частности глагольной, двуязычного идеографического словаря затрудняет изучение русского языка в китайской аудитории, мешает осуществлению качественного перевода.

2. Выбор для сопоставительного анализа глаголов чувства — глаголов «пребывания субъекта в эмоциональном состоянии» — не случаен, так как это одна из своеобразных лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) глаголов современной русской лексики. Своеобразие ее — в социальной значимости и обязательной эмоциональ-

но-оценочной окрашенности. Вследствие этого глаголы эмоционального состояния широко используются как в поэтическом языке, так и в разговорной речи.

3. Семантический и синтагматический анализ 48 глаголов «эмоционального состояния», например, *беспокоиться* 不安, *веселиться* 开心, *горевать* 难过, *нервничать* 急躁, *заволноваться* 着急, *радоваться* 高兴, *ревновать* 嫉妒, *хандрить* 忧郁, *тосковать* 忧愁, *чувствовать* 感觉到 и др. был проведен на материалах словарных дефиниций и иллюстраций толковых словарей русского языка. Типовую семантику глаголов данной ЛСГ можно передать с помощью глагольно-именного сочетания «испытывать эмоции, находиться (пребывать) в определенном эмоциональном состоянии» / «体验到某种感情, 处于某种心情».

4. Наиболее частотным глаголом исследуемой группы является глагол *чувствовать* — «испытывать какое-л. чувство, внутреннее психическое состояние, душевное волнение, переживание». Позицию субъекта при глаголе *чувствовать* замещают имена существительные, в семантическом содержании которых есть сема «лицо». Это имена собственные (*Анна, Сергей Петрович*), существительные, обозначающие степень родства (*мать*), профессию (*учитель*), должность (*директор*) и др., а также местоимения (*он, она, никто*). В китайском языке наблюдается аналогичное замещение субъектной позиции.

5. Позицию прямого объекта — *чувствовать* + что — в контексте глагола заполняют разнообразные существительные, передающие человеческие чувства и образующие в современном русском языке довольно многочисленную группу. Как показывают наши наблюдения, контекстуальными партнерами глагола *чувствовать* могут быть имена существительные, обозначающие «душевное состояние перед опасностью» (*боязнь, беспокойство, испуг, опасение, страх, тревога* и др.), «раздраженно-враждебное чувство» (*гнев, злость, злоба, негодование* и др.), «душевное расстройство по поводу незаслуженного оскорбления» (*досада, обида, огорчение* и др.) и другие. Китайский эквивалент русского глагола *чувствовать* адекватно сочетается с существительными указанной семантики.

6. В сообщении будут представлены некоторые итоги сопоставительного изучения русских и китайских глаголов «эмоционального состояния», классификация глаголов, например глаголы «радостного чувства» — *веселиться* 开心, *блаженствовать* 幸福, *радоваться* 高兴, глаголы «тоскливого настроения от безделья, отсутствия интереса к окружающему» — *скучать* 思念, *тосковать* 忧愁, *унывать* 灰心, *хандрить* 忧郁 и другие подгруппы. Предлагается к обсуждению prospect русско-китайского сло-

варя глаголов эмоционального состояния. В качестве примера словарной статьи можно привести следующую:

Беспокоиться, несов., о ком, 惊慌, 不安, 担忧, 焦急
о чем. Испытывать волнение, тревожное состояние (обычно в ожидании опасности или чего-л. неизвестного).

*Мать беспокоилась о детях,
их здоровье.*

*母亲挂念孩子,
为他们的健康担忧.*

7. Перевод предложений с глаголами разных ЛСГ, и глаголами эмоционального состояния в частности на китайский язык представляет большие трудности, так как даже при достаточно хорошем владении китайским языком порой все же нелегко бывает найти в нем адекватные лексические эквиваленты многих русских глаголов.

Таким образом, сопоставительное изучение русской и китайской лексики позволит уточнить перевод русских глаголов на китайский язык, а двуязычный словарь глаголов однотипной семантики будет хорошим помощником переводчиков, китайских русистов, преподавателей и учащихся, изучающих русский язык как иностранный.

В. А. Чинова
Волгоград

СУБСТАНТИВАТЫ СРЕДНЕГО РОДА В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Субстантиваты среднего рода и в русском, и в чешском языке представляют собой неоднородную категорию слов, внутри которой выделяется несколько структурно-семантических типов. Для обоих сопоставляемых языков характерно наличие субстантиватов с обобщенно-отвлеченным значением и субстантиватов, обозначающих предметы пищи и напитки. Только в русском языке представлены субстантиваты, обозначающие лечебные средства. Спецификой чешского языка является наличие субстантиватов, обозначающих виды платежей, доходов и расходов.

Субстантиваты с обобщенно-отвлеченным значением типа *добро* (*dobře*), объединяемые исследователями в одну классификационную группу, не имеют, однако, общего лексического значения, устанавливаемого для других субстантиватов через радо-видовые отношения между предметными понятиями, т. е. на основе общего родового наименования, как, напр., *лечебное средство*.

Особенностью данных субстантиватов является также их преимущественная мотивированность качественными прилагательными.

В речи такие субстантиваты выполняют две общие номинативные функции: наименование единичного предмета, проявляющегося только одним своим свойством, и наименование всех предметов, обладающих одним общим для них свойством, причем один и тот же субстантиват может выполнять обе эти функции.

Связь данных функций логически обусловлена: предмет, проявляющийся только одним своим свойством, на основании этого свойства включается в ряд других предметов, обладающих тем же свойством.

Субстантиваты с обобщенно-отвлеченным значением семантически соотносятся с двумя типами словосочетаний: мотивирующее прилагательное с местоимением *все* (*vš echno*) и мотивирующее прилагательное с местоимением *что-то* (нечто) — *něco* (*cosi*).

При употреблении данных субстантиватов в речи отмечаются случаи контекстуального ограничения объема значения: через перечисление предметов, обобщаемых соответствующим субстантиватом на основе одного общего признака, или с помощью описательных конструкций.

Указанные признаки позволяют считать субстантивацию качественных прилагательных в форме среднего рода закономерным проявлением одной из категориальных особенностей имени прилагательного на определенном этапе его развития, т. е. на этапе развития качественных значений. Эту особенность можно назвать интегрирующей функцией качественного прилагательного.

Субстантиваты среднего рода других структурно-семантических типов показывают более широкую мотивирующую базу, которую составляют относительные и качественные прилагательные. В чешском языке мотивирующая база расширена за счет притяжательных прилагательных. Часть чешских субстантиватов со значением «виды платежей» в синхронном аспекте является немотивированной, т. е. не имеет в системе современного чешского языка соответствующих прилагательных.

Субстантиваты, обозначающие предметы пищи, подразделяются на два типа:

- 1) видовые наименования к соответствующим родовым;
- 2) родовые наименования, не имеющие в рамках категории имени структурно и семантически соотносительных наименований с предметным значением; за рамками именной категории их можно рассматривать как видовые наименования к родовому «все».

Русские субстантиваты, обозначающие лекарственные средства, можно рассматривать как видовые наименования, соотносимые с сочетаниями «мотивирующее прилагательное + существительное *средство*».

Таким образом, вопрос об образовании анализируемых субстантиватов не имеет однозначного решения. Здесь можно выделить три основных способа:

1. Эллиптическая субстантивация относительных прилагательных.

2. Образование по модели (при отсутствии мотивирующего).

3. Внеэллиптическая субстантивация как проявление интегрирующей функции качественных прилагательных.

Д. Ян

Франкфурт-на-Одере, ФРГ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Устойчивые выражения, поговорки и пословицы являются давно известной проблемой для перевода с одного языка на другой. Общее происхождение и этническое взаимодействие индоевропейских народов способствовали сходству в реализации одинаковых образов, однако во фразеологии и паремиологии наблюдается и национальная специфика.

При переводе возникает проблема адекватности элементов текста, одним из путей решения которой являются изучение и сопоставление единиц не только литературного, но и разговорного стилей двух языков.

На материале несвободных сочетаний немецкого языка, связанных с водой, и их сопоставления с русскими параллелями проанализируем аспекты переводных соответствий и проблему адекватности.

В обоих языках выделяются тождественные выражения. Для обозначения безрезультатного, пустого действия немецкий язык использует фразеологизм *kein Wasserchen trüben können*, который полностью соответствует русскому *воды не замутить*. В других устойчивых сочетаниях мы наблюдаем различие в семантике компонентов (*Wasser in ein Sieb schöpfen* / *носить воду в решете*), однако в целом соблюдается семантическая и стилистическая адекватность.

В некоторых фразеологизмах обоих языков встречаются дополнительные или отсутствующие компоненты: *ein stilles Wasser sein* / *быть тише воды, ниже травы*; *mit Wässern gewaschen sein* / *пройти сквозь огонь, воду и медные трубы* и др.

Отмечаются фразеологизмы с дополнительной семантикой в одном из языков. Основное значение немецкого *bei Wasser und Brot sitzen* и русского *перебиваться с воды на хлеб* — *жить бедно, впроголодь*», однако в немецком языке имеется дополнительное значе-

ние «im Zuchthaus sitzen» которое в настоящее время выдвинулось на первый план.

В ряде текстов при переводе с одного языка на другой семантическая и стилистическая адекватность достигается с помощью иноструктурных фразеологизмов: немецкое *ins Wasser fallen* / русское *что упало, то пропало*. Отметим, что сходный русский фразеологизм *кануть в воду* относится к человеку, тогда как немецкий *ins Wasser fallen* характеризует ситуацию с предметом или явлением. Новое немецкое выражение *Wasser im Vergaser haben* соответствует русскому *крыша поехала* и др.

Наполнение фразеологизма зависит от экстралингвистических факторов (лингвострановедческих особенностей лексики): русское *ездить в Тулу со своим самоваром* / немецкое *Wasser ins Meer tragen*. Для русских языке понятен образ *носить воду в море*, однако он не получил закрепления в регулярном речевом употреблении.

Значительное число немецких фразеологизмов с компонентом *Wasser* не имеют русских соответствий, что связано с историей возникновения несвободных сочетаний, с традициями народа. Так, например, *jemandem nicht das Wasser reichen können* отражает средневековой обычай омовения рук в чашке с водой после еды. Подобных традиции в русской этнической среде не наблюдалось, поэтому образ полностью не ясен для русского человека, и фразеологизм может быть переведен только описательно — «быть недостойным даже для незначительной услуги».

Учет разговорно-просторечных особенностей текста является одной из важных проблем переводоведения. Несвободные сочетания часто не имеют соответствий в языке перевода и требуют описательного или компенсационного подхода при переводе текста с одного языка на другой.

Секция 10. НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

М. А. Брейтер

Московский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ MULTI-MEDIA ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

1. В связи с развитием новейших информационных технологий методика преподавания русского языка как иностранного получила новое направление. Компьютерные multi-media курсы сделали изучение иностранных языков массовым и общедоступным. Сочетание двух форм обучения — дистантного и традиционного — позволит сделать преподавание русского языка как иностранного общедоступным и эффективным.

2. Компьютерные программы обучения русскому языку как иностранному (РКИ) требуют новой методики преподавания, отличной от обширного опыта, накопленного традиционными формами обучения, с одной стороны, и использующей годами создававшиеся методики преподавания РКИ — с другой. Для разработки новой методики необходимо решить следующие вопросы: а) в каких целях эффективно использование компьютерных средств обучения (КСО); б) в какой форме эти КСО могут быть использованы в практике преподавания. Решение этих проблем осложняется тем, что банк КСО по РКИ находится в настоящее время в стадии формирования.

3. Компьютерные методы преподавания иностранного языка позволяют оптимизировать самостоятельную работу учащихся, а преподавателю посвятить аудиторное время решению творческих задач, коррективке и расширению навыков, полученных при работе с компьютерными программами. Основы русской графики, грамматики, словообразования, лексики, страноведческая и культуроведческая информация могут быть успешно усвоены с помощью компьютера. Использование multi-media технологий раскрывает новые возможности в применении вычислительной техники при обучении РКИ.

4. Возможности multi-media-технологий в обучении русскому языку как иностранному могут быть использованы следующим образом: а) создание multi-media-обучающих программ (ОП) по русскому языку (по фонетике, различным аспектам грамматики, лек-

сики и т.п.), а также комплексных ОП по русскому языку для различных уровней обучения; б) создание справочных материалов, в том числе учебных словарей; создаваемые учебные словари могут быть специализированными (в том числе многоязычными, тезаурусными и др.) и многофункциональными; в) создание «компьютерных книг» и учебных текстов; г) создание культуроведческих и страноведческих обучающих и справочных программ; д) создание курсов дистантного обучения РКИ.

5. При создании компьютерных программ, обучающих РКИ, технологии multi-media позволяют использовать зрительный и звуковой ряд, что делает возможным создание обучающих программ по фонетике русского языка, рассчитанных на активную практику учащихся. Multi-media-технологии позволяют сделать фонетику неотъемлемым элементом любой ОП, включая грамматические и лексические, так как до сих пор все знания по лексике и грамматике в ОП были представлены на уровне графики. Расширение возможностей зрительного ряда в рамках multi-media-технологий не только сделает более наглядным и тем самым легче усваиваемым учебный материал, но и поможет вывести изучаемый в языковой системе материал в речь, моделируя различные коммуникативные ситуации.

6. Создание справочных материалов является одной из важных, пока не использованных возможностей multi-media. К справочным учебным материалам можно отнести учебные словари (УС) и грамматические справочники любого рода, которые значительно отличаются от неучебных материалов соответствующей направленности. Наиболее полезным для иностранных учащихся мог бы стать многофункциональный компьютерный УС, объединяющий в себе данные лингвистических словарей различных типов в форме, необходимой иностранцам, изучающим русский язык (например, информация о различении синонимов, паронимов и т.п.). Словарная информация о каждом слове должна быть дополнена звуком, а в некоторых случаях — изображением. Вход в каждую словарную статью должен быть обеспечен не только от каждого заглавного слова, но и от любого из полей (переводного эквивалента, синонима, антонима, паронима, дескриптора данного семантического поля и т.п., а также от каждой из его словоформ).

7. Создание «компьютерных книг» и учебных текстов (диалогов) в рамках технологии multi-media позволит оптимизировать работу учащегося с текстовыми массивами различных типов. Выполненные в системе гипертекста, книги позволяют получить перевод каждой отдельной единицы (слова, предложения, текста) на родной язык учащегося, озвучить любую словоформу или единицу текста любого иного уровня.

8. Возможности создания культурологических и страноведческих программ в рамках технологии multi-media практически неограничены. Актуальным является создание энциклопедических УС по конкретным аспектам русской культуры и истории.

9. Наиболее существенной и актуальной задачей, стоящей перед теоретиками и практиками преподавания РКИ, является разработка дистантных курсов по РКИ. Разработка подобных курсов предполагает использование новых методик и технологий. Основными принципами подобных курсов должны быть интерактивность и ориентированность на конкретного учащегося. Потребность в подобных курсах чрезвычайно велика, а также накоплен опыт создания multi-media-программ по РКИ, опираясь на который, преподаватели РКИ могли бы решить эту задачу. В докладе будет дан сопоставительный анализ существующих курсов РКИ (как обучающих, так и тестирующих) с точки зрения использующихся в них методик, а также рассмотрены методологические перспективы создания дистантного курса по РКИ.

А. В. Волегов

Уральский государственный университет

РАЗЛИЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КУРСАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Как показывает опыт работы с текстом в иностранной аудитории, преодолению трудностей анализа способствует систематизация учебного материала. Однако трудности адекватного восприятия именно художественного текста возникают на разных уровнях:

- недостаточность лексического запаса и знания грамматических явлений;
- незнание отдельных страноведческих реалий, отраженных в тексте;
- особенности самого текста как лингвокультурной единицы.

Если первые две проблемы успешно могут быть решены в процессе традиционного комментированного чтения, то системность художественного текста как элемента национальной культуры требует особого подхода.

Опыт показывает, что он должен начинаться с организации стратегии преподавания уже на стадии разработки курса. Так, в программе бакалавриата для переводчиков-русистов курсы русской литературы предполагают, помимо историко-литературной информации, анализ подобранных текстов (и фрагментов). Подача материала в курсах литератур XVIII и XIX вв. на продвинутом этапе обучения идет параллельно с формированием у студентов понятий

«род» и «жанр» русского художественного текста. Изучение литературы конца XIX — первой половины XX в. на завершающем этапе заставило ввести коррективы в такой подход. Конечно, это связано, в первую очередь, с тем, что художественные тексты этого времени отражают особенность культурной ситуации — «серебряного века».

Здесь систематизирующим может стать, на наш взгляд, понятие «художественный метод» как стратегия авторского отношения и оценки. Поэтому основной оппозицией в процессе учебного анализа текста будет «реализм» — «модернизм».

Анализ конкретных произведений может строиться следующим образом:

— художественный метод — стратегия целого текста («Мелкий бес» Ф. К. Сологуба);

— отдельные явно нереалистические образы в структуре реалистического текста («Человек из Сан-Франциско» И. А. Бунина).

Такой подход позволяет разгрузить насыщенную программу предыдущего года («Русская литература XIX века»). С другой стороны, это позволяет перенести на следующее полугодие знакомство с русской советской литературой, что, на наш взгляд, оправдано ее отнесённостью к иной культурной ситуации.

И. В. Гуляева

Российский университет Дружбы народов

АКТИВНОСТЬ СПОСОБА СЛОВСОЖЕЕНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Терминология методики преподавания русского языка как иностранного (МПРЯИ) в качестве информативной части подязыка данной науки отражает современное состояние практики преподавания и уровень ее теоретического осмысления.

Современный этап развития МПРЯИ характеризуется углублением лингвистических, психологических и педагогических основ преподавания русского языка иностранцам и поисками путей оптимизации учебного процесса. Одновременно с развитием методики как науки формируется ее понятийно-терминологический аппарат, постоянно пополняясь специальными словами, обозначающими новые или уточняющими уже имеющиеся методические понятия. Так, например, для называния новых методических учений и концепций, оформившихся в частные научные дисциплины, образованы термины *лингвострановедение* (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, 1971), *лингводидактика* (Н. М. Шанский, 1969), *прессолингводидактика* (А. Н. Онкович, 1993), *этнолингводидактика* (О.

О. Смирнова, 1994), *автолингводидактика* (А. В. Рябоконь, 1995).

Предметом изучения МПРЯИ является учебный процесс в единстве и взаимодействии его составляющих. Термины методики называют языковые единицы и речевые действия, которыми должен овладеть учащийся, приемы и методы, применяемые обучающим, а также отношения между компонентами учебного процесса — учеником, учителем и учебным предметом. Этот факт объясняет наличие сложных методических понятий, находящих свое наиболее полное воплощение в многокомпонентных наименованиях — терминологических словосочетаниях и терминах — сложных словах. Не случайно, одним из активных способов терминообразования в методике, наряду с синтаксическим способом, оказывается и морфологический, в частности словосложение, позволяющее, по словам О. Г. Винокура, «выразить две идеи в одном слове».

Для номинации сложных методических понятий используются как слитное словосложение, например: *речевосприятие, двуязычие, микродиалог, внутриязыковая интерференция, частнометодические* принципы, так и составное словосложение, например: *словарь-минимум, язык-посредник, текст-образец, сознательно-практический* метод, *лексико-грамматический* материал, *аспектно-комплексное* обучение.

В использовании способов терминообразования наблюдается тенденция к избирательности — продуктивности одних словообразовательных типов и моделей и непродуктивности других (В. В. Белый). Особую активность в процессе образования терминов МПРЯИ проявляет составное словосложение существительных и прилагательных. В первом случае из двух самостоятельных слов образуется термин, в котором первый компонент обозначает базовое понятие, а второй называет дифференцирующий признак, например: *диалог-расспрос, диалог-беседа, диалог-дискуссия, диалог-унисон, диалог-полемика; правило-инструкция, правило-обобщение; урок-беседа, урок-экскурсия*. Составные термины-существительные с иным типом семантических отношений (определение — определяемое), например: *эхо-метод, абитуриент-тест* единичны, что подтверждает отмечаемую исследователями «тенденцию к системности оформления терминов в пределах определенных наук, способствующую выявлению и подчеркиванию семантических соотношений в терминологии» (Э. В. Кузнецова).

Образующиеся в результате словосложения термины-прилагательные обозначают признак, относящийся в равной степени к предметам или действиям, названным мотивирующими основами, например: *предметно-изобразительная* наглядность, *слухо-произносительные* навыки.

Словосложение используется как способ компрессии многословных терминов, их более краткого и экономного представления, например: текст для аудирования — *аудиотекст*, стимулирующая реплика — *реплика-стимул*, процесс речи и мысли — *речемыслительный* процесс, вводный курс фонетики — *вводно-фонетический* курс.

Материалом для наших наблюдений послужили тезисы докладов и сообщений научно-методических конференций, достаточно оперативно представляющих все новое в данной области знания и ее научном аппарате. Анализ названных материалов дает основание говорить о словосложении как об активном способе терминообразования в методике преподавания русского языка иностранцам.

Е. П. Калечиц

Уральский государственный университет

РОЛЬ ДЕТАЛИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Большой размах работы по обучению русскому языку как иностранному естественно породил методические поиски. Среди них есть и более глубокие как коммуникативно-деятельностный подход к языку, и более частные, скорее приемы, а не методики. В нашей сегодняшней работе мы наблюдаем предпочтение традиционной формально-грамматической подачи материала и явное охлаждение к коммуникативно-деятельностному подходу. Возможно, это объясняется незавершенностью самого метода, что, впрочем, было ясно с самого начала его использования. В частности, нечеткость его отражалась в неоднородности выделяемых аспектов.

Внимание к деталям, о чем хотелось бы напомнить, — это методический прием, но не такой уж расплывчатый или само собой разумеющийся, как это может показаться. Его состоятельность подкреплена самой природой языка как богатого многогранного, многоаспектного — живого — организма. Поэтому вхождение в него непременно заманчиво. Для иностранца вхождение в язык — это встреча с произведением искусства. Конечно же, такое вхождение произойдет, скорее всего, не на первом этапе освоения языка, но, с другой стороны, для каждого этот начальный этап имеет свои временные границы. Что же такое деталь? Деталь — это деталь. Она может быть различной по отношению к уровню языка: фонетическая, морфемная и т. д. Важно, чтобы она была отражением чего-то очень внутреннего для данного языка (гармонии языка). Интерес к детали — это интерес к познанию глубины языка, а следовательно, и стремление познать самих носителей языка. Отбор таких деталей, по существу, не может быть рекомендован. Детали определяет сам преподаватель. Такой индивидуальный отбор принципиален, так как

в этом отражается эстетический вкус и, конечно, знание языка и его теории, не говоря уже о природных и профессиональных данных преподающего. Конечно же, стремление к деталям зависит и от возможностей аудитории. Однако возможности аудитории — это величина непостоянная. Носителям родного языка «уловить» деталь доступнее, но у иностранцев есть преимущество в степени остроты восприятия, так как они постигают что-то новое, непознанное.

К примеру, деталью из области синтаксиса может быть модель предложения типа *Друг есть друг*, имеющая некоторые вариации по характеру связи (*Друг — это друг*) и по включению обстоятельственных и вводных элементов (*Друг всегда друг; Друг, конечно, друг*). Это емкое по содержанию высказывание обладает особой интонацией, в которой выражены сила убежденности утверждения и оценка, обусловленная этой убежденностью. Модель является своеобразным сигналом о контакте беседующих (предполагается их взаимопонимание). В то же время она стимулирует развернутое суждение: *Мать есть мать. Ты для нее в любом возрасте малое дитя*. Модель используется только в том случае, если предмет интересует говорящих, т. е. она связана не с описанием, не с повествованием, а именно с суждением, причем само суждение как правило категоричное. Чтобы сделать высказывание еще более убедительным, говорящий пользуется вводной ссылкой «с любой точки зрения», которая может быть не выражена словесно, но в подтексте присутствует, можно сказать, всегда. Во всех случаях использования этой модели объем значения сказуемого не совпадает с объемом значения подлежащего, выступающего в своем понятийном объеме. Это может быть дополнительное значение социальной значимости этого предмета, что и отражено во вводном сочетании «с любой точки зрения» и т. п.

Анализ деталей, неуместный на уровне справочника для туристов, необходим для желающих серьезно изучать язык. Деталь порождает желание найти аналогию в родном языке, что создает естественную почву для освоения языка иностранного, а в целом — способствует развитию чутя к языку.

Л. А. Концева

Уральский государственный технический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИЗБЫТОЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ УЧЕБНОГО АУДИОТЕКСТА

В решении проблемы учебного аудиотекста нам видятся два возможных и правомерных пути. Первый — создание серии обучающих телеуроков, где, кроме преподавателя-русиста, полноправным учас-

тником является специалист-предметник, читающий лекцию. Главное достоинство такой лекции — ориентация на иностранного студента, на цели и задачи, обусловленные потребностями обучаемых.

Телеурок делится на две части: первую ведет преподаватель-русист, во второй части лекцию читает преподаватель-предметник. В 1-й части даются подготовительные упражнения, в которых тренируется тот или иной навык сокращенной записи. Во 2-й части телеурока студенты, конспектируя, пробуют применить те приемы, о которых шла речь в первой части телеурока.

Дидактические свойства телевидения позволяют: 1) соединяя звук с изображением, показать через введение полного и оптимального вариантов сокращения записи их вариации; 2) использование операторских приемов камеры: подчеркиваний, набора текста, наложения — помогает «увидеть» синтаксические замены, преобразования, опущения и т. п., так как весь процесс совершается на глазах студентов.

В целом такой телеурок оживляет процесс обучения, делает его зрелищнее, эффективнее, а эффект соучастия вызывает интерес и желание овладеть приемами конспектирования.

Другой путь создания учебного аудиотекста — моделирование текста по определенным параметрам устной научной речи. Моделирование, прежде всего, предполагает внесение в текст элементов языковой избыточности, которые в процессе конспектирования подвергаются переработке. В начало лекции включаются различные типы введения, характерные для лекции: в виде тезисов, плана, основных вопросов и т. п. Далее следует говорить о включении различных повторов: отдельных слов или словосочетаний, являющихся опорными для понимания, концовок предложений, в которых находится коммуникативный центр предложения и т. п. Назовем и другие компоненты, за счет которых можно создавать необходимую избыточность. Это могут быть элементы «разряжающие», дающие возможность отдохнуть и в то же время делающие текст не таким «сухим», например интересные факты из жизни ученых. Могут быть включены предложения-подсказки о том, где нужно быть особенно внимательным, где главное, где второстепенное и т. п.

Помимо включения в текст избыточных элементов, следует сказать об упрощении структуры предложений. Особенно это касается сложных предложений, трансформированию которых необходимо обучать. В целом в аудиотекст включаются:

- специальная лексика, которую можно сократить или заменить символами: термины одиночные и выражаемые двух-, трех- и более членными сочетаниями слов, общеупотребительная лексика, общеупотребительные слова в терминологической функции;

- морфологические средства, вызывающие затруднения при

восприятии и трансформировании: отглагольные существительные процессуального значения, имена прилагательные в терминологической функции, глагольно-именные словосочетания, характеризующиеся логико-понятийной цельностью значения и т. п.;

— синтаксические средства: наличие структур, подлежащих замене или перифразу, предложений, содержащих избыточные элементы.

Таким, образом, в соответствии с методическими целями и задачами возможно моделировать форму и содержание аудиотекстов, приближая их к учебным и позволяя программировать языковые действия обучаемых.

Н. В. Нетяго

Уральский государственный университет

ПРЕЗЕНТАЦИЯ АКТУАЛИЗИРОВАННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ

В поле нашего внимания слова, давно известные, часто отмеченные в словарях советского периода издания как устаревшие, но переориентированные на настоящее время, и слова, актуализированные, изменившие свою стилистическую окраску или приобретшие новые оценочные элементы. Знакомство с данной лексикой происходит как на занятиях русского языка, так и литературы. При их презентации необходим учет социокультурной информативности.

Слова, еще недавно бывшие устаревшими, встречающиеся чаще всего в исторических текстах, стали употребляться в современных произведениях. При этом при чтении исторических произведений можно ограничиться толкованием словарей советского периода, например в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим:

«*Земство* — до революции: местное самоуправление в сельских местностях с преобладанием дворянства в его органах».

«*Лицей* — 1. В царской России: привилегированное высшее учебное заведение. 2. Среднее учебное заведение во Франции и некоторых других странах».

«*Гимназия* — в дореволюционной России и некоторых странах: общеобразовательное среднее учебное заведение».

При знакомстве иностранных учащихся с данными словаря необходимо сообщить, что в последнее время эти слова перестали быть лексикой ограниченного употребления, став широкоупотребительными. При актуализации изменяется содержание выражаемого понятия, а иногда оно приобретает новое значение. Так слово *лицей* сохранило свое первое устаревшее значение, при этом второе его значение актуализировалось. В каждом конкретном случае происходят свои изменения.

При презентации иностранцам другой группы лексики, большую часть которой составляют заимствования, необходимо обратить внимание учащихся на то, что устарели некоторые ссылки на ограничения: «в капиталистических странах», «в США», «в буржуазном обществе» и т. п.:

«Ферма — 2. В капиталистическом обществе: частное хозяйство, сельскохозяйственное предприятие на собственном или арендуемом земельном участке.

«Коммерсант — в буржуазном обществе: тот, кто занимается коммерцией, крупный торговец».

При подаче данной лексики делаются уточнения о том, что фермы в современной России есть, но нет частной собственности на землю, а коммерсанты не всегда крупные торговцы. Кроме того, обращается внимание и на изменение стилистической окраски слова *коммерсант*, которая недавно еще была пренебрежительной, а теперь — нейтральная.

Итак, при презентации актуализированной лексики необходимо информировать иностранных учащихся о происходящих в нашей стране изменениях, вызванных экономическими реформами, и о последующих за ними изменениями либо в значении слов, либо о новом содержании выражаемого понятия, либо о новой стилистической окраске, либо о новых оценочных элементах.

Г. Н. Плотникова

Уральский государственный университет

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Описание языка и любой его подсистемы включает обычно как описание языковых средств, так и описание структуры высказывания, в которой функционируют эти средства. Но, в зависимости от целей описания, одна из сторон может доминировать. При лингвометодическом описании доминантной является структура высказывания, поскольку коммуникативная направленность при обучении русскому языку иностранцев обуславливает формирование речевых умений и навыков у учащихся.

Лингвометодическое описание словообразования в этом плане не исключение. Более того, следует подчеркнуть особую важность словообразовательных явлений в процессе раскрытия внутренних законов взаимодействия языковых элементов и построения языка как единой системы. Это сказывается не только в том, что словообразование обслуживает процесс развития и обновления словаря, но и в

том, что оно предопределяет все наиболее важные в функциональном отношении стороны языка: звучание слов, их значение и грамматические особенности.

На словообразовательном уровне лингвометодический подход требует раскрытия механизма словопроизводственных процессов в современном русском языке с целью самостоятельного конструирования слов по готовым моделям. Для достижения этой задачи следует выделить два этапа в описании словообразовательных явлений.

На первом этапе даются следующие сведения, связанные со словопроизводственным процессом: понятие производного и непроизводного слова; типы морфем, их роль в составе слова: понятие основы слова; способы образования слов; морфонологические изменения в составе основы производного слова; типовые морфемные структуры знаменательных частей речи; основные единицы словообразовательной системы (простые и комплексные).

На втором этапе должны раскрываться связи и закономерности словопроизводства с учетом целей и задач обучающегося.

При этом следует иметь в виду два типа потребностей учащихся в знании словопроизводственного процесса.

1 тип — на уровне восприятия производного слова. Он характеризуется следующими действиями для достижения цели: восприятие звуковой или графической оболочки слова; расчленение слова на структурные элементы; выбор знакомых структурных элементов на основе установления ассоциаций с уже знакомыми словами; прочтение (смысловая догадка) значений некоторых элементов; конструирование смысла слова.

2 тип — на уровне порождения слова. Он характеризуется следующими действиями для достижения цели: определение смыслового объема слова; поиск родственных слов (для выбора корневой части); поиск одноструктурных слов (для определения модели построения производного слова и выбора служебных элементов); конструирование звуковой оболочки слова.

Такое выделение действий соответствует схеме порождения речи, предложенной Л. С. Выготским (см.: Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1986).

Т. Н. Сивкова

Уральский государственный университет

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Организация обучения иностранных студентов русской глагольной лексике актуальна не только на начальном, но и на продви-

нутом этапе овладения языком. Расширение лексической базы иноязычащих и активизация речевых навыков и умений студентов — иностранцев в условиях конкретных актов коммуникации невозможно без обращения к лексико-семантическому пространству русского глагола, теории лексико-семантических групп (далее — ЛСГ) и семантической классификации русских глаголов, к особенностям их речеупотребления.

Объектом усвоения глагольной лексики русского языка могут быть как ядро ЛСГ без углубленного изучения периферии, так и релевантные периферийные зоны ЛСГ. Учет вторичных значений глаголов, пересекающийся характер ЛСГ позволит подойти к глаголу как к факту лексической семантики и как к факту речи.

2. Выбор ЛСГ как лингвометодической категории успешно реализуется в учебных пособиях и работах Э. И. Амиантовой, Л. М. Васильева, Г. А. Битехтиной, Н. А. Лобановой, С. Н. Мерзон, З. Д. Поповой, Л. Г. Саяховой, И. П. Слесаревой, С. Л. Пятецкой, С. А. Хаврониной, Л. П. Юдиной и других. Тем не менее принципы описания семантики глагольной лексики в целях преподавания русского языка как иностранного, пути ее презентации на практических занятиях требуют уточнения и дальнейшей разработки. Вопрос о том, каким должно быть описание языка в целях его преподавания, с особой остротой обсуждается в настоящее время, когда в русле фундаментальной науки стали бурно развиваться такие направления, как прагматика, функциональная и коммуникативная лингвистика, лингвистика текста.

3. Основополагающий принцип описания глагольной семантики должен в наибольшей степени соответствовать целям коммуникативно ориентированного обучения и может быть постулирован как принцип учета системных, функциональных и коммуникативных свойств языка и речи. Конкретные пути реализации этого принципа требуют дальнейшего обсуждения. Однако такие системно-языковые признаки ЛСГ, как типовая семантика и сочетаемость, иерархичность строения и периферийность расположения глаголов в ЛСГ могут быть перенесены в план методической организации языкового материала.

4. Результаты современных лингвистических исследований и лексикографических описаний семантического пространства русского глагола, в частности, семантическая классификация глагольного фонда русского языка, осуществленная проф. Э. В. Кузнецовой и ее учениками, «Толковый тематический словарь русских глаголов. Проспект» (Екатеринбург, 1992.), подготовленный авторским коллективом Уральского университета под руководством проф. Л. Г. Бабенко, эффективно используются в практике преподавания

русского языка студентам из Америки, Вьетнама, Китая, Кореи, Турции, Японии. Семантические группы, функционально-семантические поля глаголов могут найти более глубокое отражение в программах по русскому языку, лексике и развитию навыков устной речи, в учебниках и учебных пособиях для студентов-иностранцев.

5. Методическое применение теории ЛСГ предполагает коммуникативную организацию учебного лексического материала на основе двух факторов: концентрического расположения глаголов, относящихся к одной ЛСГ, и поэтапного овладения синтаксическими структурами с этими глаголами в процессе обучения. При разработке эффективной системы заданий и упражнений методика обучения глагольной лексике должна опираться на исследования парадигматических, синтагматических и вариантных отношений в лексике, а также на имеющиеся лексикографические разработки. Семантика глагольного слова должна быть представлена в тексте, в русской языковой афористике, речевом этикете, в современной разговорной речи.

Таким образом, достижения современной теории функционально-семантического поля, теории лексико-семантических групп русских глаголов должны быть обращены к вопросам обучения русскому языку как иностранному. В целях интенсификации преподавания, повышения мотивации изучения русского языка студентами — иностранцами назрела задача сблизить между собой теоретическую науку и педагогическую практику.

С. А. Хавронина

Российский государственный университет Дружбы народов

ЛЕКСИКА ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Изменения, произошедшие в последнее десятилетие в экономической и социально-политической жизни нашей страны, вызвали повышение интереса к изучению русского языка в кругах зарубежных бизнесменов. Появление нового контингента иностранных учащихся поставило перед лингводидактикой задачу описания особенностей языка профессионально-делового общения, создания специальных учебных пособий и разработки соответствующей методики обучения.

Лингводидактика рассматривает язык как предмет преподавания и предполагает такое описание языковых единиц, которое включает их оценку с точки зрения трудностей усвоения учащимися, в данном случае неносителями языка.

Общение в сфере бизнеса касается вопросов производства и торговли, финансирования и страхования, банковских расчетов и юри-

дического оформления. Соответственно лексический состав языка делового общения обширен и разнообразен, он представляет собой сложный конгломерат разностилевых элементов — слов общеупотребительных, общенаучных, с окраской официально-делового стиля, терминов экономических наук и юриспруденции. Значительную часть лексикона бизнеса составляют номенклатурные наименования, насчитывающие сегодня десятки тысяч единиц.

Первый этап анализа лексики в учебных целях связан с ее тематической группировкой, для чего предварительно определяются темы, отражающие актуальные для деловых людей фрагменты действительности; при этом актуальность отбираемых для учебного курса тем соотносится с реальными коммуникативными потребностями данной категории учащихся.

Внутри тематических объединений профессионально-деловой лексики четко выделяются предметно-понятийные группы слов, такие как наименования форм организации бизнеса, лиц — субъектов предпринимательской деятельности, действий и операций предпринимательства, документов и др.

Тематическая организация является лишь исходной платформой, на которой выстраивается группировка лексики, основанная на внутрисистемных — парадигматических, синтагматических и деривационных — отношениях слов.

Анализ материала показывает, что в лексике текстов делового характера широко представлена синонимия, главным образом, следующих трех типов: слово — словосочетание (*финансировать — осуществлять финансирование, ремонтировать — производить ремонт*); словосочетание — аббревиатура (*налог на добавленную стоимость — НДС, акционерное общество закрытого типа АОЗТ*); словосочетание — сложносокращенное слово (*государственный заказ — госзаказ, организационная техника — оргтехника, Российская лесная биржа — Рослесбиржа*).

Участие в деловом общении контрагентов — сторон с противоположно направленными интересами обуславливает использование в деловых текстах антонимов разных типов — векторного (*экспорт — импорт, оптовая торговля — розничная торговля, заключить контракт — расторгнуть контракт*), градуального (*заказчик — посредник — изготовитель; повышение цен — стабилизация цен — понижение цен*); конверсивного (*сдавать в аренду — брать в аренду; предоставлять кредит — получать кредит*).

Условием правильного словоупотребления является знание говорящим (пишущим) валентности слова, поэтому в лингводидактическом описании важны указания на типовую лексическую и грамматическую сочетаемость слов, например: *цены (какие?) свободные,*

рыночные, договорные, биржевые; высокие, средние, низкие, доступные, умеренные, приемлемые; мировые, европейские, внутренние; оказывать (что?) услуги, помощь, содействие, поддержку (кому?) учреждениям, предприятиям, населению, гражданам, частным лицам.

Следует отметить распространенность в языке бизнеса устойчивых словосочетаний терминологического характера, например: *котировка цен, процент по вкладам, уставной капитал, торговый оборот, совершать сделку, возмещать убытки.*

Особого внимания заслуживают общеупотребительные слова, в которых в случае их функционирования в сфере профессионально-деловых отношений развиваются новые значения и происходят связанные с этим изменения в их парадигматике и синтагматике, например: *партия* товара, *платежное поручение, операция* по вкладам; *мировой рынок — внутренний рынок, юридическое лицо — физическое лицо, постоянный посетитель* торгов — *разовый посетитель* торгов.

Выявленные особенности лексики делового общения нашли отражение в материалах учебного курса «Русский язык для деловых людей» (Хавронова С. А., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Москва, 1991, 1993).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Бабенко Л. Г.</i> (Екатеринбург). Проблемная группа «Русский глагол»: итоги и перспективы научно-исследовательской работы	3
<i>Васильев Л.М.</i> (Уфа). Проблема языкового содержания и формы	4
<i>Грачев М. А.</i> (Нижний Новгород). Отражение в арготической лексике религиозных и мистических верований	7
<i>Дубичинский В. В.</i> (Харьков). Создание базового лексического минимума	8
<i>Ерофеева Т. И., Скитова Ф.Л.</i> (Пермь). Лексикографическое отражение просторечной лексики в аспекте современной теоретической лингвистики	10
<i>Караулов Ю. Н.</i> Об активном характере ассоциативной грамматики .	12
<i>Кронгауз М.А.</i> (Москва). От морфемы к тексту: приставочный сценарий	15
<i>Копыленко М. М.</i> (Алма-Ата). Русский переводный текст как объект этнолингвистики	13
<i>Лазарева Э. А.</i> (Екатеринбург). Экспрессивно-содержательный потенциал газетной формы	17
<i>Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.</i> (Москва). «Мелкие слова» как ключ к национальному характеру	19
<i>Лопушанская С. П.</i> (Волгоград). Русский язык как объект сопоставительных исследований	20
<i>Мурзин Л. Н.</i> (Пермь). Дифференциация или интеграция?	22
<i>Сулименко Н. Е.</i> (С.-Петербург). О континуальности слова	24
<i>Федосюк М. Ю.</i> (Москва). Речевой жанр: тип высказывания или тип текста?	25
<i>Черняк В. Д.</i> (С.-Петербург). «Зоны риска» в лексиконе современной языковой личности	27
<i>Чудинов А. П.</i> (Екатеринбург). Риторические фигуры в идиостиле И. В. Сталина	29
<i>Шарандин А. Л.</i> (Тамбов). Лексико-грамматические разряды и лексико-семантические группы русского глагола	30

Секция 1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ И ПРИНЦИПЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

<i>Алексеев Т. П.</i> (Екатеринбург). Закономерности семантического развития лексики со значением зрительного и слухового восприятия в русском языке	33
<i>Богданова Л. И.</i> (Минск). Дифференциальные семантические признаки и их роль в оформлении актантных позиций в глаголе	35

<i>Боровикова Н. А.</i> (Екатеринбург). Особенности предикатов, употребляющихся с семантическим субъектом в форме родительного падежа без предлога	36
<i>Гафарова С. Н.</i> (Иркутск). К вопросу о причинах несовпадения смысловой и формальной переходности (на материале отыменных глаголов диалекта)	38
<i>Гоголина Н. А.</i> (Екатеринбург). Номинализация глагольных предикатов межличностных отношений	39
<i>Каменская И. В.</i> (Волгоград). Глаголы семантико-синтаксического поля «размещения в пространстве» в русском языке	41
<i>Кусова М. Л.</i> (Екатеринбург). Отрицательные лексические единицы в составе ЛСГ русских глаголов	43
<i>Матханова И. П.</i> (Новосибирск). Семантика высказывания и функционально-семантический тип предиката (на материале русских статальных высказываний)	45
<i>Омельченко С. Р.</i> (Волгоград). О новых возможностях контекстологического анализа	47
<i>Плотникова А. М.</i> (Екатеринбург). Семантико-синтагматический комплекс «Глагол — актанты»	49
<i>Плотникова С. В.</i> (Екатеринбург). Употребительность моделей регулярной многозначности в ЛСГ глаголов субъектного перемещения	50
<i>Попова Т. В.</i> (Екатеринбург). О пересекаемости лексико-семантических и акционсартных классов русских глаголов	51
<i>Соболева Н. Н.</i> (Екатеринбург). Семантически целостные и размытые глаголы (на материале глаголов восприятия)	52
<i>Шарандин А. Л., Денисов Ю. Н.</i> (Тамбов). Лексико-семантическая классификация русского глагола в аспекте критериев непротиворечивости, объяснительной силы и экономности	53
<i>Чудинова Е. А.</i> (Екатеринбург). Грамматические свойства слов с широко развитой многозначностью	55

С е к ц и я 2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ РУССКОГО СЛОВО- И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

<i>Андреева Л. С.</i> (Казань). Словообразовательное поле вещи в русском языке конца XVII — начала XVIII века как отражение развития глагольно-именных отношений	58
<i>Байдуж Л. М.</i> (Тюмень). Модусные наречия	59
<i>Золотарева М. Н.</i> (Екатеринбург). Абсолютно новые словообразовательные гнезда	60
<i>Изотов В. П.</i> (Орел). К описанию системы неузואльных способов словообразования	61
<i>Мелкозерова О. Е.</i> (Екатеринбург). Роль префикса в формировании глагольной полисемии	63

<i>Миронова И. К.</i> (Екатеринбург). Семантическое варьирование глагольного корня (на примере глаголов с корнем <i>-вар-</i> и <i>-пек-/ -печ-</i>)	64
<i>Мищенко О. В.</i> (Екатеринбург). Семантика глагола <i>жить</i> и его дериватов: проблема хронотопа	65
<i>Никитесвич А. В.</i> (Гродно). Префиксация и аналитизм в системе видообразования глагола	67
<i>Огольцева Е. В.</i> (Новгород). Деривационные значение производного слова как проявление языковой внутренней формы	68
<i>Рябов В. Н.</i> (Краснодар). Компаративы и краткие формы как способ элиминирования интраязыковых лакун русских прилагательных	70
<i>Шарафутдинов Д. Р.</i> (Екатеринбург). Лексический аспект синтаксической деривации	71
<i>Шипицина Г. М.</i> (Каменец-Подольский). Идиоматичность значения слова в интегральном аспекте	73
<i>Цыганкова А. В.</i> (Екатеринбург). Наблюдения над структурно-семантическими особенностями отзоонимных прилагательных	75

С е к ц и я 3. СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФОРМАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Архипова Е. А.</i> (С.-Петербург). О редукции согласных в русском языке	77
<i>Багичева Н. В.</i> (Екатеринбург). Регулярное семное варьирование существительных со значением родства	79
<i>Богданова Н. В.</i> (С.-Петербург). Фонетический эксперимент как способ решения прикладных задач русистики	81
<i>Борисова Т.Л.</i> (Астрахань), Супрун В. И. (Волгоград). Антропонимические элементы в топонимии Астраханской области: к проблеме взаимодействия ономастических разрядов	83
<i>Васильев А. Д.</i> (Красноярск). О гуманитарной значимости изучения динамики русской лексики	85
<i>Вострякова Н. А.</i> (Волгоград). Коннотация как лингвистическая проблема	87
<i>Дьячкова Н. А.</i> (Екатеринбург). Осложнение предложения прилагательным в атрибутивной позиции	89
<i>Илюхина Н. А.</i> (Самара). Образный комплекс как единица лексико-семантической системы (к постановке проблемы)	91
<i>Комарова З. И.</i> (Екатеринбург). О типах фразеологической связности терминологических единиц	92
<i>Кортава Т. В.</i> (Москва). Синтаксические «полонизмы» в приказном языке XVII века	95
<i>Лягушкина Н. В.</i> (Москва). Семантика слов <i>позади</i> и <i>сзади</i>	96
<i>Мительская Ж. З.</i> (Челябинск). Модальные фразеологизмы как объект исследования в свете структурно-функциональной парадигмы	98

<i>Мкртчян С. В.</i> (Тверь). Историчность нормы в употреблении форм имен <i>Георгий/Егор, Иосиф/Осип</i> в литературном языке второй половины XIX — начала XX века	100
<i>Рассказова Т. П.</i> (Екатеринбург). Прилагательные, характеризующие эмоцию «удивление» в английском и русском языках	102
<i>Рудакова О. И.</i> (Екатеринбург). Факторы субституции термина в научном тексте	103
<i>Рут М. Э.</i> (Екатеринбург). Новые реалии и номинативные возможности диалекта (на материале севернорусских говоров)	105
<i>Ташлыкова М. Б.</i> (Иркутск). Семантика имен качества сквозь призму их синтаксического функционирования	106
<i>Терпугова Е. А.</i> (Иркутск). Типология лексических ошибок: к упорядочению терминологии	107
<i>Чепасова А. М.</i> (Челябинск). Актуальные проблемы и задачи фразеографии	108

С е к ц и я 4. ЯЗЫК В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

<i>Базылев В.Н.</i> (Москва). Программирование этического образа человека в гадательных практиках	111
<i>Березович Е. А.</i> (Екатеринбург). Женщина и мужчина в топонимической версии народной картины мира	112
<i>Бурмистрова Е. А.</i> (Волгоград). К проблеме значения артионима ...	114
<i>Вепрева И. Т.</i> (Екатеринбург). О прагматическом аспекте коннотативной семантики слова	115
<i>Данилевская Н. В., Шевякова А. В.</i> (Пермь). Роль повторов в создании экспрессивной тональности произведения (на материале текстов художественной публицистики)	117
<i>Зельникова Н. В.</i> (Екатеринбург). Концепт <i>свободы</i> в русском языке	119
<i>Иваненко Г. С.</i> (Челябинск). Антропоцентричность фразеологизмов модели предложения	121
<i>Качесова И. Ю.</i> (Барнаул). Киносценарная коммуникация как форма коммуникативной деятельности	122
<i>Колосницына Н. В.</i> (Екатеринбург). Город в русской языковой картине мира (на материале русской поэзии XX века)	124
<i>Кондратьева Г. Н.</i> (Запорожье). Логико-семантические пропозитивы как формы лингвофилософских категорий	126
<i>Коновалова Т. Ю.</i> (Екатеринбург). Концептуальное наполнение лексем <i>воля</i> и <i>желание</i> в русском языке	128
<i>Крейдли Г. Е.</i> (Москва). Язык русских жестов и русские фразеологизмы: к проблеме сопоставления лексикографических описаний	130

<i>Крижановская Е. М.</i> (Пермь). Коммуникативно-прагматическая структура научного текста как результат реализации системы прагматических установок	131
<i>Леонтьева Т. В.</i> (Екатеринбург). Концепт <i>гордость</i> в русском языке	133
<i>Лисицына Т. В.</i> (Новгород). «Творческая личность» на рубеже пушкинской эпохи: концепт и термин	135
<i>Маркасова О. А.</i> (Новосибирск). Проявление модусных категорий в группе речевого сопровождения	137
<i>Мишланов В. А.</i> (Пермь). К проблеме нравственной мотивации слова	139
<i>Плюскина Т. Н.</i> (Пермь). Динамика соотношения авторской гипотезы и гипотезы оппонента в научных текстах	141
<i>Родина И. В.</i> (Екатеринбург). Логические отношения в языковой картине мира в свете семантических концепций Л. Витгенштейна	143
<i>Савинич Л. В.</i> (Москва). Приемы эзопова языка в естественной языковой иерархии	145
<i>Толкачев Г. А.</i> (Екатеринбург). Ономаσιологические особенности наименований человека в русском воровском аргоне	147
<i>Трипольская Т. А.</i> (Новосибирск). Семантико-прагматическое отношение похвалы и комплимента	149

С е к ц и я 5. ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

<i>Антонова Р. Д.</i> (Казань). Просодические характеристики поэтического текста как уровень языковой культуры	151
<i>Васильева В. В.</i> (Пермь). Механизмы интерпретации текста в лингвокультурологическом аспекте. К постановке проблемы	152
<i>Гудков Д. Б., Захаренко И. В.</i> (Москва). Социально-регулятивная функция прецедентных имен	153
<i>Гусев С. В.</i> (Екатеринбург). Изобретение колеса: герои Андрея Платонова у истоков познания мира	155
<i>Дорожкина Т. Н.</i> (Уфа). Грани культурных и литературно-языковых традиций в индивидуально-авторской семантике устойчивых поэтических образов	156
<i>Козлов Р. И.</i> (Екатеринбург). Язык и культура: прецедентный текст как демаркационная линия	158
<i>Котюрова М. П.</i> (Пермь). Текст: «цельность (целостность)» или «цельность и целостность»	161
<u><i>Мурзин Л. Н.</i></u> <i>Мурзин Н. Л.</i> (Пермь). О семантической структуре сравнений	162
<i>Мухин М. Ю.</i> (Екатеринбург). Категория синтагматического напряжения и лингвистический анализ художественного текста	153
<i>Соболева Е. Г.</i> (Екатеринбург). Виды текстовой модальности	165
<i>Степанова В. М.</i> (Тамбов). Границы языка и границы культуры	166

<i>Стексова Т. И.</i> (Новосибирск). Перцептивность и невольность	169
<i>Трошева Т. Б.</i> (Пермь). Контаминированные типы речи: описание — повествование — рассуждение	170
<i>Хисамова Г. Г.</i> (Уфа). Синтаксические особенности прозы В.М.Шукшина	172
<i>Ходырева И. Б.</i> (Волгоград). Имя собственное в художественной прозе А. И. Солженицина	174
<i>Яковлева Е. А.</i> (Уфа). «Урботекст»: к проблеме создания языкового портрета города	175

Секция 6. ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Авдеева Г. А.</i> (Нижний Тагил). Экспрессивная функция префиксального повтора в поэзии М. И. Цветаевой	178
<i>Бакланова И. И.</i> (Москва). Роль генеритивного регистра речи в структурно-функциональной характеристике текста (на материале рассказов К. Г. Паустовского)	179
<i>Гультяева Н. В.</i> (Екатеринбург). Асимметрия виртуального текста и текста-высказывания как отражение прагматической установки заговора (на материале русских лечебных и любовных заговоров)	181
<i>Казарин Ю. В.</i> (Екатеринбург). Художественная картина мира и творческое поведение поэта (на материале поэзии и судьбы С. Есенина)	183
<i>Мухина Н. М.</i> (Екатеринбург). «Космическое» и «историческое» время в эстетико-концептуальной системе О.Мандельштама (сопоставление поэтических сборников «Камень» и «Tristia»)	184
<i>Новикова Л. А., Лютикова В.Д.</i> (Тюмень). Метафорические названия лиц в русской частушке: типология и функции	186
<i>Панченко Н. В.</i> (Барнаул). Композиционно-речевая структура текста короткого рассказа И. А. Бунина как индивидуальная модель	189
<i>Снигирев А. В.</i> (Екатеринбург). Аллюзии и реминисценции в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале романа «История одного города»)	190
<i>Тростников М. В.</i> Категория художественного времени в поэтике И. Бродского	192
<i>Фомин А. А.</i> (Екатеринбург). О классификации литературных онимов (на материале прозы А. Грина)	193
<i>Черепанова О. А.</i> (Екатеринбург) Языковая игра в фельетонном тексте (на материале фельетонов М. Задорнова)	195

Секция 7. ДОСТИЖЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ

<i>Бакеркина В. В., Шестакова Л. Л.</i> (Москва). К лексикографической интерпретации политической лексики	196
---	-----

<i>Галлямова Н. Ш.</i> (Уфа). Научно-теоретические основы учебного коммуникативно-ориентированного словаря	198
<i>Грекова О. К.</i> (Москва). «Интегральность» языкового описания как достоинство или недостаток в лексикографии слова и определении семантики предложения	200
<i>Ивашкович Т. И.</i> (Астрахань). Опыт идеографического описания семантического поля «знание, компетенция»	201
<i>Михайлова О. А.</i> (Екатеринбург). Лексическое значение, понятие и представление: лексикографическая интерпретация	203
<i>Москвин В. П.</i> (Волгоград). К построению тематического раздела «количество» в идеографическом словаре	205
<i>Плотникова Е. И.</i> (Екатеринбург). Семантика глаголов движения и их представленность в «Толковом идеографическом словаре русских глаголов»	207
<i>Поспелова М. С.</i> (Волгоград). Опыт идеографического описания одного лексического класса	208
<i>Пятаева Н. В.</i> (Стерлитамак). Опыт построения диахронического словообразовательного словаря	210
<i>Саяхова Л. Г.</i> (Уфа). Учебная лексикография в свете достижений современной лингвистики и лингводидактики	212
<i>Чувакин А. А.</i> (Барнаул). Язык писателя в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества	214

Секция 8. СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЯЗЫК ВЛАСТИ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК) И ЯЗЫК СОЦИУМА

<i>Амиров В. М., Майданова Л. М.</i> (Екатеринбург). Слово как орудие психологического нажима в политической агитации	217
<i>Блохина Н. Г.</i> (Тамбов). О состоянии русского языка в современном обществе: политический язык и речь социума	218
<i>Бобырь И. В.</i> (Москва). Роль прагматических факторов при оценочной номинации (язык пропаганды)	220
<i>Богословская О. И., Попова Г. Г.</i> Неолексемы-аббревиатуры в языке современной газеты	220
<i>Бровкина Ю. Ю.</i> (Барнаул). К вопросу о языковых аномалиях (на материале газетной рекламы)	223
<i>Иссерс О. С.</i> (Омск). Семантическая категория «свой круг» в аспекте речевого воздействия (на материале политического дискурса)	224
<i>Киуру К. В.</i> (Челябинск). Жанр деловой беседы: коммуникативная стратегия референта как профессионального коммуникатора	226
<i>Кузьмина Н. А.</i> (Омск). Коммуникативно-прагматические установки и активные стилистические процессы в современной газете	227
<i>Мульганова Т. Б.</i> (Волгоград). Способы реализации прагматической установки текста заключения (выводов) судмедэксперта	229

<i>Протасов Е. Б.</i> (Серпухов). Динамика использования оценочных средств в языке пропаганды	230
<i>Староверов С. П.</i> (Екатеринбург). Некоторые аспекты функционирования «языка власти» в интерпретации «новых философов»	232
<i>Тихомирова Е. А.</i> (Минск). Метафоры в идеологизированном тексте ...	233
<i>Чепкина Э.В.</i> (Екатеринбург). Имидж журналиста в конфликтной стратегии беседы	235

Секция 9. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Белякова С. М.</i> (Тюмень). Устойчивые сочетания с компонентом, обозначающим национальную принадлежность, в современных европейских языках	237
<i>Ван Цзиньлин</i> (Чанчунь, Китай). Антропонимы в русском и китайском языках и их использование в обращениях	239
<i>Золотарева Н. В.</i> (Екатеринбург). Глаголы речевого воздействия в русском и английском языках	240
<i>Мао Юйфэн</i> (Харбин, Китай), <i>Сивкова Т. Н.</i> (Екатеринбург). О сопоставительном изучении русских глаголов звучания и их китайских эквивалентах	241
<i>Москвин А. Ю.</i> (Ниžний Новгород). Об одной кельтской параллели к русскому слову лапа	243
<i>Мосягин А. А.</i> (Екатеринбург). К понятию системной стабилизации	244
<i>Свинцова И. Ю.</i> , <i>Терещенко Т. М.</i> (Волгоград). Особенности изучения грамматики русского языка иностранцами в сопоставительном аспекте	246
<i>Сивкова Т. Н.</i> (Екатеринбург), <i>Сун Генин</i> (Харбин, Китай). Русские глаголы поведения и их китайские эквиваленты в практике перевода	247
<i>Сивкова Т. Н.</i> (Екатеринбург), <i>Чжоу Тун</i> (Харбин, Китай). Русские и китайские глаголы чувства в синтагматическом аспекте	249
<i>Чижова В. А.</i> (Волгоград). Субстантивы среднего рода в русском и чешском языках	251
<i>Ян Д.</i> (Франкфурт-на-Одере, Германия). Проблемы перевода устойчивых сочетаний с немецкого языка	253

Секция 10. НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Брейтер М. А.</i> (Москва). Перспективы использования multi-media-технологий в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся	255
<i>Волегов А. В.</i> (Екатеринбург). Различные принципы анализа художественного текста в курсах русской литературы для иностранцев	257

<i>Гуляева И. В.</i> (Москва). Активность способа словосложения в терминологии методики преподавания русского языка как иностранного	258
<i>Калечиц Е. П.</i> (Екатеринбург). Роль детали при обучении русскому языку как иностранному	260
<i>Копцова Л. А.</i> (Екатеринбург). Использование элементов избыточной информации при создании учебного аудиотекста	261
<i>Нestyаго Н. В.</i> (Екатеринбург). Презентация актуализированной русской лексики на занятиях с иностранными учащимися	263
<i>Плотникова Г. Н.</i> (Екатеринбург). К вопросу о лингвометодическом подходе к описанию словообразовательных явлений	264
<i>Сивкова Т. Н.</i> (Екатеринбург). Лингвометодические основы описания и презентация глагольной лексики русского языка	265
<i>Хавронина С. А.</i> (Москва). Лексика делового общения в лингводидактическом аспекте	267

TOPICAL PROBLEMS OF RUSSIAN LINGUISTICS

This collection contains abstracts of papers submitted to the Topical Problems of Russian Linguistics International Conference. The conference is held by the Ural State University, the Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, the Ural Linguistic Society, The Russian Verb Research Team, and devoted to the 70th Anniversary of Prof. Era Vasilyevna Kuznetsova.

Core sections of this collection correspond to the following trends in contemporary linguistics:

1. Semantic Types of Russian Verbs and Approaches to Their Classification;
2. Regularities of Word Formation in Russian Language;
3. Semantic and Formal Modifications of Various Language Elements;
4. People in Language and Language of People: Anthropological Approaches;
5. Language and Cultural Borders: General Issues;
6. Language and Cultural Borders: Studies of Literature in Linguistics;
7. Theoretical Advances in Practice of Lexicography;
8. Societal State of Russian Language: Political Language and Common Speech;
9. Russian Language as a Subject of Comparative Studies;
10. Innovative Methods of Teaching Russian and Foreign Languages.

The collection is intended for researchers in the field of humanities, lecturers, and students of linguistics and literature.

Актуальные проблемы русистики
Тезисы докладов и сообщений
международной научной конференции

ИБ № 924

Редактор И. М. Харитонова
Ответственный за выпуск Ф. А. Еремеев

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 020227 от 08.10.91.

Подписано в печать 14.12.96. Бумага писчая.

Гарнитура Peterburg. Печать офсетная. Формат 64x84/16.

Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 300 экз.

Издательство Уральского университета.
620219, Екатеринбург, пр. Ленина, 13-6.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии г. Первоуральска.
Заказ 115.